ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

№ 4

Викторъ Черновъ.

ГЕРМАНСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ НА РАСПУТЬИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Кто виноватъ? (1915 г.).

I. Мотаморфоза 3
II. Чья вина 15
III. Рабочій націонализмъ 27
IV. Діагнозъ болѣзни 37

2. Милитарный соціализмъ (1916 г.).

I. Вполнѣ современный діалогъ . . 52
II. Двѣ мѣрки 57
III. Логика самовлюбленнаго оптимизма . 65

3. Новый марксистъ (1916 г.).

I. Національный капитализмъ и интернаціональный капиталъ 75
II Имперіалистическая фаза капитализма . . . 85
III. Національное сознаніе пролетаріи и революція . . 97

4. Теоретическій кризисъ (1915—1916 г.).

I. На теоретическомъ перепутьи 109
II. Въ поискахъ выхода 117
III. Мнимый выходъ 120
IV. На перевалъ 126
V. Индустріоцентризмъ и индустріоморфизмъ . . . 131
VI. Вопросъ силы 138

Кто виноватъ?

I. Метаморфоза.

Какъ все это могло произойти?"— съ мучительной тревогой спрашиваютъ себя многіе и многіе марксисты и просто люди съ марксистскими симпатіями. „Это"—то есть, разумѣется, безпримѣрное въ исторіи паденіе политической партіи, которая въ глазахъ соціальдемократовъ всего міра слыла за „партію-образецъ" для другихъ партій, за „Musterpartei". Какъ, иными словами, могла соціальдемократія, этотъ непримиримый врагъ германскаго капитализма, юнкерства, милитаризма и полуабсолютизма, внезапно превратиться въ этой войнѣ въ простую прислужницу династіи Гогенцоллерновъ и германскаго имперіализма?

Всю величину, все значеніе этой метаморфозы сразу трудно оцѣнить и взвѣсить, лишь постепенно стала она во весь ростъ передъ соціалистической совѣстью цѣлаго ряда марксистовъ — и заставила ихъ ужаснуться. Въ конфискованномъ нѣмецкой полиціей журналѣ „Интернаціоналъ"[1]) Роза Люксенбургъ яркими красками рисуетъ, къ какимъ безотраднымъ выводамъ должны были они придти. „Наполеонъ когда-то сказалъ, что два фактора являются рѣшающими въ исходѣ сраженія: „земной" факторъ — природа мѣстности, погода, вооруженіе борющихся сторонъ, пути сообщенія и т. п., и „божественный" факторъ—моральное состояніе войска, его воодушевленіе и вѣра въ себя и въ свое дѣло. Въ нынѣшней войнѣ о „земномъ" факторѣ съ нѣмецкой стороны заботится главнымъ образомъ фирма Круппа въ Эссенѣ, а забота о „божественномъ" выпала въ первой линіи на долю нѣмецкой соціаль-демократіи...

„Неизмѣримы тѣ услуги, которыя уже оказала и ежедневно оказываетъ эта послѣдняя нѣмецкому военному начальству, начиная съ 4 авг. 1914 года. Профессіональные союзы съ начала войны откладываютъ въ сторону всякую

---

[1]) „Die Internationale" Eine Monatsschrift für Praxis und Theorie des Marxismus, № 1, April 1915.

борьбу за заработную плату и окружаютъ ореоломъ „соціалистичности“ всѣ мѣры предосторожности, которыми военныя власти желаютъ предупредить взрывы народнаго неудовольствія; женщины-соціальдемократки отнимаютъ все свое время и всѣ свои силы отъ своего прежняго занятія — отъ соціальдемократической агитаціи — и рука объ руку съ буржуазными патріотками заботятся о семействахъ ушедшихъ на войну; соціальдемократическая пресса, за самыми ничтожными исключеніями, посвящаетъ свои страницы пропагандѣ войны, какъ національнаго и въ частности пролетарскаго дѣла и, сообразно теченію войны, то расписываетъ „русскую опасность“, то предаетъ народной ненависти „коварный Альбіонъ“, то торжествуетъ по поводу возстаній и революцій въ *чужихъ* колоніяхъ, то пророчитъ возрожденіе послѣ этой войны въ прежней силѣ Турецкой имперіи, то сулитъ всяческія свободы полякамъ, украинцамъ и всѣмъ прочимъ народамъ, то заботится о томъ, чтобы вдохнуть въ молодежь военную храбрость и героизмъ — короче, обрабатываетъ для идеологіи войны и общественное мнѣніе, и народныя массы; что касается, наконецъ, соціальдемократическихъ парламентаріевъ и партійныхъ лидеровъ, то они не только вотируютъ военные кредиты, но пытаются задушить въ народныхъ массахъ всякую наклонность къ сомнѣнію и критикѣ, но и со своей стороны поддерживаютъ правительство какъ личными услугами конфиденціальнаго свойства, такъ и рѣчами, статьями, брошюрами, написанными въ духѣ истинно-нѣмецкаго національнаго патріотизма... Гдѣ и когда еще во всемірной исторіи имѣла мѣсто война, въ которой было бы видано что-либо подобное?“

Неудивительно, что среди буржуазныхъ круговъ произошелъ явный поворотъ настроенія въ сторону симпатій къ соціальдемократической партіи.

Возьмемъ, для примѣра, хотя бы статью д-ра философіи Карла Гентцеля въ журналѣ „Das Freie Wort“ о „патріотическихъ заслугахъ соціальдемократіи“. Онъ прямо говоритъ о „національной благодарности“ ей со стороны всей Германіи; благодарности не только за то единодушіе, съ которымъ она „встала на защиту родины“, нѣтъ—за гораздо большее: „Нѣмецкая соціальдемократія втеченіе четверти вѣка послѣ уничтоженія исключительныхъ законовъ непрерывно и съ чрезвычайнымъ успѣхомъ работала надъ духовнымъ воспитаніемъ нѣмецкаго народа. И только потому, что эта тяжелая работа ей удалась, что нѣмецкій пролетаріатъ сейчасъ

пріобщенъ къ культурнымъ благамъ нашей націи—мы видимъ небывалое единодушіе въ дѣлѣ защиты отечества отъ напавшихъ на него же сосѣдей. А равно и склонность нести добровольныя жертвы во имя правоты нашего дѣла—къ стыду нашихъ состоятельныхъ классовъ, проявляющихъ большую сдержанность, тоже является однимъ изъ всходовъ духовныхъ посѣвовъ соціальдемократіи". И въ другомъ мѣстѣ: „Трогательная картина откровенія нѣмецкой народной души была бы невозможной безъ предварительной упорной и необыкновенной плодотворной *культурной работы* столь ненавистной въ мирное время соціальдемократіи: и вотъ почему всякій нѣмецъ долженъ ей быть сейчасъ глубоко и искренно благодаренъ"[1]).

Или вотъ еще одинъ, не менѣе любопытный примѣръ. При открытіи въ Берлинѣ „Дома свободнаго театральнаго искусства" д-ръ фил. Кауфманъ съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія заявилъ: „Наряду съ широкимъ соціальнымъ законодательствомъ вся созданная иниціативой рабочаго класса пролетарская культура стала однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій побѣды германскаго народа".

„И теребентянъ на что-нибудь полезенъ", говаривалъ глубокомысленно Козьма Прутковъ. И „столь ненавистная въ мирное время соціальдемократія съ ея докучной „пролетарской культурой" на что-нибудь пригодилась.

Само собой разумѣется, что среди интеллигентнаго мѣщанства Германіи нашлось не мало Маниловыхъ, которые въ порывѣ патріотическаго воодушевленія настроились по отношенію къ соціальдемократіи самымъ примирительнымъ образомъ. Такъ, напр., членъ свободомыслящей партіи рейхстага Копшъ въ одной изъ рѣчей разразился слѣдующей діатрибой о картинѣ будущей политической идилліи въ Германіи послѣ заключенія мира: „Помощь тѣмъ, кто сейчасъ борется и проливаетъ свою кровь за насъ! *Никакого различія больше между партіями*, которыя въ минуту опасности всѣ оказались — національными! Никакого различія также по происхожденію и вѣрѣ! Кровь, которая стекалась на поляхъ сраженія, даетъ хорошую спайку для будущаго мирнаго времени. Власть будетъ вынуждена дать народу свободу и права, которыя ему необходимы. Она будетъ вынуждена проникнуться довѣріемъ къ тѣмъ, кто оказалъ ей довѣріе".

---

[1]) „Unsere nationale Dankesschuld an die deutsche Sozialdemokratie" von Dr. phil. Karl. Hentzel. „Das Freie Wort". Dezember-Heft.

И „власть“, въ лицѣ канцлера Бетманъ-Гольвега, не постояла за посулами. Раздавая направо и налѣво (направо больше приватно и въ конкретной формѣ, налѣво — явно, но въ самой общей и неопредѣленной формѣ) политическіе векселя, онъ произнесъ, между прочимъ, вполнѣ въ духѣ рѣчи Копша, свою фразу о будущей Германіи, въ которой будетъ „einer gleich dem anderen“,—„каждый равенъ каждому“... Какъ отнеслась соціальдемократическая пресса къ рѣчамъ и заявленіямъ этого рода? Безъ тѣни ироніи: серьезно и привѣтственно. Изліянія Копша были отмѣчены, какъ „прекрасная рѣчь“, показывающая, что послѣ войны въ этомъ направленіи возможна будетъ политическая кооперація соціальдемократіи со свободомыслящими. Что же касается заявленій правительства, то его векселямъ кредитъ былъ оказанъ полнѣйшій. Достаточно сказать, что такая серьезная организація, какъ „Генеральная Комиссія германскихъ свободныхъ профессіональныхъ союзовъ“, въ своемъ Korrespondenzblatt'ѣ, относясь нѣсколько скептически къ нынѣшнему „рабочелюбію“ промышленниковъ, такъ характеризовала свое отношеніе къ позиціи власти. „Иного мы ждемъ отъ отношенія правительства къ профессіональному движенію. Ибо до сихъ поръ отношеніе это опредѣлялось страхомъ, какъ бы свободные союзы вмѣстѣ съ соціальдемократіей не оказались серьезной помѣхой для національной обороны. Всѣ такія опасенія сейчасъ разлетѣлись, какъ пухъ: ни соціальдемократія, ни свободные союзы не покинутъ отечества и народа въ моментъ опасности, а заняли, какъ и всѣ прочіе, надлежащее мѣсто въ дѣлѣ защиты страны. Слова кайзера: „Я не знаю больше партій, я знаю только нѣмцевъ“, повторилъ въ офиціальномъ мѣстѣ торжественно и канцлеръ и многократно ручался за ихъ дѣйствительность, за то, что и послѣ войны правительство будетъ знать „только нѣмцевъ“... Изъ этого въ первую голову вытекаетъ полное равноправіе, какъ политическое, такъ и правовое. Мы надѣемся, что правительство это пойметъ... и сейчасъ же послѣ войны его реализуетъ“.

Итакъ — вотумъ довѣрія правительству! Но что касается исконныхъ правительственныхъ партій, то они со своей стороны въ раздачѣ вотумовъ довѣрія много сдержаннѣе и осторожнѣе. О, конечно, онѣ чрезвычайно довольны той линіей поведенія, которую избрала германская соціальдемократія въ цѣломъ. Онѣ готовы со своей стороны сдѣлать возможно облегчить для нея поддержаніе этой линіи поведенія.

И поскольку это достижимо путемъ благосклонной и многообѣщающей фразеологіи — на это онѣ не скупятся. Но въ общемъ, все же, повидимому, эта метаморфоза соціальдемократіи кажется имъ чѣмъ-то въ родѣ пріятнаго, чудеснаго сна — слишкомъ хорошаго для того, чтобы длиться долго. Или, если хотите, соціальдемократія представляется имъ чѣмъ-то вродѣ чудеснымъ образомъ поддавшагося „одомашненію" лѣсного звѣря, отъ котораго — чѣмъ лучше онъ себя ведетъ — тѣмъ болѣе внезапныхъ сюрпризовъ можно ожидать, ибо слишкомъ ужъ неестественна его кроткая прирученность. И вотъ пускается въ ходъ цѣлая искусная система поглаживанія его по шерсткѣ и тому подобныхъ почти гипнотизирующихъ пріемовъ ловкаго укротителя, не забывающаго, однако, ласково и бережно подпиливать звѣрю острые когти и посматривать, не отростаютъ ли они вновь. Система военной цензуры и запрета публичныхъ собраній все время въ неослабномъ дѣйствіи. Но эти мѣры не рѣзки, не категоричны, не брутальны. Закрытыя газеты то и дѣло снова разрѣшаются къ выходу, иногда на основѣ нѣкоторыхъ „договоровъ" съ редакціей и довольно неопредѣленныхъ обязательствъ съ ея стороны, а иногда и просто „такъ". Прежніе несовсѣмъ улетучившіеся „навыки" бывшаго „дикаря" стараются, по возможности, менажировать. И система дѣйствуетъ не безъ успѣха. Еще Лассаль когда-то сказалъ про прусское правительство: „служители монархіи практики, а не краснобаи". Вѣрнѣе, они и въ качествѣ „краснобаевъ" выступаютъ лишь по трезвому разсчету, а не для того, чтобы упиваться собственнымъ краснорѣчіемъ: не въ ихъ правахъ культивировать его, какъ искусство для искусства, не на службѣ обдуманной политической стратегіи, а *вмѣсто* нея.

Конечно, время отъ времени надежды на политическія „великія и богатыя милости" послѣ войны терпятъ суровые толчки дѣйствительности, ибо многіе изъ представителей имущихъ и правящихъ классовъ, то по простой неосторожности, то по неосвѣдомленности, тревожась по поводу слишкомъ далеко, по ихъ мнѣнію, заходящаго флирта правительства съ соціальдемократіей, проявляютъ свою настоящую природу и заставляютъ опасаться за будущее. Тогда болѣе нетерпѣливые изъ „прирученныхъ" начинаютъ предъявлять иные изъ правительственныхъ векселей къ немедленной уплатѣ,—и сразу натыкаются на политическій мораторіумъ, а то и просто заявленіе о непріемлемости такого рода притязаній. Такъ случилось съ попыткой сдвинуть съ мѣста хотя

бы вопросъ объ избирательной реформѣ въ прусскомъ ландтагѣ. Много горечи осѣло въ душѣ соціальдемократовъ одомашненнаго большинства отъ постановки этого вопроса на дебаты. Но не довольствуясь этимъ, лидеры и теоретики консерватизма въ своей печати не упустили случая поставить всѣ точки на і. Такъ напримѣръ, небезызвѣстный консерваторъ Грабовскій, издатель журнала „Das neue Deutschland", прекрасно показалъ, что ожидаемая его единомышленниками „новая" Германія во внутреннихъ отношеніяхъ должна быть какъ двѣ капли воды похожа на старую.

„Сейчасъ же послѣ войны—писалъ Грабовскій—передъ нами встанетъ большій вопросъ — всѣмъ вопросамъ вопросъ: какъ быть съ народомъ, насколько при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ придется пойти навстрѣчу его политическимъ домогательствамъ?"

Вопросъ, какъ видите, поставленъ болѣе, чѣмъ откровенно, и это прямое „какъ быть съ народомъ?" звучитъ почти цинически. Не менѣе ясенъ и отвѣтъ на вопросъ: „какія уступки будутъ неизбѣжны?" Грабовскій подсмѣивается надъ прямолинейными демократами, которые отвѣчаютъ „всѣ". Такая постановка непріемлема, ибо „народъ нашъ молится богамъ, которые ему были и будутъ чужды".

„Возьмемъ конкретный примѣръ: прусское избирательное право. Вѣдь нужно раньше доказать, что съ демократизаціей его Пруссія лучше исполнитъ роль руководителя Германіи, чѣмъ теперь. А представить такія доказательства наши радикальные доктринеры безсильны. Въ особенности по отношенію къ Пруссіи, которая выросла и окрѣпла въ своей іерархической организаціи, гдѣ великіе вожди дѣлали великія дѣла, малые — малыя, и гдѣ всякій подчинялся предѣламъ своихъ возможностей. Вовсе не равноцѣнность всего, по природѣ своей неравноцѣннаго, но діаметрально противоположный этому принципъ — вотъ что рекомендуетъ намъ наша исторія".

Совершенно ясно, что побѣды Германіи въ глазахъ ея правящихъ слоевъ есть и будутъ лишь доказательствомъ внутренней силы ея нынѣшней соціально-политической организаціи. Доказавъ въ боевомъ крещеніи свою „годность", она должна изъ войны выйти морально укрѣпленной и практически консолидированной. Высокая „почтительность" Гогенцоллернской династіи и ея правительства о „вѣрноподданныхъ" на основѣ стараго режима—вотъ что готова предложить *старая* Германія въ обмѣнъ на кличку „*новой*" и на со-

зданіе въ странѣ, рядомъ съ „оппозиціей Его Величества“ еще и „соціальдемократіи Его Величества“.

И такая соціальдемократія въ зародышѣ, въ лицѣ праваго крыла нынѣшней партіи, уже имѣется. Достаточно взять для примѣра хотя-бы такого крупнаго и талантливаго дѣятеля партіи, какъ Вольфгангъ Гейне. Съ вопросомъ о республикѣ онъ давно порѣшилъ. Въ статьѣ, напечатанной въ Süddeutsche Monatshefte, онъ говоритъ: „всякій знаетъ, что замѣна германской монархіи республикой въ ближайшія времена является вопросомъ не практической политики, а чисто теоретическимъ“, и потому „у соціальдемократіи не будетъ ни времени, ни желанія слишкомъ много говорить или думать о республикѣ“. Зато у самого Гейне есть достаточно „и времени, и желанія“, чтобы много, даже слишкомъ много, говорить — о кайзерѣ. И послушайте, въ какихъ тонахъ! „Довѣримся, товарищи, миролюбію кайзера. Мы знаемъ, дважды спасъ онъ въ послѣдніе годы своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ европейскій миръ. Первый разъ при марокскомъ кризисѣ, второй — когда крайне обострились отношенія между Австріей, Сербіей и Россіей. Онъ оставался тогда непоколебимъ и заявилъ, что передъ Богомъ и совѣстью своею онъ не можетъ взять на себя безъ крайней необходимости отвѣтственность за войну. И даже послѣ того, какъ война разгорѣлась, кайзеръ остался тѣмъ же. Онъ съ серьезностью и достоинствомъ говорилъ о Франціи, изъ чего явствуетъ, что онъ и сейчасъ еще думаетъ объ истинномъ примиреніи народовъ. Мы, соціальдемократы, не разъ пользовались въ послѣдніе годы случаемъ выразить ему, несмотря на оппозицію общей политикѣ и даже личности, нашу благодарность за искреннюю и дѣйственную миролюбивую политику. Поэтому мы въ правѣ и въ этотъ моментъ оказать кайзеру довѣріе“...

Такъ говорилъ онъ въ своей штутгартской рѣчи, встрѣтившей, разумѣется, прекрасный пріемъ во всей буржуазной и даже консервативной прессѣ. Правда, послѣ довольно двусмысленной дѣятельности такого прусскаго соціальдемократа, какъ Зюдекумъ, среди французскихъ военноплѣнныхъ и послѣ его совершенно недвусмысленной дѣятельности съ конфиденціальной миссіей отъ правительства въ Румыніи,—фактъ нарожденія новой породы кайзеръ-соціалистовъ, не представлялъ уже никакого сомнѣнія. Но Вольфгангъ Гейне первый изъ области „приватныхъ“ выступленій перенесъ его въ область „публичную“. За нимъ уже устремились и другіе.

Задача превратить „кайзеръ-соціализмъ" въ цѣлую обдуманную и законченную политическую систему выпала на долю лидера баденскихъ соціальдемократовъ, Вильгельма Кольба. Онъ посвятилъ ея разрѣшенію цѣлую чрезвычайно любопытную—какъ „знаменіе времени"—брошюру [1]). Для него голосованіе 4 августа имѣетъ колоссальное принципіальное значеніе. „Принципъ отрицанія современнаго государства окончательно покинутъ. Съ отказомъ отъ этого принципа для соціальдемократіи вытекаетъ измѣненіе ея позиціи по отношенію къ монархіи! „Никто иной, какъ самъ кайзеръ, взялъ иниціативу къ новой, давно назрѣвшей политической оріентаціи, провозгласивъ пароль—для него нѣтъ болѣе партій, а есть только нѣмцы... И стѣна, воздвигнутая противной всякому здравому смыслу теоріей между соціальдемократіей съ одной стороны, буржуазными партіями и монархіей съ другой—рухнула... Намъ искусственно воздвигнуты препятствія къ взаимному пониманію и взаимопризнанію... Война скрѣпила новымъ крѣпкимъ цементомъ нѣмецкій народъ, но скрѣпила также народъ съ монархіей".

Теперь спрашивается: какъ же быть, въ виду этого факта, съ программнымъ республиканизмомъ соціальдемократіи? Да очень просто. Признать, что и раньше этотъ республиканизмъ былъ достаточно платоническимъ, и не вводить самихъ себя въ заблужденіе радикально звучащей декламаціей. „Ни сегодня, ни вообще въ доступное для нашихъ политическихъ разсчетовъ время теоретическій принципъ республиканизма не имѣетъ и не получитъ практическаго значенія: это слишкомъ ясно доказала нынѣшняя война со всѣхъ точекъ зрѣнія. Да въ рамкахъ капиталистическаго соціальнаго строя республиканская форма правленія сама по себѣ и не дастъ никакого ручательства за лучшія соціальныя и хозяйственныя условія существованія для рабочаго класса. Монархія, въ которой соціальдемократія обладаетъ вліяніемъ на государственную власть, можетъ гарантировать рабочему классу значительно болѣе благопріятныя условія, чѣмъ управляемая капиталистами республика. Не существуетъ ни одной республики, въ которой бы соціальныя и хозяйственныя условія существованія рабочаго класса были настолько благопріятнѣе, чѣмъ въ Германіи, чтобы соціальдемократія могла

---

[1]) Die Sozialdemokratie am Scheidewege. Ein Beitrag zum Thema-Neuorientierung der deutschen Politik. Von W. Kolb. Karlsruhe, 1915.

отсюда сдѣлать выводъ о необходимости придавать вопросу о формѣ правленія такое большое значеніе, какъ это дѣлаютъ наши „радикалы“. Внутри капиталистическаго общественнаго строя вопросъ о формѣ правленія есть политически второстепенный вопросъ“. Смыслъ событій ясенъ. Съ начала войны „у рабочихъ прорвалось съ элементарной стремительностью чувство національнаго самосознанія, а съ другой стороны, съ той же элементарной стремительностью прорвалось пониманіе, какое огромное политическое и военное значеніе принадлежитъ въ современномъ государствѣ массѣ“. Отсюда не можетъ не произойти переворота во всей политикѣ. „Масса перестала быть лишь *объектомъ* политики господствующихъ классовъ, она стала *субъектомъ* какъ внутренней, такъ и внѣшней политики... Ни монархія не можетъ болѣе желать политически игнорировать массу, ни масса—монархію“. „Довѣріе за довѣріе! Таковъ долженъ быть теперь лозунгъ — какъ соціальдемократіи, такъ и монархіи“.

Все это болѣе, чѣмъ недвусмысленно. Концепція проста. Прекращено „принципіально отрицательное отношеніе къ современному государству“, и эта перемѣна отношенія должна распространиться и на важнѣйшія учрежденія современнаго государства: во-первыхъ, на монархію, и во-вторыхъ — на ея милитарный аппаратъ, на постоянную армію. И въ полномъ согласіи съ этой основной линіей поведенія, Кольбъ старается „урезонить“ своихъ товарищей не очень настаивать на такомъ „скачкѣ въ неизвѣстность“, какъ „народная милиція“. Не сули журавля въ небѣ, не упускай синицу изъ рукъ. А эта синица—„оправдавшій себя“ милитарный аппаратъ пруссифицированной Германіи. Не удивляйтесь поэтому, что „лѣвый“ ортодоксъ, Конрадъ Гейнишъ, еще недавно близкій другъ Карла Либкнехта, начинаетъ задумываться о военномъ духѣ въ школѣ,—и не въ томъ смыслѣ, чтобы отыскать способы, какъ бы спасти растущее молодое поколѣніе отъ отравленной атмосферы окружающей его неслыханной человѣческой бойни, какъ бы предохранить его отъ очерствѣнія и равнодушной привычки къ зрѣлищу крови, — нѣтъ, какъ разъ наоборотъ! — въ томъ смыслѣ, чтобы *сблизить войну и школу*! „И мы думаемъ,—заявилъ этотъ „поумнѣвшій“ марксистъ въ прусскомъ ландтагѣ—что школа не должна пройти мимо великихъ событій нашихъ дней, не должна быть внѣ времени. Но все зависитъ отъ того, какъ она выполнитъ эту задачу. Нужно возбуждать въ ученикахъ гордость отъ сознанія несравненнаго муже-

ства и геройской способности къ самопожертвованію нашихъ войскъ на сушѣ и на морѣ. Юношество воодушевляется отдѣльными особенно выдающимися дѣяніями, которыхъ со стороны какъ офицеровъ арміи, такъ и рядовыхъ солдатъ, зарегистрировано въ этой войнѣ большое количество. Я напомню только о подвигахъ подводной лодки „U-9", „Гебена", „Бреслау", „Королевы Луизы". Груди сотенъ, соціальдемократическихъ рабочихъ и ихъ довѣренныхъ людей также украшены сейчасъ желѣзными крестами"...

Не удивляйтесь и тому, что въ журналѣ хорошо извѣстнаго намъ, русскимъ, „единственнаго истиннаго марксиста" Парвуса другой „крайній лѣвый" марксистъ, Максъ Грюнвальдъ, посвящаетъ совершенно небывалую на страницахъ соціалистической прессы восторженно - дифирамбическую статью „герою времени", фельдмаршалу Гинденбургу—статью, представляющую собою nec plus ultra военно - патріотическаго экстаза и почти религіознаго преклоненія передъ этимъ воплощеніемъ „германскаго генія".

Лиха бѣда начать! Но разъ ужъ дорога проложена, то недостатка въ подражателяхъ не будетъ. И даже въ подражателяхъ той породы, про которую сказано: „заставь ихъ Богу молиться—начнутъ лбы расшибать".

Вотъ пара иллюстрацій. Въ нижней палатѣ великаго герцогства Баденскаго вице-президентомъ состоитъ соціальдемократъ Гайссъ. Открывая засѣданія палаты, онъ заявилъ, что въ этой войнѣ „Германія единодушно встала противъ насилія, защищая отечество отъ напавшихъ на него одержимыхъ завистью враговъ", и, выразивъ „благодарность и признательность" правительственному „военному аппарату, ведущему нѣмцевъ отъ побѣды къ побѣдѣ", закончилъ рѣчь провозглашеніемъ „Hoch" (ура) нашему гроссгерцогу, народу и родинѣ"! Придворные нравы такъ изучены этимъ „соціальдемократомъ Его Величества", что онъ незабылъ даже поставить гроссгерцога впереди „народа и родины".

„Hoch-Sozialisten" или „ура - соціалисты" водятся не только въ Баденѣ. Вотъ вамъ еще одинъ „веселенькій пейзажикъ" этого же сорта. Въ Кобургскомъ партійномъ соціальдемокр. органѣ „Volksblatt" отъ 23 янв. можно было прочесть, подъ заглавіемъ „запрещеніе патріотическаго концерта" слѣдующее объявленіе по мѣстной соціальдемократической епархіи: „Устраиваемый ферейномъ пѣвцовъ въ ближайшій вторникъ большой патріотическій концертъ въ честь рожденія кайзера запрещенъ мѣстнымъ министерствомъ, такъ какъ

германскій кайзеръ не хочетъ ничего знать о шумномъ празднованіи дня его рожденія. Тѣмъ самымъ, конечно, разосланныя приглашенія теряютъ свою силу".

Уже это объявленіе само по себѣ достаточно выразительно. Но еще выразительнѣе тотъ фактъ, что послѣ этого на „Volksblatt" посыпались нареканія... вы думаете, за противорѣчіе республиканскимъ принципамъ соціальдемократіи? Ничего подобнаго: за то, что онъ оказался недостаточно патріотиченъ. Этотъ недостатокъ патріотизма сказался, между прочимъ, въ томъ, что онъ ничѣмъ не отозвался на то, что въ Нейштатѣ (близъ Кобурга) мѣстный священникъ во время однѣхъ похоронъ, пришедшихся какъ разъ въ день рожденія кайзера, въ надгробномъ словѣ ничѣмъ не обмолвился о значеніи этого дня. „Расшибающіе лбы" мѣстные Hoch-соціалисты не хотѣли этого спустить бѣдному священнику, и неподдержавшая ихъ редакція Volksblatt'а подверглась за это нареканіямъ настолько сильнымъ, что вынуждена была откликнуться на нихъ и адресовать своихъ обвинителей къ очередному собранію партійной „комиссіи прессы", какъ апелляціонной инстанціи во всѣхъ подобныхъ конфликтахъ. Редакція не безъ ядовитости писала: „Между прочимъ, нѣкоторымъ товарищамъ, отказавшимся получать „Volksblatt" по той причинѣ, что онъ не разразился градомъ ругательствъ по адресу священника, въ прощальномъ словѣ мертвому не упомянувшаго о живомъ,—мы въ Кобургѣ не устроили никакихъ празднествъ въ рабочемъ домѣ уже по той причинѣ, что самъ кайзеръ не пожелалъ никакихъ общественныхъ празднествъ". Все это — картины „партійной жизни", которыя сами по себѣ слишкомъ краснорѣчивы, чтобы требовать комментаріевъ. Стоитъ отмѣтить, что и въ Австріи кое-гдѣ не отставали отъ своихъ германскихъ товарищей. Такъ, когда въ Зальцбургѣ наканунѣ дня рожденія Вильгельма II шла знаменитая драма Лессинга „Эмилія Галотти", то въ мѣстномъ *партійномъ* соц.-дем. органѣ „Salzburger Wacht", въ отдѣлѣ „Искусство и Наука", можно было прочесть слѣдующій выговоръ дирекціи театра: „Почему дирекція не воспользовалась кануномъ дня рожденія Вильгельма II, который и для насъ, австрійцевъ, изъ-за непоколебимой преданности союзнаго германскаго народа сталъ такимъ значительнымъ, чтобы какимъ-нибудь торжественнымъ представленіемъ не ознаменовать его? Былъ, какъ разъ прекрасный случай для постановки на нашей сценѣ какой-нибудь соотвѣтственной драмы Вильденбруха". Долой республи-

капскіе предразсудки—и hoch кайзеру и гроссгерцогамъ! Долой Лессинга—и да здравствуютъ разные Hof-поэты и Hof-драматурги! Таковъ лозунгъ времени.....

Мы говоримъ здѣсь, конечно, объ эксцессахъ германскаго соціальпатріотизма, въ которыхъ неповинна вся партія. Да, неповинна прямо—но повинна косвенно, поскольку она общимъ своимъ уклономъ въ извѣстную сторону толкаетъ именно къ *такимъ*, а не инымъ эксцессамъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, у которыхъ не очень-то сильны задерживающіе центры. И поистинѣ, самое худшее—не то, что нѣсколько пересусердствовавшихъ истинно-нѣмцевъ изъ соціальдемократіи стали кричать „Hoch" вѣнценосцамъ и съ гордостью носить ихъ орденскія бездѣлушки, а то, что почти вся партія обрѣла себя „по одну сторону барикады" съ носителями власти и заключила безмолвное перемиріе со своими классовыми врагами. И германское правительство это оцѣнило. Какъ только въ соціальдемократіи возникло оппозиціонное теченіе, явно направленное противъ линіи поведенія партійнаго большинства, такъ тотчасъ же оказалось, что критика нынѣшней соціальдемократіи столь же мало допустима, какъ и критика цѣлаго ряда другихъ *государственныхъ установленій*. „Цензурующія учрежденія„—жаловался, напримѣръ, оппозиціонный „Gothaer Volksblatt —главную свою задачу видятъ въ удушеніи въ соціалистическомъ лагерѣ всякой критики поведенія соціальдемократической фракціи, сокровенная цѣль ихъ—сохранить „гражданскій миръ" въ рядахъ могучей соціальдемократической партіи, парализовать тѣ силы, которыя грозятъ разрушить ея единство и сплоченность. Соціальдемократія подъ охранительнымъ крылышкомъ правительства—вотъ самый значительный фактъ изъ области внутренней политики въ переживаемое нами „великое время".

Куда же все это должно привести? Въ рядахъ соціальдемократіи нѣтъ недостатка въ людяхъ, достаточно проницательныхъ, чтобы это видѣть. Но, къ сожалѣнію, въ ней нашлись и люди достаточно откровенные — откровенные до цинизма—чтобы, при попустительствѣ партійныхъ центровъ, съ открытыми глазами скользить внизъ по наклонной плоскости. Расколъ при такихъ условіяхъ неизбѣженъ. Онъ только вопросъ времени. Все здоровое должно будетъ уйти изъ современной партіи.

II. Чья вина.

Спрашивается теперь: если партія, какъ видно изъ приведенныхъ явленій, больна, и больна серьезно, то какой долженъ быть поставленъ діагнозъ ея болѣзни? Соотвѣтственно характеру діагноза только и возможно пріискивать средства леченія. Наконецъ, лишь обладая діагнозомъ и пуская въ ходъ соотвѣтственныя средства, можно перейти и къ прогнозу, можно отважиться заглянуть въ будущее...

Итакъ, откуда взяло свое начало грѣхопаденіе германской соціальдемократіи? Какъ только мы ставимъ этотъ вопросъ, такъ тотчасъ же вступаемъ въ область ожесточенныхъ споровъ.—„Виноваты вожди,—говорятъ одни: это они, съ ничѣмъ не оправдываемою поспѣшностью, повѣрили на слово имперскому правительству, что на Германію напали, что она—жертва обширнаго міроваго заговора, и что ей остается только защищаться всѣмъ, что попадется подъ руку. Они увѣрили въ этомъ массу, и масса послушно пошла туда, куда ее повели“.—„Нѣтъ—говорятъ другіе—руководящія сферы германской соціальдемократіи сами были лишь показателемъ общаго настроенія; уже давно онѣ вовсе не играютъ роли „героевъ“ по отношенію къ стадной „толпѣ“; если бы онѣ вздумали повести массу не на дѣло національной обороны, а на дѣло, напримѣръ, всеобщей стачки противъ войны, то онѣ остались бы штабомъ безъ арміи: никто не пошелъ бы за ними“.

— „Да, и масса, и вожди равно поддались гипнозу, говорятъ третьи; но кто въ этомъ виноватъ? Виноватъ ревизіонизмъ, систематически развращавшій пролетаріатъ, отвращавшій его отъ борьбы за конечныя цѣли соціализма, сосредоточивавшій его вниманіе на мелкой, мѣщански-утилитарной борьбѣ за непосредственныя частичныя реформы и миривший его съ существующимъ строемъ. Вотъ результатъ его вліянія“.—„Нѣтъ, ужъ тогда виновата ортодоксія—заявляютъ четвертые: это она, отличаясь отъ ревизіонизма одной революціонной фразеологіей, а на дѣлѣ проводившая ту же мелко-реформистскую, мирно-легалистскую тактику, усыпляла настоящій революціонный инстинктъ германскаго пролетаріата и въ критическій моментъ отдала его безпомощной игрушкой во власть событій“.

—„И ревизіонисты, и ортодоксы равно виновны, —вмѣшиваются пятые: вина лежитъ на всей соціальдемократіи, какъ таковой. Это банкротство политической организаціи германскаго пролетаріата, взятой въ ея цѣломъ. Такъ, какъ она

исторически сложилась, германская рабочая партія оказалась недостаточно интернаціоналистической и недостаточно дѣйственной. Она не умѣла воспитать въ духѣ истинной международности рабочій классъ, и въ этомъ—ея колоссальная вина передъ исторіей, вина, которой нѣтъ прощенія".—„Нѣтъ, ужъ если устанавливать отвѣтственность тѣхъ или иныхъ организацій,—перебиваютъ шестые—то партія не причемъ, а виноваты профессіональные союзы: это они все время тяжелой гирей висѣли на ногахъ пролетаріата, служа разсадникомъ цехового оппортунизма. Бѣда въ томъ, что партія, вмѣсто того, чтобы подчинить ихъ своему вліянію, направляемому принципіально выдержанной программой и широкими идеалистическими задачами, наоборотъ, сама слишкомъ считалась съ ними и, наконецъ, подчинилась ихъ вліянію. Истинный виновникъ, это профессіоналистскій оппортунизмъ. И вотъ почему даже тогда, когда въ соціаль-демократической партіи уже началось отрезвленіе, и возрожденіе стараго непримиримаго духа идетъ семимильными шагами, профессіональная конференція *единогласно* подтверждаетъ принятую 4 августа линію политическаго поведенія. Политическая партія проявила больше слабости, а „профессіональныхъ дѣлъ мастера"—злостности".

Какой хаосъ противорѣчій! Какая сутолока исканій!

Виноваты вожди... Но вотъ странность: кто сейчасъ заслуживаетъ имени „вождей" въ германской соціальдемократіи? Ея теоретическіе вожди извѣстны: вождь ортодоксальнаго большинства,—Карлъ Каутскій и вождь ревизіонистскаго меньшинства—Эдуардъ Бернштейнъ. И что же? Оба они въ данный моментъ стали въ оппозицію къ господствующему „милитарному соціализму" или „соціальимперіализму". Пусть эта оппозиція не является достаточно рѣшительной, послѣдовательной и непримиримой; пусть она возбуждаетъ законное недовольство лѣвыхъ интернаціоналистовъ; пусть Бернштейнъ и Каутскій образуютъ сейчасъ что-то вродѣ „болота", слишкомъ робкаго для открытой поддержки Ледебуровскаго партійнаго „лѣваго центра"; но, какъ бы то ни было, они—оппозиція. Господствующее теченіе независимо отъ нихъ и вопреки имъ опредѣляетъ свою линію поведенія, порою награждая ихъ изрядными репримандами.

А кто практическіе вожди германской соціальдемократіи? Такихъ признанныхъ вождей послѣ смерти Либкнехта и Бебеля у нея нѣтъ. Она, можно сказать, переживаетъ періодъ *безвожденія*. Формальнымъ замѣстителемъ Бебеля во главѣ партіи,

предсѣдателемъ партійнаго правленія и парламентской фракціи былъ избранъ въ свое время Гаазе. Но и онъ сейчасъ—въ рядахъ оппозиціи „лѣваго центра“ и, въ качествѣ таковаго, не разъ подвергался травлѣ со стороны большинства.

У кого больше „именъ“? Несомнѣнно, у оппозиціи. Переходя справа налѣво, мы должны прибавить къ именамъ Гаазе, Бернштейна и Каутскаго еще имена такихъ видныхъ писателей и ораторовъ, какъ Мерингъ, Ледебуръ, Клара Цеткинъ, Роза Люксембургъ. Сравнительно съ ними громадное большинство руководителей нынѣшняго большинства—выглядятъ какою то „собирательной посредственностью“. Самые крупные изъ нихъ—Давидъ, Гейне—никогда не пользовались въ партіи большимъ вліяніемъ. Они стояли на отшибѣ, и удѣльный вѣсъ ихъ возросъ какъ разъ со времени поворота партіи въ сторону воинственнаго націонализма.

„Героями времени“ они стали какъ разъ въ моментъ когда массами началъ овладѣвать военный психозъ. Есть среди патріотическаго большинства и очень солидные люди, какъ знатокъ рабочаго законодательства Молькенбуръ, какъ ученый этнографъ Гейнрихъ Куновъ; есть способные авантюристы, какъ Парвусъ; но развѣ это—„вожди“, чьимъ обаяніемъ можно объяснить грѣхопаденіе всей партіи? Германская соціальдемократія, впрочемъ, давно уже вышла изъ того состоянія, когда „sic volo, sic jubeo“ лидеровъ является закономъ для массъ. Какимъ ни пользовались въ свое время личнымъ обаяніемъ, популярностью и авторитетомъ покойные Бебель и Либкнехтъ, но когда на Бреславльскомъ партейтагѣ они попробовали вырвать партію изъ ея пролетарской исключительности, потянуть ее въ деревню, пробудить въ ней братскія чувства къ трудовой крестьянской массѣ и соотвѣтственно расширить ея программу аграрно-соціализаторскими требованіями—ихъ попытка потерпѣла самое полное фіаско: рѣдко когда лидерамъ партіи приходилось испытать такое полное пораженіе, какъ это случилось съ ними. Поэтому объяснять нынѣшнее банкротство германской соціальдемократіи измѣной вождей — значитъ впадать въ явный абсурдъ и вульгарное пониманіе событій.

Почему же въ извѣстныхъ кругахъ такъ упорно держится это объясненіе? Отвѣтъ не труденъ. Потому, что, обвиняя во всемъ „вождей“, мы тѣмъ самымъ выгораживаемъ массу. Потому, что мы такимъ образомъ удовлетворяемъ своему примитивному „рабочелюбію“. Мы доселѣ нуждаемся въ идолахъ, въ предметахъ обожанія, передъ которыми готовы

продрать до дыръ колѣни и стукаться лбами объ полъ. Когда то примитивному народничеству служилъ такимъ идоломъ крестьянинъ—соціальный типъ, которому по природѣ полагалось быть вмѣстилищемъ всѣхъ общественныхъ добродѣтелей. Русскій марксизмъ въ значительной мѣрѣ былъ лишь вывороченнымъ на изнанку народничествомъ. Мѣсто крестьянина въ немъ занялъ пролетарій, мѣсто народолюбія-рабочелюбіе. Но неприкосновенными остались розовые очки идеализаціи, съ ихъ неизмѣннымъ спутникомъ—изумительной способностью закрывать глаза на ея противорѣчіе съ прозаической, будничной дѣйствительностью. Или, вѣрнѣе, не закрывать на него глаза, а отдѣлываться отъ него дешевымъ способомъ: взваливая всю вину за него на какія-нибудь внѣшнія, совершенно посторонніе и чужія „наслоенія", „вліянія".

Помните старую балладу Алексѣя Толстого?

И подумалъ Потокъ:—Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана.
А сегодня—велятъ мужика обожать...
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ—
На вчерашнемъ основана духѣ!

Поистинѣ, замѣна мужика—пролетаріемъ могла бы дать достаточно содержанія для новаго, непредвидѣннаго авторомъ пробужденія Потока—богатыря. Утѣшительно, конечно, „оправить" пролетаріатъ, взваливъ вину за его слабость на злые козни „вождей", на измѣну посторонняго, чуждаго элемента—партійной интеллигенціи. Но, во-первыхъ, не значитъ ли это объявлять пролетаріатъ—какимъ-то стадомъ барановъ, которое пастухъ-интеллигенція можетъ послать рѣшительно куда захочетъ? А, во-вторыхъ—не значитъ ли это, хотя бы невольно и безсознательно, но все-таки впадать въ дешевый демагогизмъ? Не значитъ ли это посягать на законную собственность старой-престарой, и, казалось бы, давно сданной въ архивъ „махаевщины", съ ея вѣчнымъ противопоставленіемъ абсолютно совершеннаго—„чище снѣга альпійскихъ вершинъ" по своей природѣ пролетаріата, и нѣчно развращающей его интеллигенціи, стремящейся къ сдѣлкамъ съ верхами и бюрократическому „захвату власти" надъ пролетаріатомъ? Правда, давно уже было отмѣчено внутреннее сродство и основанное на этомъ сродствѣ безсознательное

тяготѣніе вульгарнаго марксизма къ махаевщинѣ [1]); но неужели марксизму, сбитому съ толку надвинувшейся военной катастрофой, судьба оставаться лишь *вульгарнымъ* марксизмомъ, и не дано героическимъ усиліемъ подняться и надъ всякими вульгаризаціями, и надъ самимъ собою?

Мы отнюдь не хотимъ впадать въ противоположный грѣхъ — оправдыванія, выгораживанія идейныхъ вождей, практическихъ лидеровъ, теоретиковъ германской соціальдемократіи, ея „партійной бюрократіи", ея интеллигенціи. Нѣтъ, они, безъ сомнѣнія, отдали свою долю дани военно-патріотическому угару. Они имѣли свое вліяніе и на массу,— какъ, однако, и наоборотъ: масса не меньше вліяла на нихъ. „Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben"—это излюбленное изреченіе къ лицу ли забывать марксистски мыслящимъ людямъ?

Такому безпристрастному и близкому наблюдателю нѣмецкой психологіи, какъ ветеранъ швейцарскаго соціализма Германъ Грейлихъ, многіе „вполнѣ надежные товарищи" сами разсказывали, какъ они въ началѣ войны „подверглись вліянію этого коллективнаго психоза"—небывалой стихіи національной страсти, обладавшей силой „массового гипноза" и порождавшей то, что сами они потомъ, опомнившись, опредѣлили, какъ „душевное заболѣваніе". И вожди, и массы такимъ образомъ переживали одну болѣзнь, и вопросъ о томъ, кто кого заражалъ—праздный, ибо заразились они одновременно; а заразились потому, что и у однихъ, и у другихъ было извѣстное *предрасположеніе* къ заболѣванію. Въ чемъ же заключалось, откуда происходило и какъ выражалось это предрасположеніе? И какъ точнѣе опредѣлить характеръ самой болѣзни?

Тутъ насъ снова прерываютъ представители того типа „людей съ короткими мыслями", „умственныхъ сидней", у которыхъ на все есть свои упрощенные отвѣты. И на этотъ разъ они дружно кричатъ, что найдена болѣзнетворная бактерія которая всему виною: это—ревизіонизмъ! Онъ—отецъ всѣхъ компромиссовъ, сдѣлокъ, оппортунизмовъ, сворачиваній съ прямого истиннаго пути, развращенія и деморализаціи пролетаріата! Онъ—виновникъ и нынѣшней его деморализаціи!

Это геніальное открытіе сдѣлано было, конечно, никѣмъ инымъ, какъ Г. О. Плехановымъ. Все банкротство германской соціальдемократіи для него объясняется очень просто

---

[1]) Ср. Р. Ивановъ-Разумникъ: „Что такое махаевщина"?

ревизіонисты были ослѣплены гигантскимъ ростомъ пролетарской организованности и превратили ее изъ боевого средства въ самоцѣль; въ моментъ, когда разразилась война, возставъ противъ нея, надо было поставить на карту все существованіе партійныхъ кассъ, организацій; на это они никакъ не могли рѣшиться. Въ исторіи извѣстенъ одинъ принцъ крови, страстный любитель военнаго дѣла и арміи; но всякій разъ, когда дѣло доходило до войны, онъ ни за что не хотѣлъ посылать на войну „своихъ излюбленныхъ" военныхъ частей изъ боязни, какъ бы отъ войны не пострадали ихъ цѣлость, красота и блескъ. „Германскіе ревизіонисты—острить Г. В. Плехановъ—похожи на этого своеобразнаго любителя военнаго дѣла. Они терпѣть не могутъ рѣшительныхъ выступленій, которыя грозятъ разстроить партійную организацію и ослабить парламентское вліяніе партіи. И когда пришла пора употребить въ дѣло огромныя силы, эти въ походъ не выступили" [1]). Коротко говоря, причины банкротства германской соціальдемократіи могутъ быть резюмированы въ четырехъ словахъ: „побѣда Бернштейна надъ Каутскимъ". Прекрасное объясненіе: просто, легко, привычно и пріятно звучащее для всякаго ортодоксальнаго уха. Одна бѣда: уже при писаніи своей статьи Плехановъ былъ встревоженъ: до него „дошелъ слухъ, что и самъ Каутскій"... Вотъ именно: *самъ* Каутскій велъ себя несовсѣмъ ладно. Однако, Плеханова не такъ легко обезкуражить. У него уже готовъ отвѣтъ „если это правда, то это все-таки ничего не измѣняетъ: Каутскій прошелъ подъ ярмомъ побѣдителя, и только". Но здѣсь сторожитъ новая бѣда. На дѣлѣ отнюдь не Бернштейнъ явился запѣвалой патріотическаго бѣснованія въ нѣмецкой соціальдемократіи: напротивъ, онъ, пораженный этимъ бѣснованіемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣзче и рѣзче порывалъ со многими своими прежними ближайшими друзьями и единомышленниками. И не только не онъ тянулъ Каутскаго направо, а наоборотъ: онъ и раньше, и рѣшительнѣе взялъ курсъ налѣво, чѣмъ Каутскій; что же касается до этого послѣдняго, то врядъ ли ярче, чѣмъ онъ, можно было занять незавидную позицію „теоретика болота", и врядъ ли упрямѣе, чѣмъ онъ, можно было такъ долго ея держаться.

Но не отъ Каутскаго исходило самое горшее разочарованіе и огорченіе для ортодоксально-марксистскаго сердца

---

[1]) См. Г. В. Плехановъ, „О войнѣ" (перепечатано въ „Совр. Мірѣ").

первоучителя русскихъ соціальдемократовъ. Ему „стыдно сказать, а грѣхъ утаить“, до какого грѣхопаденія дошелъ цѣлый рядъ наиболѣе лѣвыхъ ортодоксовъ германскаго марксизма. „Прочтите—говоритъ онъ—брошюры Гейниша, Ленша и Купова. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ этотъ послѣдній. Куповъ не только образованный, а прямо ученый человѣкъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнялъ методъ Маркса въ области этнологіи и вообще былъ послѣдовательнымъ марксистомъ. И вотъ теперь этотъ ученый и послѣдовательный марксистъ, ссылаясь на историческую необходимость, доказываетъ, что возставать противъ имперіализма могутъ только утописты, марксисты же должны использовать его въ интересахъ рабочаго класса“. Да, это все факты, факты и факты! Лепшъ, талантливый радикалъ-ортодоксъ изъ „Лейпцигской народной газеты“ выступаетъ нынѣ, и не безъ успѣха, теоретикомъ пріятія войны съ точки зрѣнія пролетарскаго интереса; Гейнрихъ Куновъ, авторитетнѣйшій изъ ученыхъ, прилагавшій марксистскій методъ къ исторіи и этнологіи, подводитъ подъ пріятіе войны фундаментъ матеріалистической философіи исторіи; съ нимъ и Конрадъ Гейнишъ, еще недавно—близкій другъ Либкнехта и Меринга; съ ними и многіе другіе, лѣвые изъ лѣвыхъ: Генрихъ Шульцъ, секретарь центральной образовательной комиссіи, делегатъ радикальнаго Эрфуртскаго округа; Максъ Когенъ, съ крайняго лѣваго („Паннекуковскаго“) крыла ортодоксіи; Максъ Грюнвальдъ, за свое догматическое правовѣріе получившій кличку „маленькаго Каутскаго“; наконецъ, непримиримѣйшій, крайнѣйшій и радикальнѣйшій изъ всѣхъ марксистовъ стараго и новаго времени, пресловутый Парвусъ. Все это—профессіональные „разоблачители“ ересей, судьи надъ неправомыслящими и отлучатели ихъ отъ церкви въ прессѣ и на партійныхъ соціальдемократическихъ съѣздахъ. И противъ нихъ стоятъ—Эдуардъ Бернштейнъ, отецъ всѣхъ ревизіонизмовъ и реформизмовъ, едва-едва не выброшенный, при благосклонномъ совѣщательномъ участіи Плеханова, изъ партіи; ближайшій другъ и вѣрный адъютантъ Бернштейна Фишеръ; смѣненный, послѣ полемики съ Каутскимъ, за „этико-эстетическія“ ереси, съ поста главнаго редактора Vorwärts'а Куртъ Эйснеръ...

Но, можетъ быть, намъ возразятъ, что Бернштейнъ, Эйснеръ Фишеръ — исключенія, что большинство ревизіонистовъ,—Давидъ, Гейне, Зюдекумъ, Кольбъ и т. п.—соціалъ-патріоты? Что нужно судить не по исключеніямъ, а по общему правилу? О, да, пожалуй, будемъ судить исключительно по „большин-

ству". Совершенно вѣрно, что большинство реформистовъ поддались угару шовинизма; какъ и большинство ортодоксовъ... какъ и громадное большинство всей партіи.

Изъ этого ясно лишь одно. Линія водораздѣла между „правыми" и „лѣвыми", между покатившимися по наклонной плоскости націонализма и хранящими вѣрность интернаціональнымъ завѣтамъ, прошла совершенно не тамъ, гдѣ проходила раньше линія водораздѣла между радикалами-ортодоксами и реформистами-критиками. И это не въ одной лишь Германіи. Во Франціи во главѣ пріявшихъ войну стоитъ такой непримиримый фанатикъ марксизма, какъ Жюль Гэдъ. Въ Англіи глава ортодоксальной соціальдемократической федераціи — Гайндманъ—основываетъ новую національно-соціалистическую партію, подъ ироническія рукоплесканія тѣхъ, кого, бывало, онъ вѣчно обвинялъ въ компромиссахъ, ересяхъ и теоретической безпринципности—соратниковъ покойнаго Кейръ-Гарди, Андерсена и Макдональда. Лидеръ узкихъ марксистовъ въ Испаніи, извѣстный Иглезіасъ—точная копія французскихъ соціалъ-шовинистовъ. Да, впрочемъ, къ чому идти такъ далеко? Совершенно то же происходитъ гораздо ближе, здѣсь, у насъ, на нашей богоспасаемой родинѣ. И вотъ мнѣ, котораго Плехановъ не разъ принимался изобличать во всѣхъ субъективизмахъ, ревизіонизмахъ, критицизмахъ и прочихъ ересяхъ и смертныхъ грѣхахъ,—мнѣ приходится защищать завѣты международности отъ того же самаго Плеханова... И развѣ не многозначителенъ фактъ, что ему приходится итти рука объ руку съ прежними врагами слѣва—Алексинскимъ, Савинковымъ—и прежними врагами справа—Потресовымъ и его друзьями? и что эта перегруппировка раздѣлила Плеханова съ его старинымъ соратникомъ Аксельродомъ, а Мартова—съ литературной группой „Нашей Зари"? Вчера соединенное—нынѣ раздѣляется, и вчера разъединенное соединяется!

Причемъ же тутъ ревизіонизмъ? побѣда Бернштейна надъ Каутскимъ? согласіе Каутскаго пройти подъ ярмомъ побѣдителя?

Но предположимъ на одинъ моментъ, что нѣтъ этого вопіющаго противорѣчія объясненія—съ фактами. Попробуемъ повѣрить Плеханову и усмотрѣть въ нынѣшнемъ банкротствѣ соціалдемократіи—побѣду ревизіонизма. Но что же она объясняетъ? Напротивъ, она сама требовала бы объясненія! Приходилось бы задаться вопросомъ: почему же ревизіонисты вдругъ вошли въ силу, а консерваторы ортодоксіи превратились въ весталокъ, одиноко бодрствующихъ подъ тусклымъ огонькомъ неугасимой лампады своего ученія? Какъ

это было возможно? Вѣдь начиная Богъ знаетъ съ какого времени, на все новыхъ и новыхъ партейтагахъ германской соціалдемократіи ревизіонистовъ разбиваютъ въ пухъ и прахъ, на голову, безжалостно треплютъ, отлучаютъ, распинаютъ, загоняютъ въ уголъ, а потомъ — торжественно хоронятъ и для прочности вбиваютъ въ могилу осиновый колъ! Раскройте русское изданіе книги Каутскаго, „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи", и вы узнаете тамъ, что „ревизіонизмъ, въ качествѣ особаго политическаго направленія въ соціалдемократіи, умеръ. Онъ продолжаетъ жить лишь въ кое-какихъ литературныхъ кунсткамерахъ" [1]).

Это, поистинѣ, была бы необыкновенная исторія. Разбивали, разбивали, хоронили, хоронили ревизіонизмъ—и доразбивали до того, что прошли у него подъ ярмомъ, какъ побѣдителя!

„Да тутъ чудасія, мосьпане"!

Вѣдь, это значило бы, ни больше, ни меньше, какъ то, что всѣ эти побѣды ортодоксіи надъ ревизіонизмомъ были мнимыми побѣдами, и самая борьба этихъ двухъ теченій—жалкой комедіей. И тому, кто съ изумленіемъ вспомнитъ: „Вѣдь были жъ схватки боевыя? Да, говорятъ, еще какія?"—придется отвѣтить, что все это были—бури въ стаканѣ воды, что ортодоксія отличалась отъ ревизіонизма почти исключительно словесностью, что, поражая на словахъ ревизіонизмъ, ортодоксы дѣлали это больше для очистки совѣсти и, подъ прикрытіемъ филиппикъ противъ его компромиссовъ и паденій, они сами превосходнымъ образомъ шествовали по той же самой окольной дорогѣ. „Про волка только слава, а ѣлъ овецъ-то Савва!"

Но вѣдь это—то самое, что частенько, къ возмущенію и негодованію ортодоксовъ, повторялъ самъ Бернштейнъ и многіе „бернштейніанцы"! Не утверждалъ ли Бернштейнъ, что на дѣлѣ, въ ежедневной практикѣ, революціонеры и ортодоксы—едино суть, и что раздѣляютъ ихъ вопросы чисто академическіе, reine Doctorfragen? Не говорилъ ли Кольбъ: „что было въ нашей повседневной практикѣ специфически революціоннаго? Одна терминологія и больше ничего!" Не приглашали-ли ихъ сторонники всю партію „рѣшиться, наконецъ, казаться тѣмъ, чѣмъ она является на дѣлѣ"?

Въ свое время мы говорили, что въ этихъ коварныхъ утвержденіяхъ ревизіонистовъ, къ сожалѣнію, заключалось

---

[1]) Изд. „Новый Путь", стр. 4.

слишкомъ много самой горькой правды. Мы—о ужасъ!—рѣшались въ этомъ пунктѣ *соглашаться* съ ревизіонистами! Да, рѣшались, чтобы наглядно иллюстрировать истину старой поговорки: если двое разныхъ людей говорятъ одно и то же, то это одно и то же—не одно и то же. Ревизіонисты, утверждая, что ортодоксы расходятся съ ними лишь во *фразеологіи*, хотѣли, чтобы теорія соціалдемократіи спустилась съ ея мнимыхъ революціонныхъ высотъ ближе къ болотистымъ низинамъ практики. Мы, утверждая то же, требовали, напротивъ, чтобы *практика* была, наконецъ, поднята до революціонныхъ высотъ, которыя оставались мнимыми лишь до тѣхъ поръ и потому, что на нихъ пребывала, кутаясь въ облака неопредѣленно далекаго будущаго, одна теорія. Когда-то въ глазахъ Плеханова всѣ эти наши утвержденія были не больше, какъ дерзкимъ покушеніемъ на доброе имя единственной истинно-научной и дѣйствительно революціонной партіи современности, столба и утвержденія марксистской истины, германской соціалдемократіи. Теперь же... теперь ему приходится самому пѣть тѣ же пѣсни. Но онъ—старый воробей. Никогда онъ не рѣшится на самую простую вещь—честное сознаніе въ ошибкѣ. Ему не въ первый разъ сдавать одну идейную позицію за другой,—но каждый разъ прикрывая свое отступленіе неизмѣнно побѣдоноснымъ видомъ и ужимками стараго бреттера. Не въ первый разъ онъ совершаетъ такія отступленія съ чрезвычайно независимымъ видомъ и повторяетъ то, противъ чего еще вчера спорилъ, такимъ тономъ, какъ будто первый своимъ проницательнымъ взоромъ подмѣчаетъ доселѣ незамѣченное другими обстоятельство. Такъ и въ этотъ разъ онъ уже осторожно нащупываетъ новую почву и вотъ, спускаясь въ подсрочное примѣчаніе, подъ защитой самаго мелкаго шрифта, который только нашелся въ типографской кассѣ, онъ говоритъ: „Ради безпристрастія прибавлю, однако, что *еще до появленія ревизіонизма* наши германскіе товарищи избѣгали праздновать, какъ слѣдовало, первое мая. Они боялись, что, прекращая работу въ этотъ день, германскій пролетаріатъ рискуетъ разстроить свои организаціи. Такимъ образомъ, *еще до появленія ревизіонизма* наши германскіе товарищи *имѣли нѣкоторое сходство* съ упомянутымъ гранъ-дюкомъ. Ревизіонизмъ только усилилъ его“.

Безпристрастіе трогательное! И Плехановъ могъ бы его проявить не на одномъ примѣрѣ празднованія перваго мая. Только проявленіе этого безпристрастія было бы цѣннѣе не

теперь, когда въ Россіи нѣмцевъ только лѣнивый не лягаетъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда германская соціалдемократія царила на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ во всей „силѣ и славѣ своей". Вотъ тогда бы проницательному и безпристрастному Плеханову остеречь ее своимъ вѣскимъ словомъ, помочь отрѣшиться отъ компрометирующаго сходства со „своеобразнымъ любителемъ военнаго дѣла", сходства, которое, наростая, кастрировало революціонную энергію германской соціальдемократіи. Къ сожалѣнію, въ это время Плехановъ систематически и самоотверженно упражнялся въ благоразумной сдержанности. И въ то время, какъ мы, подобно „беззаконной кометѣ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ", искали своихъ путей, не поддаваясь соблазну попадать рабски въ слѣдъ размѣреннаго хода германской соціалдемократіи, — все это время Плехановъ со своими единомышленниками съ завиднымъ постоянствомъ игралъ роль одного изъ „спутниковъ" этого „центральнаго свѣтила". Онъ самъ является идейнымъ соучастникомъ въ этомъ грѣхопаденіи. Теперь онъ говоритъ, что нѣмецкіе товарищи „сдѣлали далеко не все, что могли и должны были сдѣлать для предупрежденія войны", что надо было выходить на улицу и бороться всѣми средствами (противъ войны), не отступая передъ „тяжелыми и кровавыми жертвами". Онъ напоминаетъ, „что въ этой войнѣ кровь германскаго пролетаріата льется широкой и глубокой рѣкой". Онъ ставитъ ребромъ вопросъ: что значатъ, въ сравненіи съ этими безчисленными жертвами, „тѣ славныя потери, которыя понесла бы германская соціалдемократія, рѣшительно объявивъ *героическую* пролетарскую войну—постыдной войнѣ, затѣянной австро-германскими имперіалистами?" О, да, заднимъ умомъ Плехановъ крѣпокъ. Но какъ онъ разсуждалъ, когда этотъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ *передъ* этой войной? Именно Каутскій—не ревизіонистъ, а великій жрецъ ортодоксіи, Каутскій, — распространялся на ту тему, что какія-нибудь дѣйствія, вродѣ всеобщей стачки съ цѣлью помѣшать войнѣ, были бы не болѣе, какъ „геройскимъ безразсудствомъ", „только мученичествомъ ради идеи, которое вызоветъ въ массѣ населенія одно лишь отвращеніе" [1]). И „русскіе ученики" не только никогда не возражали противъ этого ни слова, напротивъ, переводили, коммен-

---

[1]) См. К. Каутскій и Б. Бебель, „Патріотизмъ, война и соціальдемократія", пер. съ нѣм. изд. „Новый Міръ

тировали и распространяли эти воззрѣнія, и на международныхъ конгрессахъ ни разу не отказывались и свою „руку приложить“ къ дѣлу ихъ торжества. Причемъ же тутъ „ревизіонизмъ“? Не „ревизіонистъ“-ли Жанъ Жоресъ требовалъ *героическаго* сопротивленія пролетаріата войнѣ? И не Мартовъ-ли, при рукоплесканіяхъ всей русской соціалдемократіи, за это клеймилъ его уничтожающимъ названіемъ: „революціонеръ субъективнаго метода“?

Ревизіонизмъ и ортодоксія равны передъ судомъ исторіи въ будущемъ процессѣ о банкротствѣ германской соціалдемократіи. Только для тѣхъ, кто не понималъ, что это банкротство было подготовлено длительной органической болѣзнью,—это было полной неожиданностью, сюрпризомъ. Въ нашемъ идейномъ лагерѣ ничего подобнаго не могло наблюдаться. П. С. Русановъ, напр., въ мартѣ 1913 года писалъ: „нѣмецкая соціалдемократія не только продолжаетъ, но даже еще усиливаетъ традиціи чисто платоническаго, доктринальнаго отрицанія современнаго міра въ его капиталистическихъ и военныхъ предпріятіяхъ, и въ то же самое время, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, отказывается принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ милитаризма... Нѣмцы постоянно возставали противъ всякой рѣшительной резолюціи и объ активномъ повсемѣстномъ сопротивленіи войнѣ... Весь ихъ интернаціонализмъ смиренно падаетъ передъ перспективою столкновенія съ отечественнымъ милитаризмомъ“ [1]).

А Г. В. Плехановъ, не разъ вызывавшійся быть рупоромъ этого самаго нѣмецкаго отношенія къ войнѣ, теперь въ недоумѣніи останавливается передъ плодами того дерева, которое самъ же онъ помогалъ взращивать. Нѣмецкіе соціалдемократы, какъ и слѣдовало ожидать, склонились передъ рокомъ, пріяли войну, какъ неизбѣжное зло, не токмо за страхъ, но и за совѣсть,—а Плехановъ, точно въ просонкахъ, вскакиваетъ и разводитъ теперь руками: „могли-ли наши австрійскіе и германскіе товарищи оказать поддержку такой войнѣ? Могли ли они участвовать въ этомъ постыдномъ предпріятіи? Я—да и одинъ-ли я!—былъ глубоко убѣжденъ, что—это для нихъ психологически невозможно. Вышло другое“...

Вышло другое. А это „другое“ состояло—чего не замѣчаетъ Плехановъ—еще и въ этомъ, что сбитый съ толку метаморфозой германской соціалдемократіи, онъ самъ не на-

---

[1]) „Русское Богатство“, 1913 г., кн. III.

шелъ ничего лучшаго, какъ продѣлать ту же самую метаморфозу, только mutatis mutandis, по другую сторону линіи огня и проволочныхъ загражденій. Онъ—вотъ она, послѣдняя дань идейному владычеству нѣмцевъ!—принялся копировать ихъ „истинно нѣмецкое“ превращеніе на „истинно русскій“ ладъ. И это послѣ того, какъ разразился по ихъ адресу прекраснымъ возгласомъ: „позоръ! позоръ! позоръ!“

III. Рабочій націонализмъ.

Итакъ, нечего пенять ни на измѣну „вождей“, ни на злыя козни „ревизіонистовъ“. Вожди имѣли свои слабости, но слабости эти тамъ всего дѣйственнѣе отражались на массовомъ движеніи, гдѣ вожди сосредоточивали въ себѣ, какъ въ фокусѣ, излученіе слабостей массъ. Ревизіонисты почти всегда тянули партію не въ гору, а подъ гору; ихъ критическая мысль, даже когда они усматривали явныя прорѣхи марксистской догмы, оставалась неоплодотворенной смѣлыми волевыми импульсами и, безкрылая, рабски ползала по землѣ; но, оставаясь въ партіи меньшинствомъ, они только тамъ могли получать удовлетвореніе, гдѣ сама ортодоксія, несмотря на показную оппозицію узкому практицизму ревизіонистовъ, страдала той же болѣзнью практической, революціонной обезкрыленности.

Ревизіонизмъ, ортодоксія, вожди, партійная бюрократія, руководящіе центры—все это были лишь „идеологическія надстройки“ надъ фундаментомъ самого массового движенія. Мы далеки отъ отрицанія всякаго вліянія „надстроекъ“ на „фундаментъ“; но не надо забывать оборотной стороны медали: неизбѣжности для нихъ сообразоваться съ „фундаментомъ“. Иными словами, все приводитъ насъ къ тому, что горькій опытъ этой войны долженъ заставить пролетаріатъ научиться распознать изъ этого опыта свои собственныя слабости. Мужественная самокритика—вотъ что нужно пролетаріату, и прежде всего авангарду мірового пролетаріата—пролетаріату германскому.

Еще задолго до войны нѣкоторые изъ „лѣвыхъ“ марксистовъ, встревоженные начавшимся, какъ имъ казалось, сближеніемъ партійнаго центра съ правымъ крыломъ противъ начавшаго пробиваться въ партіи, хотя еще робко и несмѣло, новаго ревизіонизма—ревизіонизма слѣва—задумались надъ вопросомъ: почему пролетарская масса не поддер-

живаетъ „лѣвыхъ“ въ той мѣрѣ, въ какой, казалось, эти послѣдніе имѣли право разсчитывать? И результаты ихъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“ оказались довольно неутѣшительными.

Какъ разъ передъ Іенскимъ партейтагомъ на страницахъ „Die Neue Zeit“ одинъ изъ такихъ лѣвыхъ, Меерфельдъ, писалъ: „Рабочая масса, въ смыслѣ революціоннаго духа ея—обезцвѣчена. Раньше всего фактъ тотъ, что она—по крайней мѣрѣ, это можно сказать объ ея вліятельныхъ слояхъ, далека отъ того, чтобы рисковать потерять въ борьбѣ „только свои цѣпи“. На Штутгартскомъ международномъ конгрессѣ Эрвэ обдавалъ щелочью своей гальской ироніи нѣмецкую делегацію, которая ему казалась зажиточно-буржуазной, лишенной даже намека на пролетарски-революціонное боевое рвеніе. Это было каррикатурно преувеличено, но тѣмъ не менѣе зерно правды въ этомъ утвержденіи было Какъ мало похожи, напримѣръ,—мы въ этомъ можемъ спокойно сознаться—партейтаги въ своей дѣловой повседневности на революціонные конвенты! Постепенно мы обратились въ хорошо функціонирующее, прекрасно организованное партійное предпріятіе, гдѣ для революціоннаго блеска не осталось мѣста“.

Но другіе „лѣвые“, подхвативъ пессимистическую нотку Меерфельда, пошли еще дальше него. Такъ, брауншвейгская газета „Volksfreund“, органъ крайнихъ лѣвыхъ (толка Розы Люксенбургъ и Паннекука), нарисовала еще болѣе безотрадную картину. „Нѣмецкій рабочій—такой прекрасный хозяинъ! Онъ высоко цѣнитъ свою сберегательную кассу, любитъ свой палисадничекъ, пріобрѣтаетъ, при случаѣ, и самъ кусочекъ земли, живетъ гигіенично, принимаетъ воздушныя и водяныя ванны, не пьетъ алкоголя, смотритъ за своимъ акваріумомъ, избѣгаетъ имѣть много дѣтей—однимъ словомъ, онъ устраивается, какъ можетъ, причемъ его организація, его профессіональный союзъ, его кооперативы и т. д., служатъ ему прочнымъ подспорьемъ. Его развлеченіемъ озабочены образовательная комиссія, рабочій спортивный клубъ, рабочій ферейнъ пѣвцовъ и т. д.; теперь же учрежденія народнаго здравія обезпечиваютъ его семью и послѣ его смерти, Кругъ мыслей современнаго рабочаго вращается, поэтому. несмотря на всю принципіальную просвѣтительную работу, въ заколдованномъ кругу „благовременности и законности“. Таковы, конечно, не всѣ рабочіе. Но вліятельные, уважаемые массами, опредѣляющіе ея характеръ—всѣ, за рѣдкими

исключеніями,—спокойные, экономные, добросовѣстные, солидные люди, которымъ даже не чуждъ нѣкоторый элементъ пуританизма. Изъ ихъ среды рекрутируется партійная и профессіональная демократія. Нехозяйственныя, легко воспламеняющіяся головы котируются очень низко. Но точно такъ же не играютъ никакой роли и разные тихіе мечтатели, поэты и философы изъ рабочей среды. Доминируетъ добропорядочная и въ то же время здравая *годность*, которая не дѣлаетъ революціи".

Признать „зерно истины" въ ядовитыхъ сарказмахъ, которыми Эрвэ, этотъ enfant terrible осыпалъ „омѣщанившуюся нѣмецкую соціалдемократію"! Еще недавно это было бы величайшей, неслыханной продерзостью. А теперь... Теперь бѣднаго Эрвэ далеко-далеко оставляютъ за флагомъ тѣ самые люди, которые протирали до дыръ колѣни, почтительно склоняясь передъ нѣмецкой соціалдемократіей, какъ передъ Muster-Partei, образцовой, примѣрной партіей. Для примѣра достаточно взять Льва Дейча, статья котораго помѣщена въ сборникѣ „Война" рядомъ со статьей Г. В. Плеханова. Онъ ли въ свое время не проявлялъ по отношенію къ нѣмецкой соціалдемократіи чувствъ преданности, типичныхъотнюдь не для *львиной* натуры? И послушайте только, какимъ тономъ разговариваетъ онъ *теперь* о своихъ вчерашнихъ учителяхъ!

„И странно, что всѣхъ такъ изумило поведеніе нашихъ нѣмецкихъ товарищей! При *малѣйшей дальновидности*, на основаніи ихъ позицій на международныхъ съѣздахъ, по дѣламъ ихъ вожаковъ и проч., *не трудно было давно предвидѣть*, что въ случаѣ войны наши нѣмецкіе товарищи, вмѣстѣ съ лозунгомъ „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" будутъ фактически убивать своихъ же братьевъ пролетаріевъ. Нужно не жить въ Германіи, не знать по личному опыту ея порядковъ, не видѣть нѣмца на дому, на улицахъ, на собраніяхъ, въ полиціи, въ тюрьмѣ, при встрѣчѣ съ властями, чтобы серьезно разсчитывать, что соціалистическая партія, въ случаѣ объявленія войны, способна будетъ проявить *хотя бы самый микроскопическій* протестъ: не къ этому пріучалась она въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, и потому она никогда не обѣщала этого..."

„При малѣйшей дальновидности"... Мы видѣли, у кого она въ свое время была, и кто былъ ея совершенно лишенъ. „Не трудно было давно предвидѣть"... Да, не трудно! И потому мы не ставимъ себѣ въ большую заслугу, что именно

въ литературѣ нашего направленія современное поведеніе „нѣмецкихъ товарищей“ было давно предсказано. Но, расписавшись такимъ образомъ въ отсутствіи „малѣйшей дальновидности“, откуда берутъ теперь сподвижники Г. В. Плеханова и Л. Дейча ту развязность, съ какой они теперь, не отступая передъ чудовищными преувеличеніями, по-суздальски малюютъ ужасъ грѣхопаденія нѣмцевъ? Какъ не видятъ они, что въ этомъ вопросѣ имъ прилична только особенная сдержанность?

Но Левъ Дейчъ безпощаденъ. Со злорадствомъ типичнаго идейнаго приживальщика, вымѣщающаго на своемъ раззорившемся до тла баринѣ былые дни униженнаго преклоненія передъ нимъ, онъ продолжаетъ рисовать намъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ сплошными... трусами и холопами!

„Съ дѣтскихъ лѣтъ, со школьнаго возраста желѣзная дисциплина накладываетъ неизгладимый свой отпечатокъ почти на каждаго; даже депутаты въ рейхстагѣ во время засѣданій помнятъ бронированный полицейскій кулакъ и всячески избѣгаютъ его. При издавна создавшихся въ Германіи условіяхъ и развившихся при нихъ правахъ, ста одиннадцати соціалистическимъ депутатамъ только и оставалось, что „повѣрить“, будто, дѣйствительно, „дикая казацкая орда“ угрожаетъ цѣлости и неприкосновенности ихъ родины. А такъ какъ въ этомъ случаѣ самъ покойный Бебель грозилъ взяться за ружье, то естественно, что обыкновеннымъ смертнымъ членамъ партіи и подавно надо было сдѣлать то же самое. Ну, а взявши ружье въ руки, уже не существенно, пойти-ли отражать нападеніе „дикаго казака“, или, наоборотъ, самому напасть на беззащитную Бельгію... Создавшееся для нѣмецкихъ соціалистовъ трагическое положеніе было неизбѣжно... потому, что они не такъ воспитаны, чтобы, при всей ихъ многочисленности, не оказывать ни малѣйшаго непослушанія, а тѣмъ болѣе—серьезное сопротивленіе начальству“...

Послѣднія строки грамматически безсмысленны, но это ужъ такъ, отъ избытка чувствъ. Passons. Не споримъ, много грѣховъ ложитъ на душѣ нѣмецкой соціаль-демократіи и нѣмецкаго марксизма передъ лицомъ международнаго соціалистическаго движенія. Но такого пинка ногой — и отъ кого же? отъ вчерашняго ученика, почитавшаго за честь пристроиться на заплаткахъ у нѣмецкаго марксизма! — она все-таки не заслужила. И, поистинѣ, во всемъ этомъ инци-

дентѣ его съ германской соціаль-демократіей не Левъ Дейчъ является въ положеніи „Льва состарѣвшагося“, на котораго всякій готовъ наскочить, а потомъ похвастаться: „и я его лягнулъ“... И чувство возмущенія родится невольно въ душѣ, и уже склоняешься внутренно на сторону побиваемой камнями грѣшницы, и хочется отогнать отъ нея расходившихся самодовольныхъ фарисеевъ, а больше всего — всегда готоваго закричать „распни ее!“ развязнаго и грубаго „Грядущаго Хама“...

Отметемъ же въ сторону, оттолкнемъ ногою со своей дороги всѣ эти грубыя преувеличенія. Къ чему они? Простая истина, сама по себѣ, уже достаточно печальна. Печальна именно въ своей жизненной простотѣ.

Тѣ элементы, которые „задаютъ тонъ“ въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ, являясь какъ бы „солью земли“ въ его средѣ, оказываются прикованы къ колесницѣ своего отечественнаго „національнаго капитализма“ тончайшими золотыми цѣпями. Ежедневно и ежечасно напоминаетъ имъ объ этомъ повседневная дѣйствительность. Добытый ими въ долгой, разсчетливой борьбѣ культурный комфортъ въ ихъ глазахъ является тою благопріятною почвой, на которой пускаетъ глубокіе корни и ростетъ здоровой, цвѣтущею жизнью ихъ пролетарская организація. Но вѣдь онъ создался на почвѣ процвѣтанія отечественной промышленности, а это процвѣтаніе, со своей стороны, тѣсно связано съ государственной мощью и успѣхами иностранной политики. Этого нельзя не видѣть. Наблюдающій нѣмецкую соціаль-демократію со стороны и чрезвычайно къ ней дружественный Германъ Грейлихъ долженъ былъ признать, что „кромѣ слѣпого націоналистическаго атавизма, и другой факторъ сыгралъ большую роль, именно то, что современныя государства, не взирая на классовые антагонизмы и классовую борьбу, представляютъ собою до извѣстной степени самостоятельныя коопераціи. Этимъ же неизбѣжно обусловливается пробужденіе національныхъ чувствъ въ эпохи великихъ національныхъ потрясеній и у рабочаго класса“. Вотъ почему—а не изъ какой-то трусости — или прирожденнаго дисциплинированнаго холопства—каждый разъ, когда грозитъ внѣшняя война, нѣмецкій пролетаріатъ начинаетъ бояться, какъ бы пораженіе въ этой войнѣ не унесло его матеріальнаго благосостоянія, его культурнаго комфорта, а вмѣстѣ—и данныхъ для процвѣтанія нѣмецкаго пролетаріата, какъ авангарда международнаго рабочаго движенія. Да, совершенно серьезно „нѣмецкіе товарищи“ при этомъ во-

ображаютъ, что ихъ интересъ здѣсь совершенно совпадаетъ съ интересами всего интернаціонала...

Мы видѣли, что среди попытокъ найти „виноватаго" фигурировали и профессіональные союзы. Ревизіонизмъ - де, дѣйствительно, былъ разбитъ въ политической партіи пролетаріата; но, тѣснимый тамъ, онъ удалился въ профессіональные союзы, сдѣлалъ ихъ своею цитаделью и чрезъ ихъ посредство началъ все больше и больше давить на партію.

Но чѣмъ же отличается профессіональная организація отъ партійно-политической? Въ классовомъ смыслѣ составъ первой чище. Въ профессіональныхъ союзахъ объединено гораздо больше пролетаріевъ, чѣмъ въ партіи. Численно крупнѣе, составъ профессіональныхъ союзовъ качественно однороднѣе. Въ нихъ нѣтъ примѣси интеллигенціи, мѣщанства, крестьянства, мелкаго чиновничества, ремесленниковъ, всякаго рода отщепенцевъ изъ буржуазныхъ и привилегированныхъ слоевъ общества. Мало того: самый принципъ организаціи профессіональныхъ союзовъ естественно вытекаетъ изъ положенія пролетаріевъ въ производствѣ, группируя ихъ по соотвѣтственнымъ крупнымъ развѣтвленіямъ промышленности и объединяя въ высшее, интерпрофессіональное цѣлое. Сказать, что въ банкротствѣ *партіи* больше всего виновато вліяніе *профессіональныхъ* союзовъ, значитъ больше всего вины возложить именно *на самый доподлинный пролетаріатъ*.

А поведеніе въ этой войнѣ германскихъ профессіональныхъ союзовъ, дѣйствительно, заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія. Уже въ ноябрѣ 1914 года всѣхъ поразилъ одинъ яркій фактъ: торжественный визитъ представителей и общеимперскаго, и собственно прусскаго правительства въ принадлежащемъ профессіональнымъ союзамъ берлинскомъ „Народномъ Домѣ". Визиту предшествовало формальное приглашеніе со стороны „Генеральной Комиссіи" союзовъ; высокихъ гостей сопровождалъ „всегда готовый къ услугамъ", неизмѣнный и незамѣнимый во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „кавалеръ желѣзнаго креста" д-ръ Зюдекумъ. Министры выражали дѣятелямъ профессіональныхъ союзовъ благодарность за все: за ихъ роли въ разрѣшеніи вопроса о вотированіи рабочими депутатами военныхъ кредитовъ въ рейхстагѣ; за предоставленіе зданій союзовъ для санитарныхъ и военныхъ цѣлей; за образцовое поведеніе на фронтѣ около милліона профессіонально - организованныхъ рабочихъ; за защиту союзной прессой праваго дѣла Германіи и внутрен-

ряго гражданскаго мира; за дѣятельность союзовъ по смягченію бѣдствій, переживаемыхъ массами въ военное время. И одинъ изъ виднѣйшихъ писателей профессіональной прессы, А. Виннигъ, не замедлилъ по поводу этого трогательнаго визита заявить въ буржуазной газетѣ „Mars“ (№ отъ 28-го ноября) о твердой волѣ пролетаріата „работать сообща“ со всѣми другими „для развитія государственнаго цѣлаго“.

Въ самомъ дѣлѣ, профессіональные союзы въ своемъ патріотическомъ рвеніи успѣли перещеголять даже партію. Въ то время, какъ эта послѣдняя въ общемъ скорѣе пассивно шла по теченію, союзы бросились въ общій потокъ съ полной готовностью и даже съ увлеченіемъ. И въ первыхъ рядахъ стояли какъ разъ самые могущественные и передовые союзы: строительныхъ рабочихъ (около 300 тыс. членовъ), металлургистовъ (около полумилліона) и транспортныхъ рабочихъ (200 тыс.), со своими органами „Grundstein“ и „Metallarbeiter“.

Присмотримся теперь поближе къ писаніямъ нѣмецкихъ Gewerkschaftler'овъ. Поглядимъ, какіе мотивы „задаютъ тонъ“ и громче всего звучатъ въ ихъ патріотическомъ настроеніи.

„Именно эта война нагляднѣе всего показала намъ, дѣятелямъ профессіональнаго движенія—пишетъ Г. Штюрмеръ въ „Socialistische Monatshefte“—какъ тѣсно связаны наши интересы съ интересами другихъ нашихъ соотечественниковъ, насколько у рабочихъ кромѣ и выше ихъ классовыхъ интересовъ стоитъ жизненно - необходимый интересъ ихъ страны и чувство національной общности“... Почему? Отвѣтъ ясенъ, кратокъ и рѣшителенъ. „Такъ какъ дальнѣйшее успѣшное развитіе и будущее нѣмецкаго профессіональнаго рабочаго движенія находится въ прямой зависимости отъ состоянія нѣмецкаго народнаго хозяйства, то именно для дѣятелей профессіональнаго движенія менѣе всего можетъ быть безразличенъ исходъ данной войны... Въ качествѣ хозяйственнаго представительства рабочаго класса, оно естественно принимаетъ близко къ сердцу будущее нѣмецкой индустріи и ея снабженіе сырьемъ“. Ну, а обезпеченіе сырьемъ даютъ успѣхи колоніальной политики и хозяйственнаго внѣдренія въ отсталыя, аграрныя страны,—каковому внѣдренію благопріятствуетъ ихъ политическое подчиненіе Германіи, установленіе надъ ними ея прямой или косвенной политической гегемоніи. Дальнѣйшее понятно. Отсюда уже рукой подать

до великодержавной имперіалистической политики, поддерживаемой и защищаемой съ пролетарской точки зрѣнія, до своеобразнаго соціалистическаго или пролетарскаго имперіализма...

И его дуновеніе пронеслось съ начала войны по всей профессіональной прессѣ Германіи (и одной ли только Германіи?). Раскроемъ центральный органъ—Korrespondenzblatt—генеральной комиссіи нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ. Вотъ какъ обосновываетъ эта газета свое „пріятіе войны“: „Англія проводитъ свою войну противъ Германіи существеннымъ образомъ, какъ торговую войну. Англійскіе государственные люди открыто возвѣстили, что война одною изъ своихъ цѣлей имѣетъ сокрушеніе нѣмецкой торговли и нѣмецкой индустріи. Государственный аппаратъ Великобританіи поставленъ на службу этому походу противъ самаго существованія нѣмецкаго народнаго хозяйства и противъ хлѣба насущнаго нѣмецкаго рабочаго класса!“

Кажется, самое время сейчасъ замѣтить въ скобкахъ: переставьте только въ этой цитатѣ нѣсколько словъ: гдѣ сказано „Англія“, „англійское,“ тамъ поставьте „Германія“, „германское“, и обратно — и вы получите лейтмотивъ англійской тредъ-юніонистской прессы въ обоснованіи „пріятія войны“ ею... Братья-близнецы, именно вслѣдствіе своего полнаго сходства непримиримо враждебные другъ другу!

Отъ центральнаго органа профессіоналистовъ перейдемъ къ прессѣ отдѣльныхъ профессій. И тамъ тотъ же самый son de cloche. „Нѣмецкіе профессіональные союзы—пишетъ „Allgemeiner Steinsetzerzeitung“—всѣ безраздѣльно стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что въ такія времена интересы націи и ея хозяйственной жизни совершенно совпадаютъ съ интересами рабочаго класса“.

„Хозяйственное развитіе Германіи—вторитъ „Fachzeitung für Schneider“—въ послѣднее десятилѣтіе дало могучій импульсъ и рабочему движенію... Старая боевая формула—рабочимъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей — превратилась въ безсодержательную агитаціонную фразу... Встать на эту точку зрѣнія—значило бы отвергать всѣ профессіональныя пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій, весь хозяйственный и политическій подъемъ рабочаго класса“.

„Для насъ нѣтъ сомнѣнія—подтверждаетъ и „Holzarbeiter-Zeitung“—что мы, служа всѣмъ своимъ добромъ и кровью угрожаемому отечеству, стоимъ на почвѣ данныхъ фактическихъ условій“..

„Въ положеніи и успѣхахъ Германіи—солидно заявляетъ „Der Korrespondent für Buchdrücker"—воплощена нѣмецкая работоспособность и прилежаніе. Наша хозяйственная позиція—вовсе не спеціальная заслуга и не монопольная собственность господствующихъ круговъ, но концентрированное воплощеніе всѣхъ, способныхъ къ прогрессу, силъ націи, изъ которыхъ поистинѣ не меньшею частью является нѣмецкій рабочій классъ".

„Англія прибѣгла къ войнѣ—по мнѣнію газеты „Der Textilarbeiter"—потому, что ей не удалось спасти свое міровое главенство противъ прогрессирующаго развитія нѣмецкой индустріи. И такъ какъ Англія является страною величайшей текстильной индустріи, то стремленіе Англіи повредить германской міровой торговлѣ, естественно, обращается и противъ нѣмецкой индустріи, для которой вопросъ о міровой торговлѣ Германіи является вопросомъ жизни. Стремленія Англіи не могутъ быть, такимъ образомъ, безразличны и для нѣмецкихъ текстильныхъ рабочихъ, ибо въ концѣ концовъ эта тенденція англійскаго имперіализма обращается противъ существованія нѣмецкаго текстильнаго рабочаго".

Возможно ли ярче и прямѣе высказать, что конкуренція двухъ національныхъ капитализмовъ, переходя въ военное столкновеніе, не можетъ не увлечь за собою и соотвѣтственныя массы пролетаріевъ? Возможно ли прочнѣе связать судьбы пролетаріата съ интересами побѣдоноснаго „шествія по всѣмъ языкамъ" колесницы соотвѣтственнаго національнаго капитализма?

„Вотъ, что хотѣли бы мы сказать и показать жертвамъ войны—съ эмфазомъ восклицаетъ „Der Grundstein"—вы пали не за то, чтобы поддержать шатающіеся троны, или повышать дивиденды акціонеровъ оружейной индустріи,—вы пали за свое отечество, за свой народъ, за величіе и благо цѣлаго... за свободу движенія нѣмецкаго народнаго хозяйства, которое всему народу столь же необходимо, какъ воздухъ для дыханія"...

Сомнѣнія быть не можетъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно особымъ видомъ націонализма. Опредѣляя его идеологическими признаками, приходится сказать, что это—націонализмъ на экономико - матеріалистической подкладкѣ, обильно сдобренный марксистскимъ соусомъ. Опредѣляя его классовыми признаками, приходится сказать, что это—чисто-рабочій, болѣе того—чисто-пролетарскій націонализмъ.

Еще одна, маленькая, но характерная, иллюстрація этого. 26-го января 1915 года парламентская фракція Голландіи

нарушая установившійся было съ начала европейской войны и въ Голландіи „гражданскій миръ“, вотировала противъ увеличенія срока службы для резервистовъ послѣдняго призыва. Анализируя эту эволюцію среди голландскихъ соціалистовъ, корреспондентъ вѣнской „Arbeiterzeitung“ высказалъ очень интересныя вещи.

„Перемѣна тактики объясняется не столько желаніемъ дать компенсацію назрѣвшому въ партіи оппозиціонному теченію, которое устами вождя своего Книппера требуетъ безусловнаго и принципіальнаго отклоненія всѣхъ военныхъ кредитовъ и требованій, сколько *наличностью въ рядахъ партіи массы мелкобуржуазныхъ и крестьянскихъ „соціалистовъ чувства“* (Gefuhlssozialisten), *лишенныхъ революціонно-марксистскаго взгляда на вещи“*...

Впрочемъ, только-ли на нѣмцахъ можно иллюстрировать эти положенія? Къ чему идти за границу, когда тѣ же самыя рѣчи, почти лишь въ простомъ переводѣ съ нѣмецкаго языка на русскій, можно встрѣтить и въ нашей собственной, отечественной прессѣ? Не мало и въ ней благоразумныхъ ферштандъ-соціалистовъ, и не въ первый день посрамляютъ они гефюльсъ-соціалистовъ, „революціонеровъ субъективнаго метода,“ крестьянофиловъ и утопистовъ...

„Участіе Россіи въ этой войнѣ обусловлено жизненными интересами страны, повелительными требованіями ея капиталистическаго развитія, ея соціально-экономическаго прогресса. Побѣда Германіи надъ Россіей можетъ уничтожить дѣло Петра Великаго и превратить молодую капиталистическую Россію въ старую крестьянскую Русь... Промышленность Россіи можетъ попасть въ оковы, которые не дадутъ ей развиваться, страна окажется въ экономическомъ плѣну у побѣдителя и превратится въ колонію, эксплуатируемую побѣдителемъ... Возможны ли въ крестьянской странѣ, лишенной экономической независимости, пышный расцвѣтъ промышленности, мощный ростъ общественности, быстрое развитіе рабочей демократіи? Разумѣется, нѣтъ.“

Такъ писалъ Н. Іорданскій на стран. „Соврем. Міра“ въ извѣстной статьѣ съ краснорѣчивымъ заглавіемъ „Да будетъ побѣда!“ Въ своихъ писаніяхъ онъ только повторялъ слова своего учителя П. Маслова, еще ранѣе на стр. „Рус. Вѣд.“ открывшаго, что надъ всей Европой виситъ „угроза опредѣленія торговыхъ отношеній силою меча“, а надъ Россіей — опасность „превращенія въ колонію“. Въ экономически отсталой Россіи „это уничтожитъ цѣлый рядъ отраслей обра-

батывающей промышленности", а между тѣмъ „рабочій такъ же заинтересованъ въ существованіи обрабатывающей промышленности, какъ и предприниматель".

Слово въ слово то же самое твердитъ и нашъ старый знакомый, Г. В. Плехановъ.

„Такъ какъ экономическая эволюція является базой эволюціи соціальной и политической, то Россія, въ случаѣ своего пораженія, потеряетъ всякую, или почти всякую возможность положить конецъ старому режиму." „Промышленность, а съ нею и русскій пролетаріатъ, находятся на пути значительнаго роста, и препятствія, поставленныя Германіей, должны быть уничтожены. Побѣдоносная война будетъ имѣть слѣдствіемъ колоссальное развитіе русской промышленности, а съ нею и рабочаго движенія"...

Но еще характернѣе тотъ фактъ, что въ извѣстномъ манифестѣ „къ сознательному трудящемуся населенію Россіи", подписанномъ Плехановымъ и его сторонниками, проводится едва-едва прикрыто та же самая мысль. Запугивая всѣхъ перспективой будущаго, навязаннаго намъ Германіей невыгоднаго торговаго договора, манифестъ рисуетъ его послѣдствія такъ: „Земледѣльцы, вытѣсняемые нуждой изъ деревень, утратятъ возможность находить себѣ заработокъ въ промышленныхъ центрахъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлаться сознательными пролетаріями, способными энергически бороться за свое освобожденіе, станутъ превращаться въ жалкихъ босяковъ, готовыхъ служить безсознательнымъ оружіемъ въ рукахъ всякаго рода погромщиковъ и авантюристовъ". Деревенской бѣднотѣ, какъ видите, нѣтъ *своей* дороги борьбы, а есть лишь альтернатива: либо стань (послѣ побѣды надъ Германіей!) сознательнымъ пролетаріемъ, либо—безъ этой побѣды—погромщикомъ. И это подписали, въ числѣ другихъ, недавніе народники! О, бѣдные гефюльсъ-соціалисты, взятые на буксиръ „ферштандъ-соціализмомъ" Плеханова! Вотъ оно, живое сказанье о томъ, какъ простой народническій „цвѣточекъ дикій", попавъ въ одинъ букетъ съ махровой національ-марксистскою гвоздикой, немедля „отъ него душистымъ сталъ и самъ"...

IV. Діагнозъ болѣзни.

Какъ видите, мы благополучно возвращаемся къ тому старинному-старинному лозунгу другого ферштандъ-соціалиста, Петра Струве, лозунгу, который гласилъ: „при-

знаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму". Когда-то даже Плехановъ поморщился отъ этого „неосторожнаго выраженія". Но суть его онъ пріемлетъ, настолько пріемлетъ, что не прочь силою оружія отвоевать для своей родины возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ, безъ нынѣшней узкой „процентной нормы" вваливать трудовыя массы для „выварки" въ „фабричный котелъ", ведя ихъ „на выучку къ капитализму". Что дѣлать! Иначе, видимо, никакъ не справиться съ докучными „гефюльсъ-соціалистами"!

И Плехановъ не видитъ, въ какое забавное противорѣчіе впадаетъ онъ самъ съ собой, когда рядомъ съ этимъ негодуетъ на нѣмцевъ, и такъ излагаетъ аргументацію одного нѣмецкаго депутата-ревизіониста, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о войнѣ: „Эта война должна обезпечить Германіи блестящее соціально-экономическое и политическое развитіе. Побѣдоносная война повлечетъ за собой расцвѣтъ нѣмецкой промышленности, а, слѣдовательно, мощный ростъ рабочаго движенія и соціализма". Вотъ ужъ, поистинѣ, — „Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой. ."

Вотъ когда сказалась она, жестоко мстящая за себя логика. Слишкомъ часто и слишкомъ долго грѣшилъ марксизмъ *двойственностью* своего отношенія къ капитализму. Вмѣсто революціоннаго отношенія къ нему, въ основу марксистской политики было положено двусмысленное „пріятіе капитализма", отношеніе къ нему, какъ къ какому-то другу-врагу, или враго-другу. И вотъ, скатившись въ пропасть колоссальной міровой бойни, національный капитализмъ разныхъ странъ оказалъ каждый своему національному пролетаріату послѣднюю „врагодружескую" услугу: утащилъ и его съ собою въ ту же зіяющую пропасть.

А наиболѣе авторитетные представители марксистской мысли, посматривая на это, приговаривали: такъ оно и слѣдуетъ... съ точки зрѣнія пролетаріата! Грѣхопаденіе вождей и грѣхопаденіе пролетаріата были при этомъ лишь двумя сторонами одной и той же картины. Исторія съ нѣмецкими и профессіональными союзами это наглядно показываетъ. И — увы! фактически оказывается правъ хотя-бы П. Кампфмейеръ, когда онъ, торжествуя, подводитъ слѣдующій итогъ столкновенію въ этой войнѣ интернаціональнаго и національнаго моментовъ: „сознательная интернаціональная жизнь находила себѣ выраженіе лишь въ ограниченномъ кругу. Въ то время, какъ рабочій связывался съ нею лишь

тонкою, какъ паутина, нитью, — въ свою собственную національную хозяйственную и общественную жизнь онъ вкоренялся тысячью волоконъ. И какъ только эта національная хозяйственная жизнь, а вмѣстѣ съ нею экономическое и соціальное положеніе рабочаго, подверглась серьезной опасности — въ немъ воспламенились національныя страсти, и онъ поспѣшилъ подъ знамена своего отечества. Нѣмецкая соц.-дем. фракція рейхстага вотировала военные кредиты, англійскіе рабочіе-вожди затрубили ради вербовки въ англійское наемное войско, Вандервельдъ превратился въ странствующаго трибуна тройственнаго согласія, антиминистеріалистъ Гэдъ сталъ коллегой „партійныхъ предателей—"Бріана и Мильерана... марксистъ Плехановъ марксистскими аргументами принялся ратовать за побѣду Россіи."

Націонализмъ проникъ до самыхъ глубинъ души рабочаго, независимо отъ того, былъ ли онъ нѣмцемъ или французомъ, и аргументы интернаціональныхъ конгрессовъ безсильнымъ шелестомъ проносились надъ его головой... „Не сотвори себѣ кумира"... Не разъ приходилось намъ говорить, что въ условіяхъ современнаго буржуазнаго общества нѣтъ ни одного общественнаго класса, который, на ряду съ сильными сторонами своего классоваго положенія, не имѣлъ бы и своей „ахиллесовой пяты". Старый марксизмъ не видѣлъ этаго. Онъ считалъ такую двойственность типической чертою трудового крестьянина, этого — по выраженію Каутскаго — „двуликаго Януса, одно лицо котораго обращено въ будущее, а другое приковано къ прошлому". И черту эту онъ объяснялъ тѣмъ, что крестьянство — классъ стараго докапиталистическаго общества, а не созданіе современнаго капитализма. Эта характеристика Каутскаго стала непреложнымъ закономъ и для русскихъ марксистовъ. Наши попытки доказать, что и пролетаріатъ живетъ подъ режимомъ той-же двойственности, что связь съ національнымъ капитализмомъ тянетъ его книзу не менѣе, чѣмъ крестьянина — его связь съ земельной собственностью, казались неубѣдительными. Современная война дала, однако, такія подавляюще-краснорѣчивыя иллюстраціи нашихъ положеній, что никакихъ споровъ на эту тему долѣе быть не можетъ.

То лицо Януса-пролетаріата, которымъ онъ прикованъ къ прошлому и настоящему, къ своему „собственному" національному капитализму, нашло себѣ въ событіяхъ рабочей жизни послѣдняго времени полное и яркое отраженіе. Но есть и другое лицо его, обращенное къ будущему. Въ

теоріи большинство марксистовъ конструировали роль пролетаріата и его историческую миссію, созерцая это „другое лицо". „Тонкою, какъ паутина, нитью" прялась вокругъ него красивая, симметрическая сѣть интернаціональнаго единства рабочихъ всего міра. Но на практикѣ они сплошь и рядомъ имѣли дѣло съ тою стороною пролетаріата, которую созерцалъ Моисей у своего Бога на горѣ Синайской. Имѣли дѣло съ нею, сами того не замѣчая, ибо они и не подозрѣвали о „двуликости" пролетаріата, ибо такую двуликость они считали монопольной собственностью крестьянина. Относясь къ пролетаріату некритически, считая природу его классовыхъ тяготѣній всегда и вездѣ абсолютно надежною точкой опоры для соціалистическаго движенія, они плыли по теченію. И доплыли, въ одинъ прекрасный день, до рабочаго націонализма, до пролетарскаго имперіализма; до мокраго огня, до сухой воды...

Пробужденіе было тяжкое и жестокое. Въ нежданномъ грѣхопаденіи всего движенія вышла наружу какая-то серьезная болѣзнь. Необходимо было поставить ей правильный діагнозъ. Только послѣ него можно было рѣшаться на прогнозы будущаго. Сколько-нибудь понятнаго діагноза не было. Будущее оставалось въ зловѣщемъ туманѣ. И многіе почувствовали, какъ будто почва заколебалась и стала уходить изъ-подъ ихъ ногъ...

Какъ? Они считали пролетаріатъ избраннымъ народомъ соціализма. Это былъ, въ ихъ глазахъ, единственный — но зато ужъ истинно-революціонный классъ, въ самой природѣ котораго былъ заложенъ истинктивный интернаціонализмъ и непримиримая вражда къ буржуазіи. Пролетаріатъ, этотъ герой классовыхъ битвъ, казалось, не способенъ никогда отречься отъ своей стихіи — классовой борьбы — какъ рыба отъ воды, какъ птица отъ воздуха. Онъ, казалось, никогда не сможетъ оставить ея арены для какихъ-нибудь чуждыхъ лозунговъ и приманокъ.

Но — увы... И у этого „героя классовыхъ битвъ" оказалась своя уязвимая пята. И вмѣсто того, чтобы въ самый критическій моментъ новой исторіи быть воплощеннымъ носителемъ идеала будущаго, онъ слился съ воплощенными носителями старой расово-національной розни, подновленной мотивами новаго буржуазнаго имперіализма. Эта уязвимая пята — зависимость отъ національнаго капитализма. Пролетаріатъ — говорили намъ когда-то съ торжествомъ — слѣдуетъ за капитализмомъ по пятамъ, какъ его неотступная

зловѣщая черная тѣнь. Красивая метафора! Но вотъ она вдругъ повернулась къ намъ своей обратной стороной. „Тѣнь“, какъ и полагается тѣни, оказалась черезчуръ зависимой отъ отбрасывающаго ее объекта. „Неотступность“ же слѣдованія за капитализмомъ привела въ ту же пропасть, куда ринулся, слѣдуя голосу своей природы, этотъ послѣдній.

За обычными фразами о „желтомъ интернаціоналѣ“ капитала, о томъ, что „деньги не знаютъ отечества“, часто забывалась другая сторона медали. А между тѣмъ достигала своего апогея — цѣлая эра, которая могла бы быть названа — эрой національнаго капитализма.

Эра національнаго капитализма! Эра международной экономической борьбы, въ которой каждая страна, каждое государство стремится втянуть и вмѣстить въ своихъ предѣлахъ возможный максимумъ изъ всемірнаго фонда производительныхъ силъ! Эра, въ которой гипертрофія индустріи является желаннымъ состояніемъ, ибо индустрія становится центромъ, подчиняющимъ себѣ земледѣліе и добывающую промышленность, дирижируетъ обмѣномъ, доминируетъ надъ всѣми остальными видами производства, владѣетъ путями, рынками, биржами, — владѣетъ міромъ!

Страны съ гипертрофіей индустріи становятся повелительницами. Страны, доставляющія сырье и служащія рынками, становятся данницами. Удѣлъ первыхъ — богатство, крохи котораго перепадаютъ и пролетаріату. Удѣлъ вторыхъ — скудость.

И пролетаріатъ не всегда можетъ устоять передъ соблазномъ — дать *своей* странѣ, *своему* національному капитализму то привиллегированное положеніе, подъ сѣнью котораго и ему живется лучше. Доходъ свой пролетаріатъ черпаетъ изъ валового дохода капиталистической индустріи своей страны, и ея цвѣтущее состояніе облегчаетъ ему увеличеніе своей доли. Это — сѣрая будничная правда. Прямой антагонизмъ капитализма и пролетаріата дополняется косвенной и относительной общностью интересовъ.

Такъ не приходится ли намъ разочароваться въ историческомъ призваніи и способностяхъ пролетаріата?

Такой выводъ былъ бы грубо ошибочнымъ. Правиленъ другой выводъ. Онъ гласитъ: не нужно создавать себѣ идола ни изъ какой части трудящихся и эксплуатируемыхъ массъ. Не нужно никакой фальшивой идеализаціи. Всѣ слои трудящихся въ большей или меньшей степени доступны воздѣй-

тію соціализма. Доступны потому и постольку, поскольку основой ихъ жизни является нравственно оздоровляющее начало труда, творца всѣхъ человѣческихъ цѣнностей, матеріальныхъ и духовныхъ. Этотъ творческій трудъ въ современномъ обществѣ фатально является добычей гнета и эксплуатаціи. Соціализмъ есть царство этого труда, освобожденнаго отъ ихъ ига, и потому онъ правомѣрно разсматриваетъ совокупность трудящихся и эксплуатируемыхъ, какъ потенціально *свою* боевую армію. Но условія приложенія труда въ современномъ обществѣ таковы, что то и дѣло мелькиваютъ лбами трудящихся разныхъ мѣстъ, профессій, категорій, половъ, возрастовъ, расъ, націй, государствъ. Ни одинъ изъ слоевъ трудящихся не является чистымъ носителемъ началъ будущаго трудового общества, чистымъ кристалломъ трудового принципа, безпримѣснаго и идеальнаго. Каждый изъ нихъ — плоть отъ плоти и кость отъ костей современнаго строя, въ немъ растетъ, его отравленной атмосферой дышитъ. И въ обусловленныхъ капитализмомъ формахъ приложенія своего труда каждый трудовой слой имѣетъ свою ахиллесову пяту.

Трудъ крестьянина имѣетъ такую ахиллесову пяту въ связанности съ клочкомъ земли, монополія пользованія которымъ враждебно сталкиваетъ „право труда“ съ „правомъ на трудъ“. Трудъ интеллигента, „мыслящаго пролетарія“— съ лежащей на немъ печати крайней обособленности, индивидуализма, „ячества“, трудно подчиняющагося принципу организаціи и дисциплины. Трудъ пролетарія—въ чрезмѣрно тѣсной связи съ процвѣтаніемъ своего друго-врага и наслѣдодателя—соотвѣтственнаго національнаго капитализма.

Не ищите же нигдѣ мистическаго „избраннаго народа“, чистаго сосуда соціальной справедливости, настолько гарантированнаго отъ всякой буржуазной скверны, какъ будто его чудеснымъ образомъ перенесли въ нашъ грѣшный міръ прямо изъ будущаго общества, или воспитали его для послѣдняго въ безвоздушномъ пространствѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ. Учитесь сами и научайте рабочій классъ, научайте передовые слои его *познавать свои слабыя стороны*, ибо это—единственный способъ научиться преодолѣвать ихъ, а не быть ихъ безсильными игрушками. Тогда, и только тогда, эти слабыя стороны перестанутъ вскрываться вдругъ, нежданно, негаданно, съ силою элементарной стихіи. Тогда, и только тогда, не придется останавливаться передъ взрывами этой стихіи, разводя руками, какъ застигнутые ею врасплохъ.

растерявшіеся, недоумѣнные пловцы „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. Таковъ выводъ, непреодолимо вытекающій изъ печальнаго зрѣлища, которое представляетъ собою теперь рабочій интернаціоналъ, дезорганизованный и деморализованный водоворотомъ междунаціональной вражды. Кто закрываетъ на этотъ выводъ глаза, тотъ ничего не забылъ и ничему не научился. Для того горькій опытъ прошлаго и настоящаго прошелъ даромъ.

Но какъ мыслимо теперь интернаціоналисту оставаться идолопоклонникомъ, забыть объ ахиллесовой пятѣ, о „другомъ ликѣ“ Януса-пролетаріата, когда о нихъ такъ хорошо помнятъ, когда на нихъ такъ ловко спекулируютъ соціалъ-націоналисты и соціалъ-имперіалисты? Рабочіе съ нами,—говорятъ они. „Возможенъ ли контактъ—спрашиваетъ лѣвый ортодоксъ Гейнишъ—между рабочимъ движеніемъ и группой Либкнехта, группой, которая, главнымъ образомъ, состоитъ изъ теоретиковъ и литераторовъ? Конечно, всѣ они имѣютъ большія заслуги передъ партіей, но это нисколько не мѣшаетъ тому, что сейчасъ они утеряли всякую живую связь съ рабочимъ движеніемъ“! И приблизительно то же, указывая на итоги выборовъ въ военно-промышленные комитеты, говорили и наши „шовинисты отъ соціализма“. Тѣ и другіе преувеличивали; но въ словахъ тѣхъ и другихъ была доля истины. Интернаціонализму приходилось заново, и часто небезъ труда, отвоевывать тѣ самые элементы, которые, казалось бы, являются его законнымъ и прочнымъ достояніемъ...

Чѣмъ же берутъ рабочихъ нѣмецкіе соціаль-патріоты? Послушайте, какой мотивъ громче всего звучитъ во всѣхъ ихъ рѣчахъ! Зюдекумъ въ своей рѣчи о „войнѣ и пролетаріатѣ“ приводитъ рабочихъ къ примиренію съ кайзеромъ, доказывая, что „побѣда коалиціи означаетъ смерть нѣмецкой культуры и нѣмецкой индустріи“. Конрадъ Гейнишъ напоминаетъ, что „въ Германіи—самый развитой капитализмъ и самая солидная рабочая организація; ихъ преуспѣяніе—*въ интересахъ всѣхъ странъ*. Отсюда съ полной очевидностью слѣдуетъ, что, исходя изъ марксистскихъ идей, мы должны въ настоящее время бороться за германскую побѣду съ той же беззавѣтностью, съ которой раньше мы боролись за сохраненіе мира“. Эти идеи развилъ въ цѣлую теорію Вольфгангъ Гейне. Онъ поднимаетъ свое знамя не только съ самодовольствомъ, но и съ гордостью. Подобно тому, какъ когда то голландскіе бунтовщики противъ испанскаго владычества гордо подхватили брошенную имъ надменными испанцами

кличку „гёзы“ (нищіе) и съ тѣхъ поръ сами стали называть себя гёзами—такъ, подражая имъ, Вольфгангъ Гейне готовъ поднять и съ гордостью носить брошенную ему насмѣшливую кличку „соціалистическаго имперіалиста“.

„Классовыя противорѣчія—говорилъ онъ въ своей нашумѣвшей штутгартской рѣчи—исчезнутъ не раньше, чѣмъ самъ капитализмъ. Но въ предѣлахъ національныхъ единицъ и національнаго хозяйства рабочіе и работодатели имѣютъ и общіе интересы. Ихъ и защищаютъ сейчасъ всѣ классы, сражаясь за отечество. Нашъ рабочій классъ живетъ индустріей, главнымъ образомъ, разсчитанной на экспортъ. Если будетъ нанесенъ ударъ германской индустріи и экспорту, рабочіе пострадаютъ больше, чѣмъ работодатели... Нѣмецкій рабочій долженъ обезпечить себѣ сначала возможность выгоднаго труда; отъ этого зависитъ вся его судьба; не только жизнь его и семьи его, но также и возможность исполнить свой долгъ сознательнаго пролетарія, борющагося во имя своего идеала. Если кому угодно назвать это стремленіе рабочихъ удержать условія культурнаго существованія на почвѣ національной работы и экспорта—„имперіализмомъ“, прекрасно: этотъ имперіализмъ мы беремъ подъ свою защиту“.

И въ другой разъ, въ своей брошюрѣ, онъ повторялъ: «Когда модернистская зараза пытается заклеймить это на смерть именемъ „соціалистическаго имперіализма“, то достаточно противопоставить ей простой контръ-вопросъ: ну, а что стало бы въ предѣлахъ современнаго общества, съ индустріальнымъ населеніемъ, охватывающимъ болѣе половины націи, безъ вывозной индустріи, и не должна ли бы была даже живущая соціалистическимъ производствомъ Германія перерабатывать заграничные сырые матеріалы, а, слѣдовательно, и оплачивать ихъ?“

Какъ дважды два четыре ясно, что и соціалистическая Германія—какъ себѣ ее представляетъ Вольфгангъ Гейне—должна вести активную, въ своемъ родѣ имперіалистическую политику. Такова ужъ ея судьба: не даромъ она уже успѣла превратить въ индустріальное населеніе болѣе половины націи и стремится еще болѣе увеличить его за счетъ остальной, сводимой на нѣтъ, аграрной половины...

Поистинѣ, здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься.

Имперіализмъ... И въ самомъ дѣлѣ,—характернѣйшей его чертой является стремленіе индустріальной націи подчинить себѣ націи земледѣльческія, обративъ ихъ въ поставщицъ сырья и потребительницъ того же самаго сырья, но уже превращен-

наго въ продукты современной индустріи. Подобно тому, какъ первоначально въ предѣлахъ данной страны индустріальный капитализмъ покоряетъ себѣ добывающую промышленность и сельское хозяйство; въ особенности подобно тому, какъ „городъ-спрутъ“ высасываетъ лучшіе жизненные соки изъ „покоренной подъ ножъ его“, обезлюженной и ослабленной деревни,—такъ затѣмъ уже въ интернаціональномъ масштабѣ воспроизводится то же дѣленіе цѣлыхъ націй на націи эксплуатирующія, націи господствующія и на націи подчиненныя, націи-данницы. Нѣкоторыя націи подвергаются процессу односторонне-индустріальнаго развитія. Въ нихъ идетъ гипертрофія индустріи за счетъ атрофирующагося земледѣлія и добывающей, сельскохозяйственной промышлености вообще. Эти-то страны гипертрофированной индустріи, въ силу неизбѣжной внутренней логики своего развитія, и являются странами современнаго буржуазнаго имперіализма.

Старая теорія соціализма, нынѣ доживающая свои, если не послѣдніе, то предпослѣдніе дни, на руинахъ послѣ величайшаго краха, казавшагося столь высоко развившимся, рабочаго интернаціонализма,—была въ своей основѣ односторонней индустріальной теоріей. Она была теоріей индустріально-капиталистическаго развитія къ соціализму. О судьбахъ земледѣлія и земледѣльческихъ странъ она пыталась сначала судить просто по аналогіи съ судьбами индустріи. Потомъ, когда существенное различіе въ законахъ развитія индустріи и сельскаго хозяйства слишкомъ наглядно доказано было жизнью, она пыталось перемѣнить позицію. Индустрія для нея перестала быть *образцомъ* всякаго развитія. Но она осталась *центромъ*, руководящимъ элементомъ всего развитія. Земледѣліе, сельское хозяйство признано было областью производства, неспособной выработать изъ самой себя достаточныхъ силъ для самостоятельнаго подъема на высоты будущаго соціалистическаго строя. Предполагалось, что индустрія и индустріальный пролетаріатъ своимъ вліяніемъ, исходящимъ *извнѣ*, подтянутъ эту *пассивную* часть соціальнаго цѣлаго, сыграютъ роль активной силы по отношенію къ ней, какъ къ *сырому матеріалу* для соціалистической переработки. Городъ среформируетъ деревню.

Но какъ же, спрашивается, быть съ этимъ дифференцированіемъ активной индустріи и пассивнаго сырьевого хозяйства, происходящимъ въ интернаціональномъ масштабѣ. Страны гипертрофированной индустріи, съ ихъ передовымъ пролетаріатомъ, не должны ли быть естественными гегемо-

ками по отношенію къ странамъ отсталымъ, странамъ сельскохозяйственнымъ? И соціализмъ первыхъ странъ не долженъ ли быть такимъ же гегемономъ надъ соціализмомъ этихъ странъ? Форштандъ-соціализмъ не выше ли гефюльсъ-соціализма? Не лежитъ ли на странахъ гипертрофированной индустріи историческая миссія «окультуритъ» подъ своею просвѣщенною опекою отсталыя страны? Не долженъ ли и самъ соціализмъ только пріискать для этого возможно болѣе мягкія формы?

Такъ старая теорія соціализма подошла вплотную къ собственному логическому перерожденію—и вырожденію—въ „соціалистическій имперіализмъ". Такъ пролетаріатъ странъ гипертрофированной индустріи, усвоивъ эту теорію, заявилъ свои притязанія на идейную гегемонію въ Интернаціоналѣ. Такъ въ борьбѣ своей національной индустріи за господство на всемірномъ рынкѣ этотъ пролетаріатъ провозгласилъ, во имя своей исключительной цѣнности для всего мірового соціалистическаго движенія, необходимость торжества того начала, въ которомъ заключалась матеріальная основа его существованія—торжества своего національнаго капитализма.

И не удивляйтесь ни тому, что ревизіонистъ Вольфгангъ Гсйне по существу готовъ отстаивать право на существованіе германскаго соціалистическаго имперіализма, ни тому, что революціонеръ Парвусъ скандально требуетъ отъ русскихъ и балканскихъ соціалистовъ, въ знакъ признательности, прямой помощи дѣлу германскаго оружія. Мы—*сырье* соціализма. Въ «фабрикаты» насъ должна превратить внѣшняя сила нѣмецкой соціалистической индустріальной фирмы. Она участвуетъ въ войнѣ, но лишь для того, чтобы еще глубже пустить корни въ своей странѣ и сдѣлать ее тѣмъ вѣрнѣе центральнымъ соціалистическимъ свѣтиломъ, въ орбитѣ котораго будутъ двигаться страны-спутницы, свѣтящія не своимъ свѣтомъ, а отраженнымъ солнечнымъ...

Односторонній индустріализмъ современной хозяйственной системы... Однобокій индустріализмъ старой соціалистической теоріи... Какъ хорошо они дополняли другъ друга—и какъ дружно привели къ пропасти военной катастрофы и шовинистскаго вырожденія!

Какой же смыслъ, послѣ всего этого, ставить вопросъ: кто виноватъ? Всѣ и никто... Это—точка зрѣнія *вмѣненія*, которой пытаются подмѣнить недостающее глубокое *объясненіе* случившагося...

Вмѣшеніе вмѣсто *объясненія* можно часто, слишкомъ часто встрѣтить среди русскихъ „ленинцевъ“ или „большевиковъ“. Они прекрасно знаютъ, кто виноватъ. Вѣдь это же такъ просто. Виноваты „дурные пастыри“, измѣнники соціализма, сбившіе съ толку пролетаріатъ. И раздѣлаться съ кризисомъ можно очень просто: отсѣчь зараженные члены, и организмъ будетъ излеченъ.

Не кажется ли вамъ, что этотъ способъ разсужденія немножко сродни разсужденіямъ реакціонныхъ министровъ о томъ, откуда взялось въ странѣ революціонное броженіе? Вѣдь это же такъ просто: его развели преступные агитаторы. Какъ помочь дѣлу? Тоже просто: выловить ихъ и „изъять изъ обращенія“.

Отсѣчь зараженные члены... Представители патріотическаго большинства нѣмецкой соціаль-демократіи уже давно грозятъ непримиримымъ интернаціоналистамъ, вродѣ Либкнехта, что послѣ войны, когда все уляжется, партія сведетъ съ ними счеты и поговоритъ съ ними серьезно „на языкѣ хирургической ампутаціи“ („Karlsruher Volksfreund“). Крайніе лѣвые отвѣчаютъ, въ лицѣ Ленина, тѣмъ же. Крайности сходятся...

Да, хирургія необходима. Но прежде всего хирургія *идейная*. Надо отыскать глубокіе корни болѣзни, идя отъ наружныхъ симптомовъ — грѣхопаденія отдѣльныхъ личностей—внутрь организма. Надо отыскать главную слабую сторону основы современнаго соціализма—пролетаріата. Надо отыскать затѣмъ и отраженія этой слабой стороны въ практикѣ соціалистическихъ партій, въ ихъ теоріи, въ ихъ идеологіи.

Да, надо отыскать слабые пункты въ міросозерцаніи господствующаго теченія въ соціализмѣ, слабые пункты, служащіе благопріятной почвой для культуры болѣзнетворныхъ микробовъ патріотическаго шовинизма, прячущихся отъ невооруженнаго глаза въ интимныхъ складкахъ общаго теоретическаго міросозерцанія и незамѣтно творящихъ оттуда свою разлагающую работу. Надо составить *исторію болѣзни*. И при этомъ необходимо вооружиться мужествомъ нелицепріятнаго исканія истины. И если въ этой исторіи болѣзни есть факторъ *наслѣдственности*, то хотя бы даже эта наслѣдственность привела насъ къ такимъ великимъ именамъ, какъ имена Маркса и Энгельса—мы не должны передъ этимъ остановиться. Пусть это—тяжкая, болѣзненная операція. Тѣмъ болѣе необходимо произвести ее самимъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять ее чужимъ, неумѣлымъ и грубымъ рукамъ.

Зато эта *идейная хирургія* одна способна дать настоящее излеченіе. И ее во всякомъ случаѣ не замѣнить той внѣшней хирургіей большевистскаго метода, которая дѣйствуетъ не тонкимъ скальпелемъ и ланцетомъ, а грубымъ тяжелымъ, обрубающимъ все вокругъ себя топорищемъ. О нѣтъ, противъ „штыкъ-соціализма" новѣйшей формаціи *топорный соціализмъ* русскаго большевизма врядъ ли можетъ быть надежнымъ оружіемъ... По упрощенности концепціи и методовъ они другъ друга стоятъ. А положеніе слишкомъ запутано и сложно, чтобы разрѣшить его „съ маху", немногими „симплицистскими" пріемами...

Пора кончить. Мнѣ хотѣлось бы подвести сказанному кое-какіе чисто теоретическіе итоги, отвлекаясь отъ всякой аргументаціи и лишь систематизируя свое изложеніе въ рядѣ основныхъ тезисовъ. Попробую это сдѣлать.

Экономическая почва современной войны создана вступленіемъ капитализма въ національно-имперіалистскую фазу, тѣсно связанную съ его развитіемъ въ передовыхъ странахъ въ сторону односторонняго индустріализма.

Эпохѣ односторонняго индустріализма въ народномъ хозяйствѣ соотвѣтствуетъ эпоха односторонняго индустріальнаго соціализма въ политикѣ.

Основной особенностью этого односторонняго индустріальнаго соціализма является стремленіе, учитывая въ свою пользу ходъ стихійной хозяйственной эволюціи, дать крайне оптимистическую перспективу развитія капиталистической индустріи, систематически переоцѣнивая ея исторически положительныя, творческія стороны и недооцѣнивая отрицательныя, разрушительныя.

Этой первой, позитивной особенности однобокаго индустріальнаго соціализма соотвѣтствуетъ вторая, негативная: недостаточное вниманіе къ земледѣлію и деревнѣ, обреченнымъ, по теоріи, быть лишь пассивнымъ, зависимымъ придаткомъ къ торжествующей индустріи; игнорированіе тѣхъ трудовыхъ слоевъ населенія, формы приложенія труда которыхъ не принесены съ собою въ жизнь капитализмомъ; узкая исключительность „чисто пролетарской точки зрѣнія"; недовѣріе ко всякимъ проявленіямъ коллективной собственности и коллективнаго труда, возникающимъ не сверху, подъ ферулой капитализма, а снизу, по свободной инициативѣ трудящихся,— черты, обрекающія соціализмъ въ странахъ, для которыхъ недоступно переразвитіе индустріи за счетъ добывающей про-

мышленности, на относительную изолированность и безсиліе.

Прямымъ слѣдствіемъ этой позиціи является усвоеніе соціализмомъ характерной-выжидательно-оборонительной линіи поведенія по отношенію къ капитализму, условное и временное „пріятіе" послѣдняго. Капитализмъ разсматривается, какъ своеобразный друговрагъ, или врагодругъ пролетаріата. Пролетаріатъ—какъ его естественный наслѣдникъ, непосредственно заинтересованный въ безостановочномъ и безпрепятственномъ ростѣ наслѣдства. Соотвѣтственно этому принимается двойной критерій по отношенію къ минимальнымъ требованіямъ соціализма: они, во-первыхъ, не должны затрагивать или тревожить роста и развитія капиталистическихъ формъ, долженствующихъ діалектически развить изъ себя свое собственное самоотрицаніе; они, во-вторыхъ, должны охранять физическое и духовное здоровье пролетаріата, готовя его къ моменту, когда логика стихійнаго развитія призоветъ его къ вступленію во владѣніе наслѣдствомъ.

Эта двойственность въ отношеніи къ капитализму постепенно стирала революціонность соціализма. По мѣрѣ того, какъ жизнь опровергала первоначальныя надежды на быстрое прохожденіе капитализмомъ предположеннаго цикла его естественнаго развитія, вплоть до его неизбѣжнаго конца; по мѣрѣ того, какъ развертывалась во весь свой ростъ пластическая жизненная сила, приспособляемость и эластичность капиталистическихъ формъ,—отодвигались въ неопредѣленное будущее революціонныя возможности соціализма, и вступали въ силу эволюціонныя, будничныя, поссибилистскія, всѣми своими корнями внѣдряющіяся въ твердую почву прозаической буржуазной дѣйствительности.

Съ этимъ связано укрѣпленіе въ соціалистическихъ партіяхъ легалистскихъ тенденцій, наклонности къ компромиссамъ и ярко выраженной неохоты рѣшиться когда бы то ни было на средства борьбы, способныя приблизить рѣшительное столкновеніе съ организованными силами режима (яркія манифестаціонныя выступленія, всеобщія стачки, активный антимилитаризмъ и т. п.).

Нѣмецкій правый ревизіонизмъ явился наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ потребности приспособить былыя, запечатлѣнныя революціонной непримиримостью, теоретическія и принципіальныя формулировки соціализма къ измѣнившейся будничной практикѣ.

Побѣды надъ ревизіонизмомъ, одержанныя ортодоксіей на

многочисленныхъ конгрессахъ, были побѣдами мнимыми, ибо разница между обоими теченіями сводилась главнымъ образомъ къ разницѣ во фразеологіи и не соединялась съ соотвѣтственной разницей въ практическомъ поведеніи.

Успѣхи ревизіонизма въ рабочихъ массахъ, выразившіеся наглядно въ господствѣ его въ профессіональныхъ союзахъ, были явнымъ выраженіемъ ахиллесовой пяты современнаго индустріальнаго пролетаріата, численность котораго и уровень возможнаго благосостоянія въ каждой странѣ слишкомъ непосредственно зависитъ отъ степени процвѣтанія національнаго капитализма.

Въ современной войнѣ, гдѣ крупнѣйшими государствами Европы поставлены на карту всѣ судьбы ихъ національнаго капитализма, гдѣ исходъ войны обусловливаетъ перспективы ихъ дальнѣйшаго слабаго или сильнаго одностороннаго индустріально-капиталистическаго развитія,—эта зависимость роста пролетаріата отъ роста капитализма является источникомъ массоваго націоналистическаго грѣхопаденія въ рядахъ соціалистовъ.

Однобокій индустріализмъ современнаго національно-капиталистическаго развитія, сбросивъ европейскія государства въ пропасть войны, увлекаетъ за собою въ эту пропасть и представителей однобокаго индустріальнаго соціализма.

Сосредоточить именно въ своей странѣ максимумъ индустріально-капиталистическихъ производительныхъ силъ и этимъ путемъ создать въ ней передовой всемірный очагъ самаго развитаго соціалистическаго пролетаріата, которому будетъ принадлежать идейная гегемонія въ міровомъ рабочемъ движеніи,—таковъ естественный лозунгъ этого дегенерировавшаго однобокаго индустріальнаго соціализма.

Подрывая самыя основы міровой рабочей солидарности, этотъ дегенерировавшій соціализмъ увлекаетъ за собою слабыхъ и своимъ господствомъ въ однихъ странахъ до извѣстной степени связываетъ руки даже тѣмъ соціалистическимъ партіямъ другихъ странъ, которыхъ не захватило націоналистическое грѣхопаденіе, но которыя не могутъ достаточно энергично вести войну противъ войны въ странахъ одного изъ воюющихъ лагерей, если одновременно не ведется такой же войны въ странахъ другого лагеря.

Эта же, давно начавшаяся „секретная болѣзнь“ соціалистическаго націонализма или соціалистическаго имперіализма, вмѣстѣ съ явной болѣзнью легализаторства, была главной причиной того, что длинный рядъ международныхъ соціали-

тическихъ конгрессовъ, обсуждавшихъ вопросъ о поведеніи оціалистовъ передъ опасностью войны, ни разу не могъ пойти альше парадныхъ платоническихъ демонстрацій или дипло-атически-растяжимыхъ формулъ, пріемлемыхъ равно для сѣхъ лишь потому, что каждый могъ влагать въ нихъ лю-ое содержаніе.

Благодаря этому данная война является не только *бѣ-ой*, нагрянувшей на международный пролетаріатъ и соціа-изм, независимо отъ обнаруженной имъ доброй воли; нѣтъ, риходится признать, что соціализмъ не сдѣлалъ всего, что огъ, для воспрепятствованія этой войнѣ; и что, такимъ обра-омъ, въ ней есть доля и его отвѣтственности, его *вины*, ыразившейся въ преступной слабости и попустительствѣ.

Въ связи со всѣмъ этимъ война и открыла собою періодъ івнаго кризиса интернаціональнаго соціализма и деморали-аціи въ его рядахъ.

Основной и неотложной задачей соціализма, вопросомъ кизни или смерти является теперь для него преодолѣніе этого ;ризиса, воскресеніе и вмѣстѣ *обновленіе*.

Въ идейной области эта задача рисуется, какъ переоцѣнка ісѣхъ цѣнностей соціалистической теоріи, ея эмансипація отъ ісѣхъ тѣхъ, глубоко въ нее проникшихъ, вліяній односторонне-індустріалистической и національно-имперіалистической фазы капиталистическаго развитія, которыя привели соціализмъ къ крайнему эволюціонизму, оппортунизму и государственно-національистическому перерожденію.

Только по разрѣшеніи этой задачи современный пролета-біатъ будетъ способенъ критически отнестись къ самому себѣ, къ собственнымъ силамъ, познать собственныя слабости путемъ этого познанія отъ нихъ излечиться...

Симъ побѣдиши!

Милитарный соціализмъ.

I. Вполнѣ современный діалогъ.

— Я, если вамъ угодно, соціалъ-патріотъ,—говорилъ мнѣ недавно одинъ старый знакомый, котораго я не видалъ съ 1905 года.—Не думайте, однако, что во мнѣ просто говоритъ россіянинъ, которому непріятно, когда «нашихъ бьютъ», и который ничего не имѣетъ, чтобы «наши» хорошенько взлупили «чужихъ». Не эта примитивная психологія «патріотизма улицы» опредѣляетъ мою позицію. И не привычное плоское французофильство русскихъ эмигрантовъ, нашедшихъ въ районѣ латинскаго квартала въ Парижѣ свою вторую родину. Я схожусь съ ними въ томъ, что сейчасъ есть только одна задача—расколотить Германію. Но мнѣ это нужно вовсе не для развитія русскаго капитализма, какъ Плеханову, и вовсе не для торжества «западныхъ демократій»,—для нихъ, кстати сказать, военное торжество будетъ такимъ искушеніемъ, какого онѣ, можетъ быть, и не выдержатъ—особенно принимая во вниманіе совмѣстную предварительную выработку условій мира вмѣстѣ съ царской Россіей. Я хочу, чтобы Германію побили, прежде всего какъ соціалистъ, и даже, если угодно, какъ соціалистъ-максималистъ,—ибо, если припомните, я всегда находилъ въ максимализмѣ здоровое зерно.

— Во всякомъ случаѣ, это будетъ максимализмъ особаго рода, какой-то «военный максимализмъ»... и даже не только максимализмъ, но и «монизмъ», если по вашему, сейчасъ, «единое на потребу»: разгромъ Германіи.

— Не подпучивайте, а выслушайте. Въ Германіи сейчасъ—самый развитой, самый организованный, самый культурный, самый сознательный пролетаріатъ. Такъ это или нѣтъ.

— Такъ,—но только «съ подстрочнымъ примѣчаніемъ»...

— Конечно, съ примѣчаніемъ. И въ этомъ примѣчаніи все зло. Германскій рабочій слишкомъ «крѣпокъ капитализму», какъ нашъ крестьянинъ черезчуръ «крѣпокъ землѣ».

ермаиская индустрія за послѣднія тридцать лѣтъ такъ стре-
ительно, такъ грандіозно развивалась, что на фундаментѣ
того развитія могло обосноваться относительное благопо-
учіе пролетаріата. И нѣмецкій пролетарій такъ влюбился
ъ это благополучіе и въ эволюціонные пути его расшире-
ія, что теперь, когда отъ военнаго пораженія ему угрожаетъ
ризисъ той самой промышленности, которая даетъ ему за-
аботки, онъ моментально всталъ на дыбы: захотѣлъ побѣды
ермаиіи, расширенія ея вліянія, ея колоній, ея торговли и
римирился даже со своимъ нынѣшнимъ кайзеромъ—этимъ
ревностнѣйшимъ «первымъ коммивояжеромъ германской про-
мышленности», какъ его прозываютъ. Развѣ это не такъ?
Развѣ вы сами объ этомъ не писали?

— Писалъ. Что же дальше?

— А дальше вотъ что. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись,
или, если угодно, клинъ клиномъ выгоняютъ. Пусть Германія
будетъ разгромлена. Вы, можетъ быть, боитесь, что отъ
чрезмѣрнаго разгрома Германіи разыграются черезчуръ аппе-
титы союзниковъ? Пусть разыграются! Чего вы боитесь?
Утраты ими ихъ «демократической» невинности? Я въ нее
не очень-то вѣрю. Невинность довольно-таки подмоченная!
Вспомните покореніе бурскихъ республикъ, вспомните оку-
пацію Марокко, вспомните, какъ изъ-за Фашоды едва не
разгорѣлась война между Англіей и Франціей! Предоставимъ
пламенные восторги наивнымъ просточкамъ... А вы лучше
вотъ о чемъ подумайте: представьте себѣ Германію, лишен-
ную колоній, лишенную торговаго флота, лишенную рынковъ,
которые, покуда она отрѣзана отъ всего міра войной и бло-
кадой, уплывутъ изъ ея рукъ въ руки Соединенныхъ Шта-
товъ, Японіи, Англіи, кого угодно; подумайте, какой колос-
сальный кризисъ, какой крахъ промышленности произой-
детъ внутри нѣмецкихъ границъ! Какія колоссальныя арміи
пролетаріевъ останутся безъ работы! И какихъ пролетаріевъ!
Первыхъ въ мірѣ по классовой сплоченности и по способ-
ности къ организаціи, къ самостоятельному веденію всѣхъ
своихъ дѣлъ! Вы понимаете, чѣмъ здѣсь пахнетъ дѣло? Тутъ
не въ свержоніи Вильгельма и не въ германской республикѣ
только дѣло—это мелочи, достойныя мечтаній мелкотравчатыхъ
франкофиловъ отъ соціалъ-патріотизма, которыхъ ужасно
обрадуетъ, если подъ манифестами вмѣсто «милостью Божіей
Вильгельма» будетъ стоять просто «президентъ Кемпфъ».
Тутъ вопросъ станетъ ни больше, ни меньше, какъ о соціаль-
ной революціи! Послѣ войны придется не сдавать въ архивъ

мѣропріятія нынѣшняго «военнаго соціализма» подъ командованіемъ фельдфебеля, даннаго въ Вольтеры, а развить и преобразовать его въ соціализмъ демократическій и производительный. Что вы скажите о такой перспективѣ?

— Соблазнительная, что и говорить! Жаль лишь, что нельзя найти Тамерлана, который подобнымъ же образомъ расколотилъ бы всю Европу—авось либо тогда вся Европа, а не одна Германія—одной то, пожалуй, немножко жутко, да и трудно создать соціализмъ—осуществила бы у себя максимальную программу!

— Ваша иронія неумѣстна. Въ томъ, чтобы была побита и отрѣзана отъ рынковъ вся Европа, нѣтъ никакой надобности. Германіи принадлежитъ идейная гегемонія въ Интернаціоналѣ. Нѣмецкая соціалъ-демократія, прямо ставящая передъ собою, какъ практическую программу дня, максимальныя требованія соціализма—это новая эра во всемъ международномъ рабочемъ движеніи. За Германіей пойдутъ и другіе! Въ послѣднее время она утрачивала идейную гегемонію, потому что мельчала и омѣщанивалась. Тогда же она вновь пойдетъ въ авангардѣ и поведетъ всѣхъ!

— Итакъ, ваша программа—колотить нѣмцевъ, чтобы доколотить ихъ до роли передовыхъ бойцовъ и гегемоновъ соціализма, до роли, открывающей новую эру міровой исторіи?

— А хотя бы и такъ? Вы хотите меня вышучивать, но вышучиваніе—не опроверженіе. Во всякомъ случаѣ, вы не сможете отказать моей концепціи ни въ реализмѣ, ни въ стройности, ни даже, пожалуй, въ оригинальности.

— Въ послѣднемъ вы ошибаетесь.

— Какъ это такъ?

— Ваша теорія отнюдь не оригинальна. Болѣе того, она почти что слово въ слово списана у нѣмцевъ. Made in Germany!

— Ну ужъ этого-то быть не можетъ. Хотѣлъ бы я увидѣть нѣмца, желающаго своему фатерланду пораженія ради краха всей германской промышленности и соціальной революціи!

— Но я и не говорилъ, чтобы они хотѣли надъ самими собой совершить этотъ опытъ. Они предпочитаютъ его продѣлать in anima vili, на ненавистномъ сосѣдѣ—на Англіи.

— Гдѣ это вы нашли?

— Въ соціалъ-демократической литературѣ, конечно. Еще Фридрихъ Энгельсъ любилъ распространяться на тему,

какъ вредно отзывается на психологіи англійскаго рабочаго монопольное положеніе англійской индустріи на всемірномъ рынкѣ. Въ выгодахъ этой монополіи до извѣстной степени имѣлъ свою часть и англійскій рабочій классъ... Въ этомъ Энгельсъ видѣлъ причину, почему англійскіе рабочіе такъ долго были какъ будто застрахованы отъ вліянія континентальной соціалистической идеологіи. Но Энгельсъ провидѣлъ конецъ монопольнаго положенія Англіи, а вмѣстѣ съ этимъ и поворотъ англійскихъ рабочихъ къ соціализму. Вы догадываетесь, куда ведетъ нѣмцевъ логическое продолженіе этихъ разсужденій Энгельса?

— Отчасти догадываюсь.

— И нетрудно догадаться. Нѣмцы говорятъ, что затѣянная Англіей противъ Германіи торговая война имѣетъ цѣлью вернуть индустріи Соединеннаго Королевства то господство на всемірномъ рынкѣ, которое все болѣе и болѣе подрывалось конкурренціей Германіи. Это, говорятъ они, будетъ шагомъ назадъ въ общемъ ходѣ эволюціи. Отъ гегемоніи одной индустріальной страны она должна вести къ раздѣлу власти. Въ этомъ смыслѣ «Drang» нѣмецкаго капитализма есть явленіе прогрессивное. Англія, развивъ до колоссальныхъ размѣровъ свой маринизмъ, содержа флотъ, равный совокупному флоту двухъ слѣдующихъ за ней самыхъ сильныхъ морскихъ державъ, сейчасъ является самовластной владычицей морей. Angleterre tient la mer. Это положеніе несправедливо и опасно для другихъ. Вотъ почему въ борьбѣ нѣмецкаго капитализма съ англійскимъ всѣ должны быть, по мнѣнію нѣмцевъ, на ихъ сторонѣ. Смыслъ этой войны— низведеніе Англіи до общаго уровня съ ея нынѣшняго исключительно возвышающагося надъ другими положенія.

— Да, понимаю, понимаю. Германія желаетъ перехватить у Англіи ея гегемонію. Но вѣдь этимъ-то она и поведетъ своихъ рабочихъ по пути стараго англійскаго трэдъюніонизма.

— Нѣмцы отвѣчаютъ на это, что они хотятъ только равенства съ Англіей. Съ цифрами въ рукахъ они легко могутъ доказать, что если сравнить пропорціональное отношеніе между развитостью германской индустріи и величиной ея колоніальныхъ владѣній съ подобными же отношеніями, существующими у Англіи и Франціи, то будетъ ясно, насколько неблагопріятнѣе положеніе Германіи. Да, наконецъ, говорятъ они, если ужъ чья-нибудь хозяйственная гегемонія полезнѣе для міра, такъ это гегемонія такой страны, въ которой

есть самый развитой, самый организованный и соціалистически-сознательный пролетаріатъ. А вѣдь такую страну вы видите въ Германіи, не такъ ли?

— Да, если бы этотъ пролетаріатъ согласился быть авангардомъ въ дѣлѣ не мелкаго реформизма, а соціальной революціи!

— Нѣмцы вамъ отвѣтятъ, что авангардъ нуждается въ непосредственно слѣдующей за нимъ по пятамъ арміи. Что соціализмъ въ другихъ странахъ слишкомъ отстаетъ отъ нихъ. Что соціальная революція должна захватить одновременно, по крайней мѣрѣ, важнѣшія индустріальныя націи. А между тѣмъ даже такая страна классическаго капитализма, какъ Англія, доселѣ не имѣетъ сильнаго соціалистическаго движенія, а проявляется неопредѣленнымъ, ультраумѣреннымъ «лабуризмомъ»—такъ сказать, «трудовичествомъ» городского типа. Разбивъ морскую гегемонію Англіи и нѣсколько подорвавъ ея хозяйственное, привилегированное положеніе, нѣмецкіе соціалъ-патріоты надѣются сильно радикализировать рабочее движеніе Англіи. Перегруженность колоніями Франціи съ ея болѣе финансовымъ, чѣмъ производительнымъ капитализмомъ, по ихъ мнѣнію, тоже сильно тормозитъ ея и экономическую, и политическую эволюцію....

— Подумаешь, какъ все это альтруистично!

— А что вы хотите? Ихъ разсужденія и ваши, по моему, стоятъ на одной доскѣ. Вы хотите бить нѣмцевъ, чтобы доколотить ихъ до роли хорошихъ лидеровъ, вожаковъ, до роли хорошаго авангарда Интернаціонала. Вы хотите „вогнать ихъ въ рай дубиной"—дубиной пораженія въ рай соціальнаго максимализма. А они хотятъ доколотить союзниковъ до роли хорошихъ рядовыхъ соціалистическаго дѣла, не отстающихъ слишкомъ далеко отъ нихъ и марширующихъ подъ ихъ гегемоніей. А по отношенію къ намъ, земледѣльческимъ народамъ, и того проще. Насъ они считаютъ естественными „подчиненными свѣтилами", свѣтящими не своимъ свѣтомъ, а отраженнымъ солнечнымъ. Въ своемъ родѣ это довольно логично. Пожалуй, еще постройнѣе будетъ, чѣмъ въ вашей концепціи.

— И потому вы предпочитаете нѣмецкую концепцію?

— Никакой не предпочитаю. „Обѣ хуже". Если ужъ вы хотите знать мое мнѣніе, то вотъ вамъ оно. Ваша концепція есть только нѣмецкая, вывернутая наизнанку. Вы удивительно похожи другъ на друга. И судьба ваша одинакова. Въ чемъ трагедія—или трагикомедія—нѣмецкаго марксизма

„средняго типа“? Онъ все „учитывалъ въ свою пользу“ естественныя тенденціи капиталистическаго развитія. Дѣло обстояло довольно гладко, пока перспективы развитія представлялись въ видѣ прямой восходящей линіи накопленія капитализмомъ въ своихъ рамкахъ и производительныхъ силъ и высшихъ формацій организованнаго коллективнаго труда. Не противорѣчить „естественному ходу вещей“, а, напротивъ, „использовать пріобрѣтенія всякой высшей фазы развитія капитализма“ при такихъ условіяхъ относительно было легко. Но вотъ капитализмъ вступилъ въ свою имперіалистическую фазу, съ рѣзкими скачками изъ ухаба въ ухабъ, съ крушеніями и съ безумной скачкой на перегонки. Вы хотите остаться вѣрными себѣ и дѣйствовать въ духѣ естественныхъ тенденцій развитія. Вотъ вы и скачете изъ ухаба въ ухабъ съ вашимъ трезвымъ и экономически-обоснованнымъ соціализмомъ, норовя учитывать въ свою пользу, въ пользу соціализма, все, вплоть до того или иного оборота имперіалистической взаимной борьбы за преобладаніе. Національные имперіализмы въ бѣшеной скачкѣ, причемъ каждый надѣется выгадать на расширеніи своей національной капиталистической базы, и каждый надѣется „радикализировать“ сосѣда, выколотивъ его изъ черезчуръ привилегированнаго, опаснаго для пролетарской невинности положенія. Всеобщій, прямой, явный и равный самообманъ, который представлялъ бы очень забавную картину, если бы она не была такъ печальна. Вашъ первородный грѣхъ въ томъ, что вы принципіально прикрѣпили себя къ стихіи капитализма и теперь, какъ игрушка, въ этой стихіи носитесь безъ руля и безъ вѣтрилъ. Когда же, наконецъ, соціализмъ сдѣлается самостоятельной, стоящей на собственныхъ ногахъ, активно-динамической силой, способной не только ковылять, подпираясь капиталистической клюкой?

II. Двѣ мѣрки.

Этотъ разговоръ невольно вспомнился мнѣ, когда я перебиралъ брошюрную литературу нѣмецкаго марксизма по вопросу о войнѣ. Я, конечно, имѣю въ виду ту часть литературы, которая безъ всякихъ „колебаній, борьбы и думы роковой“ отстаиваетъ въ этой войнѣ интересы своего нѣмецкаго фатерланда, въ разсужденіи, что „все прочее приложится“...

)дним ъ изъ наиболѣе характерныхъ представителей этой ологической полосы въ нѣмецкой соціалистической литературѣ является ортодоксальный лѣвый марксистъ-радикалъ, ь Лентшъ [1]). „Все, что первоначально вызвало войну“— д-ра Лентша—„сейчасъ отошло на второй планъ“, ибо я Германіи—подъ каковымъ обозначеніемъ мы понимаемъ Германскую Имперію и Австро-Венгрію—изъ *вопроса о расширеніи капитализма* выросъ *вопросъ ея начальнаго существованія*“.

Что всего характернѣе въ психологическомъ перерождесоціалистовъ, стремительно перескочившихъ съ международной на національную точку зрѣнія, такъ это необыкновенная способность мѣрить двумя разными мѣрками „своѣ“ и „чужихъ“.

)ъ современной нѣмецкой соціалистической литературѣ проявилось съ необыкновенной яркостью и очевидностью. Люди приспособили всю свою психику къ пароксму вспыхнувшей въ самыхъ острыхъ формахъ международной борьбы за существованіе, прониклись ея духомъ и скающей изъ нея жаждой побѣды. Но кромѣ психолоу нихъ есть еще логика, привыкшая „танцовать отъ ки“, исходить изъ конечной цѣли—соціализма, международнаго по своей природѣ. И вотъ покладистый человѣчеі разумъ принялся прилаживать логику къ психологіи. интересовъ „цѣлаго“, изъ интересовъ всего человѣчеа принялись выводить необходимость побѣды одной части, ой націи надъ другой.

Секретъ этой махинаціи достаточно простъ. Напримѣръ: данной всемірной войнѣ опредѣляющее вліяніе играетъ номическій поединокъ между Англіей и Германіей. Трется доказать, что англійскій рабочій классъ нуждается пораженіи, чтобы радикализироваться. И развѣ трудно доказать? Развѣ неизвѣстно, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ!“ Но, переходя къ рабочему классу Германіи, надо перескочить на другую точку зрѣнія, отмѣрить ой мѣрой. Надо нарисовать яркими красками положительные рессурсы германскаго пролетаріата и напугать міръ спективой ихъ уничтоженія.

Тема дана. За исполненіемъ дѣло не станетъ.

---

[1]) „Die deutsche Sozialdemocratie und der Weltkrieg“, eine pche Studie von Dr. Paul Lentsch, Mitglied des Reichstags. Berlin, l. S. 26.

Еще Фр. Энгельсъ говорилъ: „Пока длилась индустріальная монополія Англіи, англійскій рабочій классъ до извѣстной мѣры самъ былъ участникомъ въ выгодахъ этой монополіи... Вотъ причина, по которой въ Англіи послѣ вымиранія оуэнизма не было соціализма. Съ крахомъ монополіи англійскій рабочій классъ потеряетъ это привилегированное положеніе. Въ одинъ прекрасный день онъ, не исключая и своего руководящаго, привилегированнаго меньшинства, будетъ низведенъ на тотъ же уровень, на которомъ находятся заграничные рабочіе. И это будетъ причиной, по которой въ Англіи вновь появится соціализмъ".

Еще Фр. Энгельсъ указалъ на давно проявившуюся тенденцію Англіи—всѣ страны превратить въ то, чѣмъ давно стала для нея Ирландія: въ рынки для ея индустріальныхъ продуктовъ, въ поставщицъ сырья и средствъ существованія. Еще Энгельсъ съ эмфазомъ восклицалъ: „Англія, огромное индустріальное средоточіе цѣлаго земледѣльческаго міра, со все болѣе растущимъ числомъ производящихъ зерно и шерсть спутниковъ, вращающихся вокругъ своего индустріальнаго солнца,—какое величественное зрѣлище!"

Эти рѣчи сдѣлались лейтмотивомъ значительной части современной нѣмецкой соціалистической литературы. Тотъ же Лентшъ не жалѣетъ красокъ для изображенія того, какъ односторонне-индустріоцентрическое развитіе Англіи явилось для нея источникомъ роста богатства, культуры, прогресса, либерализма и сдѣлало ее для двухъ десятилѣтій (1850—1870) „образцовою страною". Но—прибавляетъ Лентшъ—„столь многопрославленная англійская свобода имѣла своимъ фундаментомъ порабощеніе міра. И все то, что у былыхъ поколѣній вызывало чувство изумленія и любви къ Англіи—ея богатство, свобода, величіе—оказалось лишь противоположнымъ полюсомъ ихъ собственной бѣдности, порабощенія и жалкаго существованія. Одно требовало другого, какъ условія своего существованія. Противорѣчія между бѣдностью и богатствомъ, которыя прежде существовали лишь между соціальными классами одной и той же страны, получили господство надъ отношеніями между цѣлыми странами". Англія въ извѣстномъ смыслѣ сдѣлалась „господствующимъ классомъ міра". „Не только англійская буржуазія, но и англійскій народъ извлекалъ свою долю выгоды изъ мірового господства—и даже самъ рабочій классъ!"—„На основѣ англійской индустріальной монополіи образовалась извѣстная солидарность между классомъ предпринимателей и трудъ-

лишало его, такимъ образомъ, важнѣйшихъ жизненныхъ соковъ. Такъ объяснилась великая загадка—почему рабочій классъ какъ разъ той самой страны, въ которой по теоріи были налицо самыя благопріятныя для соціализма условія, оказывался наиболѣе упорно-неподатливымъ соціализму. Устраненіе англійской индустріальной монополіи и англійскаго мірового господства все болѣе и болѣе явственно опредѣляется, какъ существенное предварительное условіе побѣдоноснаго шествія впередъ интернаціональнаго соціализма".

Выколотить англійскій капитализмъ изъ его монополистскихъ позицій—это значитъ выколотить англійскій пролетаріатъ изъ его оппортунистскихъ позицій. Вотъ до чего додумались идеологи современнаго германскаго соціалъ-патріотизма. Бѣда лишь въ томъ, что англійской индустріальной монополіи давнымъ давно и слѣда не осталось. Сѣвероамериканскій, германскій, да и французскій капиталъ взяли свою, и не малую, часть изъ всемірной добычи; за ними тѣснятся японскій, бельгійскій, австрійскій, итальянскій капиталы, не говоря уже о ростѣ мѣстной индустріи во всѣхъ не совсѣмъ дикихъ и первобытныхъ странахъ. Пресловутая „монополія"—„дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой". Англійская индустрія можетъ мечтать о положеніи „первой среди равныхъ", да и это мѣсто нынѣ оспаривается у нея достаточно серьезными соперниками. Не въ монополіи дѣло, а въ томъ, что „капиталистическая выучка" есть вообще палка о двухъ концахъ; и когда расцвѣтъ капиталистической индустріи достигаетъ своего апогея, то получаютъ максимальное развитіе не только „воспитательныя", но одновременно и *развращающія* ея вліянія.

На современномъ поведеніи „перваго пролетаріата въ мірѣ"—германскаго пролетаріата—мы видимъ, какой тонкой отравой вливается имперіалистическое вліяніе капитализма въ психологію рабочихъ, какъ цѣпко впиваются въ нее „нежалящія когти" этого вліянія, и какъ усложняются отъ этого задачи соціалистическаго воспитанія—и самовоспитанія—пролетаріата.

По „чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей ума не приложу". Прописывая англичанамъ пораженіе, какъ лучшее средство, которое должно помѣшать пролетаріату омѣщаниться, для себя идеологи германскаго пролетаріата ищутъ другихъ способовъ леченія, „Что англичанину здорово, то нѣмцу смерть". Предположимъ, что въ этой войнѣ

Германія побита: „кто сможетъ тогда противиться англійскому всемірному господству? Вернутся времена неимовѣрно высокихъ прибылей, а съ ними внутренній миръ; англійскіе организованные рабочіе снова превратятся въ примѣрныхъ пай-дѣточекъ Европы, ничего не забывшихъ и ничему не научившихся... Нынѣшнее ядро Интернаціонала, нѣмецкая соціалъ-демократія, увидитъ свои силы сломленными послѣ поражения и хозяйственнаго паралича страны: англійскій пролетаріатъ перебѣжитъ во вражескій лагерь; остальныя же страны до сихъ поръ такъ неразвиты, что соціализмъ тщетно будетъ поднимать кличъ: кто идетъ?—и долгія, долгія десятилѣтія онъ не услышитъ никакого отклика!“

Все это звучитъ и трогательно и даже quasi-научно. Но тѣмъ не менѣе, если обнажить всѣ эти разсужденія отъ внѣшнихъ прикрасъ, останется довольно ничтожное и вульгарное содержаніе приблизительно слѣдующаго характера. Англійскій капитализмъ и пролетаріатъ страдаютъ отъ чрезмѣрнаго полнокровія: имъ маленькое кровопусканіе только послужитъ къ пользѣ. Нѣмецкому же капитализму и пролетаріату кровопусканіе вредно, и лучше прибѣгнуть къ самоновѣйшему опыту переливанія крови въ ихъ жилы. Подбавить крови себѣ и пустить ее другому—это простая до циничности формула современной торговой конкуренціи. Она, конечно, не нова и неинтересна. Ново и интересно лишь то, что ее пытаются возвести въ руководящій принципъ соціалистической политики, да то, что при этомъ кощунственно злоупотребляютъ именемъ Интернаціонала. И не надо забывать, что здѣсь „плохой примѣръ заразителенъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ даже Германія можетъ „для блага Интернаціонала“ требовать своего возвышенія военными побѣдами, то менѣе развитымъ въ индустріальномъ отношеніи странамъ и Самъ Богъ велѣлъ. Онѣ, по крайней мѣрѣ, имѣютъ фактическое право выдавать себя за „худосочныхъ“ и завидовать чужому „полнокровію“...

„Благодаря непрерывной борьбѣ и непрерывнымъ жертвамъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, нѣмецкая соціальдемократическая партія завоевала себѣ такое положеніе, котораго не имѣетъ ни одна другая соціалистическая партія міра; положеніе, которое обезпечиваетъ ей черезъ короткій промежутокъ времени овладѣніе политической властью. Соціалистическая Германія занимаетъ въ международномъ рабочемъ движеніи самый передовой, самый почетный и самый отвѣтственный постъ. И на ней лежитъ обязанность защи-

щать до конца, до послѣдняго человѣка этотъ постъ противъ всякаго нападенія.

„А такъ какъ побѣда русскихъ надъ Германіей означаетъ подавленіе нѣмецкаго соціализма, то какова будетъ, лицемъ къ лицу съ такой перспективой, обязанность нѣмецкихъ соціалистовъ? Должны ли они пассивно предоставить теченію событій, угрожающему ихъ существованію, перекатиться черезъ нихъ, должны ли они безъ сопротивленія очистить постъ, отвѣтственность за который они приняли предъ лицемъ пролетаріата всего міра?

„Ни въ какомъ случаѣ! Въ интересѣ европейской революціи они обязаны отстаивать свои завоеванныя позиціи и такъ же мало капитулировали они передъ внѣшнимъ врагомъ, какъ мало капитулировать передъ внутреннимъ. А это они сдѣлаютъ лишь въ томъ случаѣ, если до послѣдней крайности будутъ биться противъ Россіи и противъ всѣхъ ея союзниковъ, каковы бы они ни были“.

Эти слова, принадлежащія никому иному, какъ Фридриху Энгельсу, и написанныя имъ въ самые послѣдніе годы его жизни, сдѣлались теперь символомъ вѣры всѣхъ „соціалистическихъ имперіалистовъ“ Германіи. Они не безъ основанія могутъ напомнить, что эти же взгляды Энгельсъ выражалъ и много раньше, во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Въ письмахъ къ Марксу Фердинанда Лассаля цитируется, напр., мѣсто изъ письма Фр. Энгельса, въ которомъ послѣдній утверждаетъ, что борьба на два фронта, противъ Франціи и противъ Россіи, могла бы вестись Германіей лишь съ помощью такихъ героическихъ, революціонныхъ средствъ, которыя естественно выдвинули бы на первое мѣсто крайнюю революціонную партію; и что поэтому лозунгъ этой партіи при такихъ обстоятельствахъ будетъ гласить—„vive la guerre“.

Какъ видите, Фр. Энгельсъ мечталъ о чемъ-то, вродѣ диктатуры новыхъ героическихъ соціальдемократическихъ санкюлотовъ, выдвинутой логикой войны; диктатуры, которая посредствомъ levée en masse съ одной стороны, регулированнаго соціальнаго использованія всѣхъ матеріальныхъ рессурсовъ націи—съ другой, организуетъ борьбу съ внѣшнимъ врагомъ на манеръ войнъ великой революціи. „Война, въ которой русскіе и французы вторгнутся въ Германію, будетъ для нея войной на жизнь и смерть, въ которой она сможетъ спасти свое національное существованіе только примѣненіемъ революціонныхъ мѣропріятій“. Жизнь повернулась

немножко иначе. Для levée en masse не требовалось соціальдемократической диктатуры: принципъ „вооруженной націи“ провело само правительство Гогенцоллерновъ. Оно же не остановилось и передъ самыми энергическими мѣрами „военнаго соціализма“. Соціальдемократической литературѣ оставалось лишь зарегистрировать ихъ, какъ die sozialistischen Errungenschaften der Kriegeszeit (заглавіе извѣстной брошюры Гюго Гейнемана).

А лозунгъ „vive la guerre!“ отъ этого раздался ничуть не менѣе громко и ничуть не менѣе воодушевленно.

Впрочемъ, только ли у нѣмцевъ такъ обернулось дѣло? Густавъ Эрвэ на Штутгартскомъ Международномъ Конгрессѣ выливалъ на нихъ цѣлые потоки убійственной ироніи за то, что они не желаютъ ничѣмъ, кромѣ фразъ и резолюцій, бороться противъ опасности войны; онъ предрекалъ имъ, что они въ концѣ-концовъ вторгнутся во Францію подъ знаменами кайзера, но встрѣтятся съ революціонными коммунами, которыя поднимутъ всю націю на борьбу à outrance, непримиримо-революціонными средствами, противъ внѣшняго насильника.

„Революціонныя коммуны“ Густава Эрве улетучились такъ же безслѣдно, какъ и соціальдемократическіе санкюлоты Фридриха Энгельса. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни“ всѣхъ этихъ благочестивыхъ революціонныхъ иллюзій, и остался во всей своей брутальной обнаженности простой и краткій лозунгъ „vive la guerre!“

III.—Логика самовлюбленнаго оптимизма.

Германія—центръ и вмѣстѣ родина научнаго соціализма. Здѣсь его наиболѣе распространенная пресса, здѣсь сильнѣйшія его организаціи. Здѣсь въ его распоряженіи пролетаріатъ, не превзойденный доселѣ ни однимъ рабочимъ классомъ міра, ни въ теоретической подготовленности, ни въ практической выучкѣ, ни въ образованіи, ни въ интеллигентности. Нигдѣ не сказалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ здѣсь, чутье интернаціональной солидарности, нигдѣ не проявило оно себя въ болѣе жизненныхъ и практическихъ формахъ. Соціалистическая литература всѣхъ странъ носитъ на себѣ неизгладимый нѣмецкій штемпель марксистской теоріи. Пораженіе такой страны и неизбѣжно вытекающее отсюда ея расчлененіе и экономическое истощеніе было бы самой

ужасной катастрофой, какая только можетъ постигнуть весь интернаціональный соціализмъ. Оно разбило бы основное ядро арміи великаго освободительнаго движенія пролетаріата и нанесло бы парализирующій ударъ борьбѣ за эмансипацію рабочихъ всѣхъ странъ. Въ этой всемірной войнѣ, паролемъ которой является побѣда или нѣмецкаго, или англійскаго капитализма, интересы интернаціональнаго пролетаріата лежатъ на сторонѣ нѣмцевъ".

Это разсужденіе Лентша—классическое для нѣмецкихъ марксистовъ—вводитъ насъ въ совершенно особый духовный міръ, намъ чуждый и странный, но блещущій своеобразной логической послѣдовательностью и стройностью. И Лентшъ не одинъ, напротивъ—онъ крайне типиченъ. Вся нѣмецкая литература—и соціалъ-демократическая въ томъ числѣ—переполнена сейчасъ если не доказательствами, то увѣреніями, что гегемонія Великобританіи на моряхъ есть пережитокъ прошлаго, когда англійскій капитализмъ былъ всемогущимъ властелиномъ всемірнаго рынка, что дальнѣйшій естественный процессъ мірового капитализма долженъ привести къ уничтоженію монопольнаго положенія англійскаго капитала, къ болѣе равномѣрному распредѣленію власти надъ рынкомъ между всѣми индустріально-капиталистическими странами.

„Низверженіе англійскаго мірового господства лежитъ вполнѣ по линіи историческаго прогресса и хозяйственнаго развитія".

„Такимъ образомъ нѣмецкій капитализмъ, расшатывая міровое господство Англіи, совершаетъ—самъ о томъ не думая — исторически-прогрессивную работу первостепеннѣйшаго значенія".

Что и требовалось доказать...

Съ этой точки зрѣнія величайшей удачей для человѣчества является то, что именно Германіи выпадаетъ на долю эта „исторически-прогрессивная работа". Да, именно Германіи,—съ ея пролетаріатомъ, у котораго не закружится голова отъ выпадающей на долю его страны великой чести, великой исторической миссіи; съ ея пролетаріатомъ, болѣе всякаго другого обладающимъ „чутьемъ интернаціональной солидарности" и умѣющимъ его проявлять „въ наиболѣе жизненныхъ и практическихъ формахъ". Все это можетъ показаться горькой ироніей,—но нѣтъ. Авторъ говоритъ все это съ обезоруживающей искренностью и серьезностью. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самымъ яркимъ образцомъ *самозлюб-*

ленности нѣмецкаго марксизма; самовлюбленности, которая, быть можетъ, есть частичное отраженіе всего того духа удовлетворенности и самодовольства, который сопровождаетъ могучій параллельный ростъ политической силы и экономической мощи Германіи со времени ея побѣдъ 1866 и 1870 годовъ. „Перенесеніе центра тяжести рабочаго движенія съ Франціи на Германію“ въ результатѣ чисто-военныхъ тріумфовъ, предсказанное еще Марксомъ, не прошло безслѣдно для психологіи многихъ и многихъ идеаловъ нѣмецкаго рабочаго движенія. Сознаніе своего значенія, своей численной силы, импозантности своихъ успѣховъ, наконецъ, своей идейной гегемоніи въ Интернаціоналѣ естественно завершилось созданіемъ той своеобразной «германоцентрической» концепціи международнаго соціалистическаго движенія, которая такъ поражаетъ насъ въ брошюрѣ Пауля Лентша.

Еще Н. К. Михайловскій съ необыкновенной прозорливостью замѣтилъ, какъ причудливо переплетается въ нѣмецкой марксистской концепціи элементъ *стихійнаго оптимизма* съ этимъ элементомъ самовлюбленности. Онъ прослѣживалъ его въ отдаленнѣйшихъ его проявленіяхъ. Его поражалъ „классическій объективизмъ“ Энгельса, издѣвавшагося надъ „моральнымъ негодованіемъ“ утопическихъ и „вульгарныхъ“ соціалистовъ противъ рабства и доказывавшаго, что „безъ античнаго рабства не было бы и современнаго соціализма“. Его поражали разсужденія Лассаля, объявившаго крестьянскія войны явленіемъ реакціоннымъ, ибо прогрессивно въ то время было нарожденіе мѣщанства и выработка изъ него буржуазіи. Его поражали гимны капитализму со стороны русскихъ марксистовъ (нынѣ *бывшихъ* марксистовъ) впадавшихъ въ „апологію власти денегъ, какъ признакъ времени“. Во всемъ *умонастроеніи* марксизма онъ видѣлъ одну необыкновенно характерную черту: стремленіе разсматривать всю исторію, *какъ свою собственную эмбріологію*, впадать по этому случаю въ именинное настроеніе и охотно не только „прощать“ исторіи ея кривые пути, но даже больше того,—по панглоссовски давать имъ великодушно свою высшую санкцію.

Подсознательно — тонко замѣтилъ Михайловскій — подъ всѣмъ этимъ кроется одно „великое подразумѣваемое“: мы такъ хороши, такъ хороши, что фактомъ нашего существованія уравновѣшены и освящены всѣ гадости и гнусности, черезъ которыя прошла породившая насъ исторія.

Однако, можно задаться коварнымъ вопросомъ: да полно, подлинно ли „мы“ такъ хороши? Быть можетъ, напротивъ,

„мы“ не весьма хороши уже однимъ тѣмъ, что до такой степени возводимъ себя въ „перлъ созданія“? И если „мы“ при подобной самооцѣнкѣ такъ легко мирились съ ужасами прошлаго, то не помиримся ли мы столь же изумительно просто и съ ужасами настоящаго,—напр., съ ужасами настоящей войны—если найдемъ, какъ нашелъ Лентшъ, такой оборотъ ея, при которомъ интересы „перла созданія“ (у него — нѣмецкой соціалъ-демократіи), несомнѣнно, выиграютъ?

Въ исторіи, конечно, „все связано со всѣмъ“. Настоящее есть дитя прошлаго. Но будетъ актомъ quasi-научнаго произвола выбирать въ настоящемъ любую свѣтлую точку (напр., современный соціализмъ) и связывать ее причинно, генетически съ любой темной точкой въ прошломъ (напр., рабствомъ). Въ сложномъ комплексѣ настоящаго есть но мало явленій, кромѣ соціализма, не мало силъ, противоборствующихъ ему и могущихъ съ большимъ, чѣмъ онъ, правомъ провести отъ себя непрерывную генеалогическую нить причинности вплоть до рабства. И въ прошломъ есть не мало явленій, кромѣ рабства — хотя бы возстанія рабовъ — которыя хотя и не увѣнчались успѣхомъ, однако оставили свой слѣдъ—ничто въ природѣ не пропадаетъ—и отъ которыхъ тоже можно вести до настоящаго причинно-генеалогическую нить. Но соціализмъ Германіи такъ много получилъ отъ счастливаго совпаденія чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ и такъ мало завоевалъ своими собственными революціонными возстаніями, что это наложило свою печать на его психологію. У нѣмецкаго соціализма—тысячу разъ былъ правъ въ этомъ отношеніи покойный Жоресъ—не было, къ сожалѣнію, своихъ революціонныхъ традицій. Всеобщее избирательное право онъ получилъ изъ рукъ Бисмарка, для котораго это было маневромъ—съ одной стороны, чтобы подорвать оппозицію буржуазнаго либерализма, съ другой — чтобы консолидировать положеніе Пруссіи въ германскомъ союзѣ и подорвать этимъ актомъ вліяніе ея конкурентки, болѣе реакціонной Австріи. Консолидацію силъ нѣмецкаго пролетаріата, когда-то разорванныхъ между мелкими государствами, онъ получилъ отъ объединенія Германіи политикою „крови и желѣза“. Какъ же было послѣ столь убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ не поддаться теоретическому соблазну оптимистическаго „пріятія“ въ прошломъ и рабства, и разгрома крестьянскихъ возстаній, и тріумфовъ „первоначальнаго накопленія“, если психологически въ основѣ всего этого лежитъ „пріятіе“ авангарднаго положенія нѣмецкаго соціализма.

послѣдовавшаго въ результатѣ стихійной игры темныхъ и своекорыстныхъ силъ политическаго и экономическаго хищничества? Вотъ откуда если не родилась, то черпала живучесть вся эта сверхчеловѣчески-объективная премудрость марксизма, которая съ ничѣмъ непоколебимой увѣренностью „учитывала въ свою пользу“ результаты любого оборота стихійнаго развитія и съ улыбкой глубокофилософскаго прозрѣнія въ сущность вещей готова была привѣтствовать чуть ли не всѣ успѣхи капитализма, имперіализма, маринизма etc., какъ проявленія „силы, которая хочетъ зла, но творитъ благо“.

Пріятіе и оправданіе современной всемірной войны со стороны многочисленныхъ представителей нынѣшняго нѣмецкаго марксизма запечатлѣны тою же самой чертой стихійнаго оптимизма, сопряженнаго съ самовлюбленностью. „Въ рамкахъ капиталистическаго общества — успокаивающе пишетъ Лентшъ—почти всякій шагъ по пути прогресса достигается нежелательнымъ для насъ способомъ“. Примѣръ—всѣ завоеванія капитализма, подготовляющія соціализмъ, и добытыя „на пути, ведущемъ по трупамъ“. „Капитализмъ, хочетъ онъ того или не хочетъ, въ послѣднемъ счетѣ вынужденъ работать для насъ, даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, вполнѣ и исключительно растаптываетъ интересы человѣчества—даже во всемірной войнѣ“!

Что и требовалось доказать. Послѣ этого остается лишь провозгласить громогласно лозунгъ: — „vive la guerre“! И Пауль Лентшъ кончаетъ такъ: „Эта война—употребляя выраженіе, когда-то употребленное Карломъ Марксомъ въ примѣненіи къ революціямъ—должна дѣйствовать, какъ *«локомотивъ исторіи»*, и принести болѣе быстрымъ темпомъ къ концу то, что начало медленно подготовляться мирной эволюціей“.

У нѣмцевъ это—разгромъ англійскаго „морского милитаризма“, маринизма. По другую сторону „линіи огня“ его охотно замѣнятъ разгромомъ прусскаго милитаризма, сухопутнаго. Но отъ этихъ качаній маятника между сушей и моремъ въ принципѣ ничто не мѣняется. И тамъ, и здѣсь — пріятіе войны, оправданіе войны, возведеніе ея въ рангъ „локомотива исторіи“ и ожиданіе отъ нея разрѣшенія задачъ, которыя раньше ставились лишь внутреннему освободительному движенію. И тамъ, и здѣсь—*милитаризація соціализма*... И тамъ, и здѣсь—нарожденіе какого-то самоновѣйшаго „штыкъ-соціализма“..

Сравните, напр., двухъ новѣйшихъ „теоретиковъ" этого блюдочнаго идеологическаго новообразованія: нѣмца Ленча и француза Шарля Альбера. Первый пишетъ:

„Подобно тому, какъ во время войны 1870 года между Бисмаркомъ и Наполеономъ Карлъ Марксъ писалъ Брауншвейгскому комитету нѣмецкой соц.-дем. партіи: „съ побѣдою нѣмцевъ центръ тяжести континентальнаго рабочаго движенія передвинется изъ Франціи въ Германію", и подобно тому, какъ тогда нѣмецкая побѣда на поляхъ битвъ означала побѣду нѣмецкой, т. е. марксистской теоріи на аренѣ теоретическихъ битвъ соціализма—такъ и въ современной всемірной войнѣ „побѣда Германіи означала бы побѣду марксизма въ нѣдрахъ всего Интернаціонала".

Теперь посмотрите, что пишетъ—какъ будто нарочно въ pendant къ этой чудовищной тирадѣ—по другую сторону линіи окоповъ и проволочныхъ загражденій—революціонный синдикалистъ Шарль Альберъ въ „La Bataille Syndicaliste":

„Если бы интриги Карла Маркса, которому его неоспоримая геніальность обезпечивала значительную вліятельность, не разрушили въ нѣдрахъ Интернаціонала престижъ французской идеологіи; и если бы бисмарковскія побѣды, подоспѣвшія къ тому же времени, не завершили бы собою этого разрушенія,—то нѣмецкій соціализмъ, конечно, не смогъ бы совершенно избѣжать вліянія этой идеологіи. И когда теперь побѣда союзниковъ снова придастъ этому вліянію всю его силу,—можно ли себѣ представить, чтобы оно не дало себя почувствовать и въ Германіи"? [1]).

Пауль Лентшъ и Шарль Альберъ... Не находите ли вы, что это—два брата - близнеца, воспитанные въ двухъ разныхъ странахъ, говорящіе на двухъ разныхъ языкахъ и тѣмъ не менѣе способные служить идейнымъ зеркаломъ другъ для друга? Не находите ли вы, что Шарль Альберъ есть тотъ же Пауль Лентшъ во французскомъ изданіи, или наоборотъ?. Какое поразительное сходство,—какая непримиримая враждебность, какъ неизбѣжный результатъ этого самаго сходства!

И что всего комичнѣе—и не просто комичнѣе, а трагикомичнѣе—такъ это то, что Шарль Альберъ серьезно воображаетъ, будто борется съ нѣмецкимъ вліяніемъ во французскомъ соціализмѣ,—тогда какъ на дѣлѣ онъ лишь безсознательно копируетъ худшую сторону нѣмецкой концепціи

---

[1]) „La Bataille Syndicaliste", 7 mars, 1915.

этого соціализма,—ту сторону, которая, взявъ свое начало изъ нѣсколькихъ faux pas Маркса и Энгельса, распустилась на нашихъ глазахъ въ пышный махровый цвѣтокъ „соціалистическаго имперіализма“ Пауля Лентша и Вольфганга Гейне!

Здѣсь мы касаемся, къ сожалѣнію, больного, очень больного мѣста современнаго соціализма. *Ущербленный* во многихъ разсужденіяхъ Маркса и Энгельса интернаціонализмъ [1]) становится еще болѣе ущербленнымъ въ головахъ цѣлаго ряда ихъ учениковъ. Пауль Лентшъ „видитъ“, какъ въ лицѣ Гинденбурга возстаетъ самъ Марксъ, чтобы въ лицѣ генерала Самсонова вторично разбить Бакунина; и прорывъ русскаго фронта благодаря тяжелой артиллеріи Круппа — для него уже есть вмѣстѣ съ тѣмъ прорывъ фронта теорій Михайловскаго и Лаврова дѣйствіемъ „чемодановъ“ доктрины Карла Каутскаго. Безсознательно копируя его, Шарль Альберъ въ лицѣ Жофра собирается праздновать реваншъ взятый Прудономъ у Маркса и Жоресомъ у Бебеля. Картина „интернаціонализма на ущербѣ“ превращается въ картину полнаго *затменія* интернаціонализма... Настолько полнаго, что забвенію предается даже такая элементарная истина что „идеи на штыки не улавливаются“...

Какъ видите, *фактическій* кризисъ Интернаціонала являются лишь внѣшней матеріальной оболочкой другого, не менѣе глубокаго и серьезнаго кризиса: кризиса идеологическаго.

Излишне спрашивать, какой изъ этихъ кризисовъ явился причиной, какой—послѣдствіемъ. Это—не два отдѣльныхъ, обособленныхъ другъ отъ друга факта, связанныхъ послѣдовательностью во времени. Это—лишь двѣ стороны одного и того же сложнаго и длительнаго процесса. И фактическій развалъ Интернаціонала на части, соотвѣтствующія военно-дипломатическимъ союзамъ современныхъ буржуазныхъ государствъ, есть лишь моментъ обостренія этого болѣзненнаго процесса. Болѣзнь, таившаяся внутри, вскрылась. Подготовлявшіе ее молекулярные процессы подъ вліяніемъ внѣшняго толчка выразились въ явныхъ, бьющихъ въ глаза симптоматическихъ явленіяхъ.

По мѣрѣ того, какъ разыгрываются внѣшнія событія на театрѣ войны, развертывается и внутренній, идеологическій кризисъ соціализма. Многіе дѣятели его въ первый моментъ

---

[1]) Ср. нашу брошюру „Марксизмъ и славянскій вопросъ

производили впечатлѣніе людей растерявшихся, дѣйствующихъ болѣе подъ вліяніемъ настроеній и аффектовъ, чѣмъ заранѣе обдуманныхъ политическихъ плановъ,—людей, поддавшихся массовой психической заразѣ, потерявшихъ идейную устойчивость подъ давленіемъ захватившей ихъ общественной паники.

Теперь они имѣли время собраться съ мыслями. Явилась потребность свести концы съ концами въ своихъ взглядахъ. Явились попытки „теоретическаго обоснованія" своего поведенія.

И вмѣсто людей, поскользнувшихся, сдѣлавшихся жертвой собственной слабости и огромной силы событій, людей, дѣлающихъ „съ помертвѣлой душой" чужое, по прихоти исторіи навязанное имъ дѣло—передъ нами предстали самоуверенные, развязные преисполненные горделиваго любованія собой болтуны, готовые въ любой моментъ доказать, какъ дважды два четыре, что, припрягаясь къ воинской колесницѣ своихъ имперіалистическихъ правительствъ и даже коронованныхъ владыкъ, они самымъ наилучшимъ способомъ служатъ именно пролетаріату, именно международному соціализму, именно всему человѣчеству... Кстати же современныя правительства для надобностей военнаго времени охотно пользуются всѣмъ тѣмъ, что въ примѣненіи къ культурно-соціальнымъ потребностямъ мирнаго времени является самымъ ненавистнымъ „жупеломъ" для буржуазіи. Они реквизируютъ, экспропріируютъ, вторгаются въ права частныхъ собственниковъ, „общественно организуютъ" цѣлые отрасли производства, замѣщаютъ свободную конкуренцію нормировкой. Это—соціализмъ, но „построенный въ три шеренги" и съ фельдфебелемъ, дарованнымъ въ Вольтеры. Уродливая каррикатура на соціализмъ, которая уже имѣетъ свое имя: Kriegssozialismus. Военный соціализмъ! Какое словосочетаніе, объединяющее въ одномъ понятіи два взаимно-противоположныя начала!

И вотъ, навстрѣчу уродливому „военному соціализму" правительствъ—изъ нѣдръ соціализма, гордившагося именами „научнаго", „пролетарскаго", „рабочаго", „народнаго"—идетъ цѣлое теченіе, которое въ области идейной дѣлаетъ съ соціализмомъ то же, что правительства дѣлаютъ съ нимъ въ области соціально-юридической. Они „обосновываютъ" сейчасъ своего рода теоретическій „Kriegssozialismus", идейную уродливую каррикатуру на боевой, революціонный соціализмъ. Они, кастрировавшіе соціализмъ, притуплявшіе его ре-

волюціонное жало внутри страны, гасившие его боевой энтузіазмъ въ войнахъ гражданскихъ — они теперь берутъ реваншъ за свою былую „умѣренность и аккуратность". Нѣтъ теперь людей, болѣе воинственныхъ, болѣе готовыхъ „идти до конца", требующихъ безжалостнаго ecrasement противника, болѣе презирающихъ всякаго, кто „слабодушно" отступаетъ передъ видомъ крови, передъ перспективой человѣческихъ гекатомбъ, кто „преждевременно" заговариваетъ о забвеніи и примиреніи, кто теперь же, черезъ разверстую войною пропасть, готовъ протянуть братскую руку соціалистамъ другого военнаго лагеря. Это — революціонеры на выворотъ. Ихъ милитаризація соціализма для внѣшнихъ отношеній не случайной связью соединена съ „разоруженіемъ" его въ отношеніяхъ внутреннихъ.

Kriegssozialismus — государственно-экономическій и приватно-идеологическій. Вотъ два достойныхъ другъ друга выкидыша нашего трагическаго времени. Дѣтища сумерокъ мысли и жизни, они выпорхнули изъ своихъ убѣжищъ, какъ летучія мыши послѣ кроваваго заката дневного свѣтила.

И каждый изъ нихъ можетъ про себя сказать словами своего прообраза „птице-мыши" у французскаго поэта:

Je suis l'oiseau—voyez mes ailes!
Je suis la souris—vivent les rats!

Новый Марксизмъ.

Передо мною лежитъ новая книга „Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Sozialdemokratie“ Германа Гортера. Широковѣщательная и агитаціонная по тону, она не лишена претензій на руководящее теоретическое и соціологическое значеніе. Не очень богатая содержаніемъ, она содержитъ въ себѣ, однако, не мало новаго. Это „новое“ заключается, прежде всего, въ разрывѣ со „старымъ“, традиціоннымъ марксизмомъ.

Когда-то „кризисъ марксизма“ провозглашался „ревизіонистами справа“. И тогда лѣвые марксисты, предъ Гортера и Паннекука въ Голландіи и сродныхъ имъ элементовъ въ другихъ странахъ давали имъ отпоръ и объявляли „кризисъ марксизма“ тенденціозной выдумкой отщепенцевъ соціализма и родственной имъ буржуазной прессы. Съ тѣхъ поръ „все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ“. Теперь „лѣвые ревизіонисты“ марксизма насмѣхаются надъ попытками центра или „болота“ представить дѣло такъ, что-де „все обстоитъ благополучно“...

Лѣвымъ марксистамъ пришлось совершить пересмотръ подъ новымъ угломъ зрѣнія всѣхъ прошлыхъ партійныхъ дискуссій, и многое для нихъ предстало въ новомъ свѣтѣ.

Оппортунистическій ревизіонизмъ Бернштейна и его единомышленниковъ казался имъ нѣкогда *персональнымъ* грѣхопаденіемъ кучки книжниковъ, утерявшихъ контактъ съ массою и осужденныхъ на безславный и жалкій конецъ въ положеніи отвергнутыхъ пролетаріатомъ отщепенцевъ. Теперь они поняли, во-первыхъ, что ревизіонизмъ былъ частичнымъ проявленіемъ глубокаго, органическаго болѣзненнаго процесса, захватившаго не только „верхи“, но и „низы“ направленія. Они поняли, во-вторыхъ, что ихъ признанные учителя, блестящіе защитники основъ марксизма отъ ревизіонистскихъ шатаній, оффиціальные побѣдители бернштейніанства, Каутскій и его товарищи, сами олицетворяли собой по-

ся не радикальное *выздоровленіе* марксизма отъ оппортунистскихъ болячекъ, а лишь превращеніе *острой* болѣзни въ *хроническую* и „загнанную внутрь". Оказалось, что защитой Каутскаго и его друзей марксизмъ отнюдь еще — не спасенъ, что его еще предстоитъ спасти, что онъ нуждается въ полномъ обновленіи, внѣ котораго ему грозитъ — вырожденіе.

Толчкомъ, раскрывшимъ глаза, для нихъ послужила нынѣшняя война. Если раньше у лѣвыхъ новаторовъ марксизма временами назрѣвала какая-то смутная оппозиція противъ отдѣльныхъ выступленій Каутскаго, если съ нимъ они время отъ времени неожиданно сталкивались въ отдѣльныхъ пунктахъ, то эти „досадныя частности" вдругъ сразу слились въ одну цѣльную картину. Каутскій и руководимая имъ радикальная ортодоксія оказались, особенно въ самомъ началѣ войны—лишь другимъ ликомъ реформизма; марксистскій радикализмъ и марксистскій ревизіонизмъ оказались одными братьями, сообща приведшими соціализмъ къ потешному его во время войны банкротству. Понадобился *новый марксизмъ*. Въ очистительномъ огнѣ жестокаго военнаго пожара, какъ фениксъ изъ пепла, долженъ возникнуть онъ изъ „груды тлѣющихъ костей" стараго марксизма. Лихорадочно работаютъ въ разныхъ странахъ мысль отдѣльныхъ дѣятелей и писателей, и вотъ, во второмъ году войны, мы имѣемъ передъ собою первую попытку связнаго изложенія основъ новаго марксизма, по всемъ его характерномъ отличіи какъ отъ оппортунистическаго реформизма, такъ и отъ радикально-марксистской ортодоксіи.

I. Національный капитализмъ и интернаціональный капиталъ.

Спокойное, уравновѣшенное сознаніе стараго марксизма, что „пролетаріатъ не имѣетъ отечества", избавляло его отъ многихъ тревогъ и сомнѣній. Этотъ „возвышающій обманъ" страхалъ всякую мысль о возможности чего нибудь подобнаго тому „всеобщему, прямому, явному и равному" патріотическому грѣхопаденію отдѣльныхъ національныхъ секцій Интернаціонала, свидѣтелями котораго мы стали во время той войны. Но оптическая иллюзія стараго марксизма, за интернаціональнымъ ликомъ пролетаріата проглядѣвшаго его національный ликъ, вовсе не была такъ произвольна; нѣтъ,

казалось, что подъ нею есть твердое матеріальное основаніе. Слова „пролетаріатъ не имѣетъ отечества“ немедленно вызывали въ сознаніи другую идею: „деньги не знаютъ отечества“, „капиталъ, по существу своему, есть интернаціональная сила“. Эволюція пролетаріата—производное эволюціи капитализма. Какъ пролетаріатъ можетъ не быть интернаціоналистомъ, если создавшая и воспроизводящая его сила капиталистическаго хозяйственнаго уклада по самой природѣ своей есть великая смѣсительная сила, расторгающая всѣ межи, переступающая черезъ всѣ границы, стремящаяся весь міръ объять въ сѣтяхъ одного мірового хозяйства? Такъ разсуждалъ ходячій марксизмъ, марксизмъ „улицы“.

Залегшая въ соціалистическое міросозерцаніе ошибка была, такимъ образомъ, глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Она состояла въ томъ, что его носители просмотрѣли или недооцѣнили значеніе *національнаго момента* въ самомъ *капитализмѣ*. Они правда, не разъ говорили о „національномъ капитализмѣ“, о соревнованіи и борьбѣ разныхъ „національныхъ капитализмовъ“. Къ этому вынуждали факты,—особенно съ тѣхъ поръ, какъ капитализмъ развилъ имперіалистическія тенденціи. Но слишкомъ соблазнительно было успокоивать себя мыслью, что имперіализмъ — это лишь ложная, неправильная, извращенная форма присущаго капиталу интернаціонализма, что это—печать, наложенная на капитализмъ ограниченностью старой національно-монархической государственности, и что, поэтому, можно дать имперіализму генеральное сраженіе гораздо раньше, чѣмъ можно будетъ затронуть хотя бы одну изъ основъ самого буржуазнаго хозяйственнаго строя, что можно отразить имперіализмъ даже въ союзѣ съ весьма вліятельными элементами этого строя. И „сепаратная война“ противъ имперіализма велась, какъ противъ какого-то злокачественнаго нароста на капитализмѣ, съ „негодными средствами“—недостаточно серьезно, не крайними хирургическими мѣрами, а ничтожными наружными притираніями.

„Новый марксизмъ“ понялъ систему имперіализма, какъ единственно возможную форму проявленія мірового размаха капитализма, приближающагося къ вершинамъ своего развитія, къ „увѣнчанію зданія“. Онъ понялъ, что и здѣсь у капитализма есть налицо означенное „внутреннее противорѣчіе“. Для работы *интернаціональной* по замыслу, по охвату, капитализмъ нуждается въ *національной* точкѣ опоры. Капитализмъ здѣсь, какъ и вездѣ, объединяетъ—раздѣляя, орга-

низуетъ—сталкивая лбами, созидаетъ—разрушая. Да, онъ переходитъ на извѣстной стадіи развитія въ силу интернаціональную—но не тихо, безболѣзненно, органически отрываясь отъ своей національной пуповины и становясь интернаціональной силой, а катастрофически, вызывая къ жизни цѣлый долгій процессъ борьбы отдѣльныхъ національныхъ капитализмовъ за гегемонію, за право диктовать міру свою волю, за право самовластно упорядочить его, все въ немъ пристроить на свое мѣсто, все подчинить своей формулѣ. Капитализмъ можетъ преслѣдовать интернаціональныя — по объему—цѣли, лишь разжигая, раздувая, гипертрофируя *національные* капитализмы. Капитализмъ не ослабляетъ національныхъ страстей, а даетъ имъ новую пищу. Онъ не замѣняетъ націонализмъ интернаціонализмомъ, — онъ лишь создаетъ новый націонализмъ, съ претензіями побольше, чѣмъ у прежняго...

„Новый марксизмъ", поэтому, прежде всего готовъ пойти навстрѣчу нашимъ стремленіямъ выявить всю существенность національнаго момента, какъ исходной точки капиталистическихъ задачъ міроваго масштаба.

„Процессъ интернаціональнаго сотрудничества капитала еще только начинается... Большая часть капитала, вложеннаго въ метрополіяхъ, въ колоніяхъ, въ „сферахъ вліянія" носитъ одинъ и тотъ же характеръ: это гомогенный, національно-работающій капиталъ.

„Да, въ молодыхъ аграрныхъ странахъ примѣняется много чужестраннаго капитала; но его, какъ въ Сѣверной Америкѣ, быстро перегоняетъ національный капиталъ.

„Да, національныя общества образовываютъ международные тресты; но и въ этихъ послѣднихъ національные капиталы противостоятъ другъ другу, какъ соперники и даже часто—враги, каждый домогаясь себѣ львиной доли, — какъ, напр., въ огромномъ мореходномъ трансатлантическомъ трестѣ.

„Да, гигантскіе тресты, организуемые національными капиталами, развиваются въ интернаціональное цѣлое; но, въ свою очередь, они ведутъ борьбу съ такими же гигантскими комбинаціями, получившими начало въ другихъ странахъ,— какъ, напр., англо-голландская комбинація со своей керосиновой монополіей, ведущая ожесточенную борьбу противъ американской Standard-Oil Company.

„И чѣмъ же приводится въ движеніе капиталъ во всѣхъ этихъ странахъ? Націей,—націей, которая населяетъ страну

или господствуетъ въ ней, — націей, какъ особымъ единствомъ, націей, какъ цѣлымъ, какъ особою силою" [1]).

Нація, слѣдовательно, не упраздняется капитализмомъ; послѣдній приспособляется къ ней, чтобы наполнить національныя тенденціи и задачи новымъ содержаніемъ. И „національный капитализмъ" не обозначаетъ собою простой ариѳметической суммы капиталовъ, которыми располагаетъ данная страна или населеніе данной національности. Нѣтъ, эта сумма капиталовъ объединяется въ одно цѣлое не однимъ только нашимъ счетчикомъ-разумомъ, на бумагѣ; въ нѣкоторое единство ее слагаетъ и вырабатываетъ сама жизнь, развивающіяся въ ней реальныя соотношенія и связи.

„Повсюду нація, повсюду національность, какъ движущая сила, и одновременно какъ основаніе, на которомъ и при помощи котораго можетъ развиваться капитализмъ. И повсюду интернаціонализмъ капитала оказывается все еще слишкомъ слабымъ.

„Именно капиталистически — сильныя страны — какъ Англія, Германія, Франція — меньше всего имѣютъ интернаціональнаго капитала, являются больше всего національно-капиталистическими или капиталистически - національными.

„И какъ разъ капиталистически-развивающіяся страны,— какъ Соединенные Штаты, Россія, Канада, Австралія, Южно-Американскія государства—пытаются преодолѣть интернаціональный капиталъ, превратиться въ національно-капиталистическія.

„Что же касается слабыхъ и бѣдныхъ капиталомъ странъ,—какъ Китай, Турція, Персія,—то примѣняемый въ нихъ интернаціональный капиталъ оказывается національнымъ въ томъ смыслѣ, что не перемѣшивается, не сливается, воедино, но находится въ состояніи взаимнаго соперничества и борьбы за преобладаніе — какъ въ Персіи англійскій и русскій капиталы, въ Китаѣ—капиталы всѣхъ великихъ державъ, и т. д.

„Итакъ, повсюду — стремленіе къ національному бытію капитала!" [2])

Какъ мы видимъ, „новый марксизмъ" не стремится во что бы то ни стало быть *вульгарнымъ* марксизмъ, игнорирующимъ всѣ факторы или, лучше сказать, всѣ моменты, всѣ стороны жизни, кромѣ экономической. И въ особенности

---

[1]) „Der Imperialismus etc.", s. 123—124.
[2]) l. c., 124—125.

онъ подчеркиваетъ — даже въ самой гущѣ экономическаго бытія, этой марксистской „субстанціи“ всего сущаго — формирующую роль *національнаго* момента.

Націи для него — не quantité négligeable, не „догорающая лучина“, на смѣну которой уже пришелъ созданный капитализмомъ электрическій свѣтъ международности. Нѣтъ, это для нихъ упорная, живучая сила настоящаго, закрывать на которую глаза — значитъ отрѣзывать себѣ путь къ пониманію дѣйствительности и подготовлять себѣ въ будущемъ самые ошеломительные сюрпризы. Націи — не *пережитокъ*, а *жизненный элементъ* современности. Это надо разъ навсегда понять и запомнить.

Капитализмъ интернаціоналенъ по своимъ замысламъ, по поставленнымъ имъ себѣ міровымъ задачамъ. Но еще Архимедъ сказалъ: я переверну весь міръ, если вы мнѣ только дадите для этого точку опоры. Капитализмъ, въ своемъ стремленіи „перевернуть міръ“, обрѣлъ искомую „точку опоры“ именно въ націи, — какъ, со своей стороны, и „національность нашего времени“ обрѣла въ капитализмѣ новую спаивающую, сплачивающую силу, удесятеряющую способность воспринявшей ее націи воздѣйствовать на окружающую міровую среду.

Съ этой точки зрѣнія Гортеръ отрицательно относится къ попыткѣ, сдѣланной въ нѣмецкой брошюрѣ нашего соотечественника Троцкаго „Der Krieg und die Internationale“ (Zürich, 1915) представить настоящую войну, какъ результатъ „возстанія производительныхъ силъ противъ національно-государственной формы ихъ использованія“. Попытка эта, полагаетъ онъ, лишь кажется марксистской, но не является ею на дѣлѣ; въ ней марксизмъ лишь чисто словесный.

„Имперіалистическая политика — по мнѣнію Троцкаго — свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что старое національное государство пережило себя и является теперь непереносимымъ препятствіемъ для развитія производительныхъ силъ. Война, разразившаяся въ 1914 г., означаетъ прежде всего разрушеніе національнаго государства, какъ самостоятельнаго хозяйственно-территоріальнаго цѣлаго“. „Война — провозвѣстникъ крушенія національнаго государства“.

Напротивъ — возражаетъ Гортеръ: вмѣсто того чтобы быть возстаніемъ производительныхъ силъ противъ современной національно-государственной формы ихъ эксплуатаціи,

война является средствомъ увеличить, укрѣпить и усилить отдѣльныя націи, превратить ихъ въ основу міроваго капитализма, борьбу же между этими національностями сдѣлать средствомъ новаго усиленія, расширенія и увеличенія капиталистической продукціи". Въ этой борьбѣ великихъ державъ могутъ пасть или быть поглощенными тѣ или другія мелкія государства; но сами эти великія державы останутся, и послѣ „войны военной" будутъ *продолжать „мирную войну"*. А это значитъ, что нынѣшнія великія національныя государства только подстегнуты данной войной къ тому, чтобы укрѣпляться именно въ качествѣ хозяйственныхъ областей, чтобы консолидировать свои національно-хозяйственныя силы. Гортеръ могъ бы въ особенности подчеркнуть современную „мобилизацію національной промышленности", какъ моментъ, усугубляющій способность современнаго національнаго капитализма къ организованно-самодовлѣющему бытію. И только такая консолидація хозяйственныхъ силъ въ національныхъ границахъ будетъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшей борьбы за имперіалистическое міровое господство.

Гортеръ подчеркиваетъ, что война подстроя изъ-за „чернаго передѣла міра", изъ-за увеличенія сферъ вліянія и колоній въ Азіи и Африкѣ. Но колоніи и сферы вліянія суть какъ бы служебныя „хозяйственныя пристройки" при современныхъ великихъ національно-промышленныхъ государствахъ, ихъ „придѣлы", ихъ „принадлежности". Метрополіи являются хозяйственными и политическими стержнями современныхъ великихъ міровыхъ хозяйственныхъ „имперій". И ни откуда не видно, чтобы національно-территоріальные предѣлы этихъ метрополій оказались узами развитія концентрируемыхъ именно въ метрополіи индустріальныхъ производительныхъ силъ. Конечно, въ результатѣ побѣдоносной войны границы нѣкоторыхъ государствъ и въ Европѣ могутъ передвинуться въ ущербъ побѣжденнымъ; но при этомъ руководящимъ моментомъ будутъ политическія и стратегическія соображенія, а не соображенія расширенія территоріальнаго базиса національной индустріи, которой стало будто бы „слишкомъ тѣсно". *Политика* диктуетъ Франціи требованіе Эльзаса-Лотарингіи. Политика, и притомъ націоналистическая (задача уничтоженія „Украинскаго Піемонта") диктовала царской Россіи притязанія на Галицію. Стратегія и политика диктовала ей требованіе проливовъ или устьевъ Вислы. Стратегія диктуетъ Германіи стремленіе обезпечить себѣ, въ будущей борьбѣ противъ Англіи, опорную точку въ Антвер-

понѣ. Стратегія диктуетъ Германіи и Австріи стремленіе вырвать изъ рукъ Россіи вдающійся въ ихъ территоріи польскій выступъ, столь-удобный для всякихъ наступательныхъ операцій. Политическая стратегія диктуетъ Австріи умаленіе Сербіи:—раздавить послѣднюю для нея означается предотвратить заложенную подъ фундаментъ своей государственности мину великосербской идеи. Даже тамъ, гдѣ — какъ въ Сѣв. Франціи или Польшѣ — Германію привлекаетъ богатство этихъ территорій каменнымъ углемъ и желѣзомъ, — даже тамъ опредѣляющимъ моментомъ является не столько потребность германской промышленности въ этихъ матеріалахъ для мирнаго времени, сколько разсчетъ лишить враждебную коалицію возможности черпать изъ этихъ территорій въ военное время рессуры для военной промышленности. *Промышленнымъ* надобностямъ великихъ національно-капиталистическихъ державъ соотвѣтствуютъ ихъ притязанія на различныя внѣевропейскія колоніи и сферы вліянія, *политическимъ* (націоналистическимъ) и *стратегическимъ* ихъ надобностямъ — территоріальныя притязанія въ предѣлахъ Европы.

Если бы капитализму стали тѣсны національно-государственныя рамки, если бы онъ пересталъ нуждаться въ великихъ національно-капиталистическихъ державахъ, какъ въ рычагѣ для своего дальнѣйшаго развитія и распространенія по лицу земного шара, то современный буржуазный пацифизмъ, съ его лозунгами разоруженія, замиренія буржуазной Европы, постепенной выработки сю международнаго права вплоть до мирнаго сліянія въ Соединенные Штаты Европы — былъ бы не маниловской мечтой, а реальностью. Пацифисткое проэкторство получило бы надежную точку опоры въ жизненнѣйшей потребности современной капиталистической индустріи снять „ревнивыя межи“ таможенныхъ границъ. На дѣлѣ послѣ этой войны даже хозяйственное сближеніе отдѣльныхъ крупныхъ державъ пробьется къ жизни лишь вопреки крупнѣйшимъ внутреннимъ трудностямъ, во имя борьбы противъ общаго хозяйственнаго врага. Таможенный союзъ центральной Европы, если бы онъ осуществился, былъ бы направленъ своимъ остріемъ противъ Англіи. Англо-Франко-Русское сближеніе — противъ Германіи. Современная имперіалистическая фаза капитализма несетъ не „крушеніе національнаго государства“ и не ослабленіе національной идеи, а, наоборотъ, идеологическую гипертрофію этой идеи въ планахъ міроваго господства.

Здѣсь Гортеру можотъ быть предъявлено одно возраженіе по существу. Однако—скажутъ иные—самый фактъ неизбѣжности для современнаго индустріальнаго капитализма строить планы и предъявлять притязанія мірового размаха не означаотъ ли, что въ границахъ національно-государственной метрополіи капиталу становится тѣсно?

Такъ поставленный вопросъ не допускаетъ иного отвѣта, кромѣ положительнаго. Но понятіе „тѣсно", здѣсь пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ то, о которомъ шла рѣчь раньше.

Поскольку современный капитализмъ по природѣ своей индустріоцентриченъ, поскольку его „метрополія"—не деревня, а городъ, не сельское хозяйство, а обрабатывающая промышленность—онъ, разумѣется, ведетъ въ передовыхъ, типически-капиталистическихъ странахъ къ гипертрофіи индустріи. Но страна, сокращающая свое сельское хозяйство, свою добычу сырья и предметовъ продовольствія, нуждается въ томъ, чтобы опезпечить себѣ снабженіе ими изъ странъ, поставленныхъ въ экономическую и политическую зависимость. Въ этомъ смыслѣ современный капитализмъ становится все болѣе и болѣе интернаціоналистиченъ—по замысламъ и притязаніямъ, не переставая становиться въ болѣе и болѣе націоналистическимъ—по точкѣ опоры. Далѣе, страна можетъ оказаться перенасыщенной капиталами, которые ищутъ сферы приложенія вовнѣ и стремятся перетекать для эксплуатаціи въ страны отсталыя. Для большаго удобства и для торжества надъ конкурентами — національными капиталами другихъ странъ - онъ хочетъ in partibus infidelium чувствовать надъ собою мощную покровительствующую руку государства, расширяющаго свою „сферу вліянія" на міровой аренѣ.

Но *такое* ощущеніе „тѣсноты" ведетъ не къ „краху" національнаго государства, а къ буржуазно-имперіалистическому *раздуванію* его всемірно-исторической миссіи. Изъ него можетъ получить начало періодъ всемірныхъ войнъ, но не реализація „Соединенныхъ Штатовъ Европы". Ота послѣдняя идея или сродныя ей могутъ возникнуть лишь *въ оппозиціи* къ потребностямъ капитализма въ его имперіалистической фазѣ. А потому такіе логунги могутъ быть лозунгами лишь *трудовой демократіи*, органически соединенными съ общими ея наступательными лозунгами, которые не могутъ щадить и основыхъ устоевъ буржуазнаго господства.

„Вы всѣ, возвѣщающіе миръ и разоруженіе—для доказательства осуществимости этого мира и разоруженія вы

должны доказать: либо—что интересы національные, интересы національныхъ капиталовъ идентичны: либо—что капиталъ въ большей части своей уже не національный, а интернаціональный капиталъ" [1]).

Такова позиція Гортера. Ясно, однако, что въ ней остается одна невыясненность. Пусть *въ настоящій моментъ* большая часть капитала національна, а не интернаціональна. Но можетъ быть, это—черта, свойственная лишь преходящему и краткому историческому періоду? *Статика* дѣйствительности въ данномъ случаѣ не такъ важна, какъ ея *динамика*. Вопросъ въ томъ, какой *процессъ* эволюціи выпадаетъ на долю капитала: *интернаціонализируется* онъ или нѣтъ? Если все таки *да*, то лозунги буржуазнаго пацифизма можно назвать лишь *опередившими свое время*, но вовсе не вредными и безпочвенными. Они предвосхищаютъ *будущее* буржуазнаго режима и тѣмъ самымъ толкаютъ впередъ сознаніе буржуазнаго общества, а чрезъ сознаніе—и бытіе его. Слѣдовательно, признавать буржуазный пацифизмъ сплошнымъ пуфомъ и либо обманомъ, либо попыткой одураченія народныхъ массъ можно въ одномъ случаѣ: признавая, что современная „національзація" капитала вовсе не ступень, предшествующая идущей ей на смѣну „интернаціонализаціи".

Эта логика внутренней связи, повидимому, ускользнула отъ Гортера. Онъ много и краснорѣчиво распространяется на ту тему; что „глупъ и безразсуденъ былъ бы пролетаріатъ, который бы оріентировалъ всю свою тактику на обманчивомъ снѣ о будущемъ мирѣ при капитализмѣ"; что „пацифизмъ есть попытка заманчивой картиной возможности капиталистическаго замиренія сдѣлать невозможнымъ замиреніе соціалистическое", что пацифизмъ „реакціоненъ, ибо онъ хочетъ уничтожить *борьбу*, которая доселѣ являлась единственнымъ рычагомъ развитія" и т. д., и т. д. Но въ вопросѣ объ интернаціонализаціи капитала онъ не идетъ дальше утвержденій, что *нынѣ* большая часть капитала національна, какъ въ странахъ, вывозящихъ капиталъ, такъ и въ странахъ, ввозящихъ его. Кромѣ того, рѣшаясь на сравненіе, „какъ соціальное законодательство является для буржуазіи средствомъ противъ національной классовой борьбы, такъ пацифизмъ является средствомъ противъ интернаціональной классовой борьбы,—онъ подрываетъ этимъ сравненіемъ силу собственныхъ же своихъ утвержденій. Пролетаріатъ не оста-

---

[1]) I. c., 129.

навливается на „соціальномъ законодательствѣ“, идетъ *дальше* его,—но самое соціальное законодательство онъ „пріемлетъ“ и *цѣнитъ*. Съ этой точки зрѣнія данная аналогія побуждала бы не къ отрицанію буржуазнаго пацифизма, а къ положительной его оцѣнкѣ, къ его „пріятію“, какъ переходной ступени къ миру соціалистическому.

Правда, Гортеръ дѣлаетъ одну существенную прибавку: „Какъ соціальное реформаторство и рабочелюбіе есть лишь оборотная сторона все болѣе сильной его эксплуатаціи, увеличенія напряженности труда и обостряющейся классовой борьбы, такъ движенія въ пользу мира и разоруженія есть лишь оборотная сторона имперіализма—*съ той разницей, что второе еще безплоднѣе перваго.*“ Разница, однако, и здѣсь формулируется лишь какъ *количественная*; безплодность и безсиліе здѣсь лишь относительныя. О да, сравнительно съ соціалистическимъ гармонизированіемъ всего человѣчества, конечно, все ничтожно и мелко; сравнительно съ идеаломъ тускла и жалка всякая грѣшная дѣйствительность. Но не это же хотѣлъ сказать Гортеръ. Онъ хотѣлъ сказать, что буржуазный пацифизмъ—иллюзія, что онъ *не лежитъ, какъ станція, на столбовой дорогѣ капиталистической эволюціи*, что это—лишь воздушный замокъ, которымъ обманываютъ себя наивные глупцы и обманываютъ другихъ—ловкіе политиканы. Но это *сказать* мало—надо еще это *доказать*. Доказательства Гортеръ не далъ, потому что не разобралъ по существу одного чрезвычайно важнаго вопроса: *имѣетъ ли капиталъ по природѣ своей естественную тенденцію къ а-политизму, а-государственности?* Многіе представители стараго марксизма (въ Россіи первый пошелъ по этому пути Н. Зиберъ) именно считали, что трестированіе капитала будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше игнорировать національно-государственныя границы и самое свое національное происхожденіе; что капиталы, соединяясь во имя общности своей *экономической* природы, будутъ все чаще и чаще создавать промышленныя, торговыя и финансовыя „надстройки“, гордо высящіяся *надъ* современными „державами“, все равно, малыми или великими; что по мѣрѣ развитія этого процесса они будутъ все больше и больше нуждаться въ *международномъ* правѣ, и все болѣе и болѣе враждебно сталкиваться съ застарѣлымъ и отжившимъ эгоизмомъ національно-государственнаго „кустарничества“. Капиталъ въ грядущемъ рисовался имъ великой революціонной силой и въ смыслѣ конечнаго преодолѣнія *націонализма*. И необходимо

рѣшить вопросъ, ошибались ли они по существу или нѣтъ, и въ перспективахъ развитія капитализма есть ли мѣсто буржуазному а-политизму, а-государственности, а-націонализму, какъ высшей фазѣ?

Гортеръ отступаетъ передъ прямой и рѣзкой постановкой этого вопроса; онъ идетъ обходными путями его замалчиванія, его игнорированія. Своимъ маленькимъ словечкомъ „пока" оставляетъ лазейку для признанія возможности этой перспективы; всѣми же своими разсужденіями онъ идетъ по дорогѣ другихъ перспективъ, какъ единственно-реальныхъ. Отдѣльный авторъ можетъ, разумѣется, удовлетвориться такимъ полурѣшеніемъ. Но цѣлое идейно-политическое теченіе—возникшій и развивающійся на нашихъ глазахъ *новый марксизмъ*—конечно, должно ребромъ ставить и категорически разрѣшать всѣ вопросы—а тѣмъ болѣе такой основной и фундаментальный, какъ тотъ, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь.

II. Имперіалистическая фаза капитализма.

„Въ настоящій моментъ капитализмъ развился и развивается, достигая высоты, надъ которой для него нѣтъ высшей.

„Выше треста, синдиката, монополіи, нѣтъ болѣе какой-то иной, еще высшей высоты.

„Это—въ хозяйственной области.

„По тѣмъ монополія и трестъ являются въ хозяйственной области, тѣмъ является имперіализмъ въ области политической.

„Имперіализмъ есть введеніе и распространеніе капитализма по всему лицу земному—и притомъ именно посредствомъ трестовъ, банковъ, синдикатовъ, финансовыхъ и индустріальныхъ монополій... Это—острія, пиль капиталистическаго развитія. Съ тѣхъ поръ, какъ пережила себя свободная конкуренція, съ появленія финансовыхъ, индустріальныхъ и транспортныхъ монополій и, наконецъ, съ зарожденія имперіализма, распространяющаго дѣйствіе этихъ силъ по всему лицу земли—съ этихъ поръ и благодаря всему этому капитализмъ поднялся на послѣднюю, высшую ступень своего развитія" [1]).

Гортеръ оговаривается, конечно, что эта послѣдняя фаза капиталистическаго развитія есть совершившійся фактъ не въ томъ смыслѣ, что она *уже закончена*, а лишь въ томъ

[1]) l. c., 92.

смыслѣ, что она *уже началась*. Мы лишь вступили въ стадію, „выше которой даже нельзя вообразить себѣ никакой иной стадіи капитализма",—но далеко еще не *прошли* ея.

Но, если это такъ, то нужно ясно и отчетливо выговорить: *имперіализмъ*, а не *интернаціонализмъ* капитала есть послѣднее слово его развитія.

„Распространеніе капитализма по всему лицу земного шара" и конечный пунктъ, апогей этого распространенія мыслимы двумя путями. Либо въ борьбѣ на гегемонію одинъ изъ національныхъ капитализмовъ одерживаетъ верхъ надъ всѣми другими, заставляетъ ихъ признать свою организаціонную супремантію и создаетъ единый національный центръ всемірной политической и промышленной гегемоніи, превратившись въ „центральное свѣтило" цѣлой сложной, планетной системы" зависящихъ отъ него „спутниковъ", иные изъ которыхъ могутъ имѣть, въ свою очередь, собственныхъ „спутниковъ". Непосредственно или косвенно, но желѣзная упорядочивающая рука даннаго національнаго капитализма дастъ себя чувствовать повсюду. Ею порабощенъ міръ, ею онъ управляется, организуется, эксплуатируется. Онъ вноситъ единство и планомѣрность въ міровое капиталистическое хозяйство, въ которомъ конкуренція, анархія производства и прочіе аттрибуты классическаго „атомизированнаго" капитализма давно сданы въ архивъ и уступили мѣсто новому, консолидированному, организованному капитализму -по рабу условій сбыта, спроса и предложенія, а имъ господину, диктующему цѣны и регулирующему производство и сбытъ. Это—первая возможность. Либо такимъ господиномъ міра становится не одинъ національный капиталъ-гегемонъ, а отрѣшившійся отъ національно-государственныхъ узъ, смѣшавшійся, слившійся, нивеллированый въ чисто хозяйственномъ единствѣ капиталъ, какъ таковой, капиталъ-космополитъ, разорвавшій пуповину, связывавшую его съ материнскимъ организмомъ—націей. Это—вторая возможность.

Путь имперіализма, міровой гегемоніи—или путь космополитизма и мирнаго сліянія? Теоретически „мыслимы" оба; это не значитъ, что оба они практически возможны. Повѣрно, стало быть, что выше имперіалистической стадіи „нельзя даже вообразить себѣ никакой иной капиталистической стадіи". Если подъ имперіалистической стадіей разумѣть эру борьбы національныхъ капитализмовъ за міровое владычество, то надъ этой стадіей лежитъ другая. Эта другая можетъ быть либо стадіей гиперъ-имперіалистической—при конечной по-

бѣдѣ какого нибудь *одного* національнаго капитализма надъ всѣми другими и капиталистической „организаціи человѣчества“ подъ его форулою; либо, наконецъ, стадіей буржуазно-космополитической, если предположить, что борьба національныхъ капитализмовъ за гегемонію есть лишь преходящій эпизодъ, и что горькій опытъ этой борьбы въ самомъ капитализмѣ, въ самой буржуазіи вызоветъ спасительную реакцію и дастъ капиталу новую оріентировку—въ сторону отрѣшенія отъ тѣсныхъ для его развитія національныхъ узъ, въ сторону а-политическихъ, а-государственныхъ и а-національныхъ соединеній, въ сторону капиталистическаго трестированія внѣ территоріальныхъ границъ и разницы происхожденія, въ сторону космополитическаго нивеллированія и роста сверхгосударственныхъ и сверхнаціональныхъ капиталистическихъ гигантскихъ организацій,—организацій, по мѣрѣ усиленія и развитія которыхъ будетъ укрѣпляться, развиваться и расти также *международное право*, пока оно не подчинитъ себѣ совершенно національно-государственнаго права.

Изъ этихъ двухъ капиталистическихъ утопій—космополитизма и гиперъ-имперіализма—какая является математическимъ „предѣломъ“ реальнаго экономическаго и соціальнаго движенія буржуазнаго [1]) общества?

Общій духъ разсужденій Гортора клонится въ сторону *гиперъ-имперіализма.*

„Многіе соціальдомократы, особенно въ Германіи, говорятъ о безумной скачкѣ вооруженій, о безуміи имперіализма.

„Но со стороны капиталистовъ это скорѣе все, что угодно, только не безуміе... О безуміи здѣсь можетъ говорить только тѣ, у кого недостаетъ другихъ аргументовъ. Ибо для страны-метрополіи проистекаютъ совершенно неисчислимыя выгоды изъ подчиненныхъ колоніальныхъ областей. Если бы Германіи удалось обезпечить за собою, въ качествѣ эксплуатируемой области, часть Китая или Нидерландской Индіи, то изъ нихъ въ нѣмецкія бы руки ежегодно потекли бы милліоны, и даже милліарды,—какъ нынѣ текутъ милліоны и милліарды въ англійскія руки изъ англійскихъ колоній. Нѣмецкая торговля, крупнопромышленная и финансовая олигархія, господствующая надъ страною, заставляла бы весь народъ платить необходимые для того расходы по военному, морскому и т. п. вѣдомствамъ, а милліонные доходы оставляла бы въ своихъ рукахъ. Они со своей точки зрѣнія поступаютъ

---

[1]) l. c. 7-8.

вполнѣ разумно, когда толкаютъ націю къ вооруженіямъ и вовлекаютъ Германію въ войну за колоніальныя владѣнія и за имперіалистическое расширеніе границъ. Столь же разумно идетъ рука объ руку съ ними и среднее сословіе, ибо въ послѣднемъ счетѣ и онъ извлекаетъ отсюда прямыя выгоды, и онъ живетъ главнымъ образомъ за счетъ барышей крупнаго капитала. Нѣтъ, безуміе не на сторонѣ капиталистовъ, безуміе не на сторонѣ средняго сословія!"

Если все это такъ, то приходится сказать опредѣленно и категорически: „слѣдовательно, имперіализмъ—вовсе не побочное и не преходящее явленіе, вопреки всему тому, что думаютъ объ этомъ, съ одной стороны Каутскій и радикалы—такъ называемые марксисты,—а съ другой стороны, ревизіонисты Германіи и всякихъ иныхъ мѣстъ. Нѣтъ, это есть ось, вокругъ которой вращается соціальное развитіе, подъемъ и борьба рабочаго класса и самая революція... Это кардинальный пунктъ, отъ котораго зависитъ все развитіе рабочей борьбы". И потому „Куновъ, настаивая, въ противовѣсъ Каутскому, на исторической необходимости имперіализма и его борьбы, совершенно правъ" [1]).

Итакъ, капитализмъ отнюдь не имѣетъ тенденцію перескочить въ новую фазу безнаціональнаго, сверх-государственнаго, самодовлѣющаго космополитическаго бытія. Вотъ почему буржуазный пацифизмъ есть не болѣе, какъ пуфъ, вотъ почему въ условіяхъ современнаго строя и международное право есть красивая фраза, лишенная реальной силы и влачащая фиктивное бытіе, бытіе поистинѣ въ роли chiffon de papiers. Капитализмъ, восходя въ высшія фазы своего развитія, исторически призванъ не замирять, а обострять международные конфликты, онъ не обѣщаетъ эры умиротворенія, а грозитъ эрою всемірныхъ войнъ.

„Слѣдовательно, эта міровая война вытекаетъ изъ самаго существа капитализма. Такимъ образомъ, она есть историческая необходимость. Это—рокъ, какъ говорили бы раньше; это—Божье попущеніе, Божья воля, какъ стали говорить потомъ; это—необходимый моментъ развитія, это—фаза эволюціи, это—двигатель и дѣйствіе современнаго капитала, какъ думаемъ мы нынѣ. Капиталистическій классъ еще имѣетъ выполнить великую задачу: распространеніе власти капитала по всему лицу земли. Онъ еще долженъ привести въ движеніе ради этой цѣли огромную мощь".

---

[1]) l. c. 41, 84.

Вотъ къ чему приходитъ Горторъ. Съ этой точки зрѣнія онъ, однако, не можетъ не видѣть, что новая фаза капитализма должна существенно видоизмѣнить идеологію и психологію крупной буржуазіи. „Положеніе вещей со временъ Маркса существенно измѣнилось". Тогда буржуазія была либеральна и оппозиціонна, она бывала даже революціонна, если опасность „краснаго призрака" не нависала надъ нею чрезчуръ дамокловымъ мечомъ и не гнала на сдѣлки съ абсолютизмомъ и дворянствомъ. Она переживала „медовый мѣсяцъ" своего выступленія на историческую арену, она участвовала въ длительной полосѣ борьбы за національное освобожденіе и объединеніе, создавшее столько современныхъ крупныхъ государствъ. Она боролась съ автократіей. Не то теперь, въ имперіалистическую эпоху. „Имперіализмъ не ведетъ никакихъ войнъ ради основанія національныхъ государствъ. Онъ скорѣе склоненъ уничтожать ихъ. Еще меньше склоненъ онъ вести династическія войны. Скорѣе напротивъ, современные князья и короли суть рабы финансовой аристократіи. Но всего меньше борется имперіализмъ съ автократіей. Скорѣе имѣетъ мѣсто опасность укрѣпленія имъ абсолютизма".

Имперіалистическая фаза развитія знаменуетъ собою крутой поворотъ имперіалистической буржуазіи *вправо*.

И это *поправѣніе* относится одинаково, какъ въ политической, такъ и въ соціально-экономической области.

„Обнаружилось, что имперіализмъ со своими спутниками—трестами, синдикатами, могучими соединеніями предпринимателей—несетъ съ собою все большее усиленіе милитаризма, все большее налоговое бремя, все большее угнетеніе рабочаго класса, растущую дороговизну жизни, хозяйственное безсиліе рабочихъ, застой въ рабочемъ законодательствѣ и войну, съ угрозой еще большаго усиленія имперіализма въ грядущемъ..."

Это означаетъ—окончательное банкротство соціалистическаго реформизма.

Уже и раньше первоначальныя иллюзіи, съ какими выступалъ на арену реформизмъ, начинали разсѣиваться. Иронія исторіи: какъ разъ въ тотъ самый періодъ, когда соціализмъ практически повсюду обнаружилъ тенденцію вырождаться въ мелкій „реформизмъ", какъ разъ въ этой фазѣ, приблизительно совпадающей по времени съ ростомъ имперіализма было осуществлено—по крайней мѣрѣ въ сильнѣйшихъ имперіалистическихъ странахъ континента, т. е. въ Германіи,

Франціи, Голландіи и Бельгіи—меньше всего соціальныхъ реформъ. Въ то время, какъ въ революціонныя времена въ законодательствѣ были достигнуты значительныя улучшенія, тутъ они почти совершенно прекратились.

Данная война и несомое ею съ собою отягощеніе бюджетовъ крупнѣйшихъ странъ безпримѣрнымъ грузомъ задолженности—должны еще усугубить это положеніе.

„Именно имперіализмъ, надвигаясь, угрожалъ рабочимъ войною, смертью, гибелью и раздѣленіемъ, убійственный для нихъ, и какъ для личностей, и какъ для класса, безконечно, ихъ губя и ослабляя,—именно онъ, своимъ милитаризмомъ и своимъ предстоящимъ едва ли не безконечнымъ рядомъ войнъ долженъ былъ отнять у нихъ отнынѣ и на долгіе, долгіе годы какія бы то ни было реформы!"

Вотъ, стало быть, какого рода основное измѣненіе пережилъ капитализмъ, вступивъ въ новую фазу своего развитія. Въ *хозяйственномъ* отношеніи онъ не пересталъ быть факторомъ *революціоннымъ*, ибо дѣлаетъ огромные, мощные скачки для вовлеченія всей территоріи земного шара въ сферу дѣйствія нормъ и законовъ современнаго капитализма. Но въ области надстроекъ, въ области творчества государственныхъ формъ и соціальнаго законодательства онъ становится все болѣе и болѣе *реакціоннымъ* факторомъ.

Въ этомъ, повидимому, и усматриваетъ Г. Горторъ основаніе для измѣненія всей основной тактической линіи поведенія, усвоенной соціализмомъ по отношенію къ капитализму.

Въ прежней фазѣ развитія пролетеріату было не трудно условное и временное „пріятіе капитализма." Теперь пріятіе капитализма означаетъ также—пріятіе имперіализма и милитаризма, а также и *пріятіе войны*.

„Каутскій и радикальные марксисты были прекрасными руководителями и вождями, пока, въ общомъ, капиталистическія отношенія оставались такими, какими они были при жизни Маркса и Энгельса... Но борьба усложняется. Капиталъ принимаетъ такія формы, которыя Марксъ предвидѣлъ лишь отчасти, которыхъ онъ не наблюдалъ. На сцену являются трестъ, крупный банкъ становится руководителомъ всего мірового хозяйства, выступаетъ имперіализмъ. Избыточность и концентрированность капитала дѣйствуютъ въ томъ смыслѣ, что всѣ государства выступаютъ, въ одномъ одиномъ устремленіи, въ завоеваніи міра, одновременно противъ всего мірового пролетаріата. Имперіализмъ начинаетъ серію своихъ войнъ. Становится необходимымъ найти иной способъ дѣйствія,

чѣмъ исключительно-парламентскій методъ выступленій рабочихъ представителей или узкій профессіонализмъ извѣстныхъ круговъ пролетаріата съ ихъ вождями. И вотъ, когда на сцену должны выступить массы, міровыя силы пролетаріата, въ ихъ національномъ и въ ихъ интернаціональномъ объемѣ, такъ какъ онѣ однѣ могутъ побѣдить новую колоссальную мощь треста и мірового капитала,—и вотъ въ этотъ моментъ Каутскій и Бебель, Гэдъ и Гайнеманъ, а съ ними и многіе, многіе другіе, испуганно отпрянувъ, не знаютъ болѣе, что дѣлать. Лучше ужъ не дѣлать ничего, предоставивши экономическому развитію, эволюціи капитализма, ходу вещей, росту средствъ и орудій производства, расти и капитала свободную дорогу—идти, какъ имъ заблагоразсудится... И такъ какъ въ борьбѣ не противостоять значитъ идти вмѣстѣ, то лучше ужъ принять свою долю участія въ войнѣ и въ имперіализмѣ!"

Итакъ, Гортеръ устанавливаетъ *два* принципіально-отличныхъ періода: Первый, до-имперіалистическій періодъ, есть періодъ, такъ сказать, классическаго „анархическаго" капитализма. Ему можно было „давать дорогу, идти съ нимъ вмѣстѣ, ускоряя и подталкивая его развитія, не противустоя ему, но лишь смягчая его послѣдствія для физическаго и моральнаго здоровья пролетаріата. Второй, имперіалистическій періодъ, есть періодъ національно-организованнаго, деспотическаго, неуступчиваго и воинственнаго капитализма. Противъ него старая эволюціонистская тактика, практически сводившаяся къ реформизму, безсильна. Бьетъ часъ другой, принципіально-противоположной, революціонной тактики.

Мудрость перваго періода становится безуміемъ для второго. То, что было бы безуміемъ въ первомъ періодѣ, наоборотъ, становится раціональной нормой поведенія во второмъ. Что же касается до современнаго кризиса интернаціонала, то кризисъ этотъ объясняется тѣмъ, что методы организаціи и борьбы сошедшаго со сцены перваго періода по исторической инерціи, по идеологической традиціи, пережили его и въ качествѣ такихъ пережитковъ—„живыхъ труповъ" исторіи—загородили дорогу новымъ пріемамъ организаціи и борьбы.

Въ самомъ дѣлѣ, если оставаться при старыхъ критеріяхъ, то германскіе соціалъ-патріоты совершенно правы. Нельзя становиться поперекъ дороги имперіализму—надо посторониться передъ нимъ, чтобы опереться на тѣ завоеванія, какія онъ принесетъ съ собою. Методы дѣйствія имперіализма, муки его родовъ—міровыя войны—жестоки, но не менѣе

жестоки были муки родовъ и самого капитализма, не менѣе жестоки были его методы первоначальнаго накопленія. Однако, нельзя было—было утопичнымъ и неисторичнымъ—препятствовать первоначальному накопленію совершиться: можно было лишь смягчать его дѣйствія для сметаемыхъ съ лица земли производителей; да и то можно было дѣлать лишь осторожно, помогая имъ ни въ коемъ случаѣ не какъ производителямъ—что значило бы задерживать повороты колеса исторіи—а только какъ людямъ. Такъ и здѣсь. Война, какъ и имперіализмъ—локомотивъ исторіи. Спокойно дадимъ имъ свершать свое дѣло, думая лишь о смягченіи ихъ *послѣдствій*, борясь не съ ихъ пришествіемъ на землю, а только съ оставляемыми ими ранами и болями... Такова естественная логика стараго ходячаго марксизма.

Германія для Гортера есть истинный образецъ имперіалистической страны. „Въ организаціи индустріи, торговли, путей сообщенія, банковаго дѣла Германія превзошла Англію, и потому внутренне могучѣе ея. Наряду съ Соединенными Штатами Германія есть единственное вполнѣ современно-организованное государство. Ея абсолютизмъ, ея юнкерство, ея армія и бюрократія, въ союзѣ съ ея централизованнымъ банковымъ капиталомъ и концентраціей торговли, индустріи, транспорта—дѣлаютъ ее образцомъ имперіалистическаго государства, даже болѣе того—единственнымъ вполнѣ имперіалистическимъ государствомъ міра. Германія объединяетъ рессурсы и мощь буржуазіи съ рессурсами и съ мощью абсолютной монархіи. И благодаря всему этому ея силы, ея способность къ территоріальному расширенію больше, чѣмъ у Англіи, разсматриваемой отдѣльно отъ ея колоній".

Германія опоздала выступить на историческую арену, чтобы безпрепятственно проявить эту способность. Земной шаръ уже оказался весь подѣленнымъ. Протѣсниться можно было, лишь поработавъ хорошенько локтями, лишь растолкавши сосѣдей.

„И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая вопросъ съ хозяйственно-капиталистической точки зрѣнія, это—законное право нѣмецкаго капитализма. Въ капиталистическомъ мірѣ сильнѣйшему принадлежитъ право на лучшее. Смотря на дѣло исключительно съ точки зрѣнія чисто-капиталистическаго прогресса—т. е. не съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія развитія пролетаріата и его борьбы за силу и единеніе—*можно было бы желать побѣды нѣмецкому капитализму*".

Итакъ, вотъ въ какое болото легко скатиться, слѣдуя

этой логикѣ. Но вѣдь это логика не соціализма, это логика капиталистическаго прогресса! Конечно, такъ. Однако, для соціализма до-имперіалистическихъ временъ точка зрѣнія капиталистическаго прогресса—съ оговоркой насчетъ одновременной „охраны физическаго и моральнаго здоровья пролетаріата"—и была рѣшающей. И отголоски этой логики звучатъ не разъ у самого Гертера, когда напр., онъ говоритъ, едва удерживая вздохъ сожалѣнія:

„До какой степени несравненно больше могла бы извлечъ изъ этихъ (колоніальныхъ) областей Германія, при ея концентрированномъ банковомъ дѣлѣ, централизованной системой мореплаванія, торговли и промышленности, сравнительно съ Англіей, Голландіей, Франціей, Португаліей! *До какой степени быстрѣе шло бы впередъ капиталистическое развитіе міра!*"

Однако, Гертеръ преодолѣваетъ себя и, цѣною нѣкоторой непослѣдовательности, которая дѣлаетъ честь его сердцу, но не его уму, не спускается внизъ, въ болото пріятія войны подъ знакомъ „соціалистическаго германофильства". Не спускается, хотя и учитываетъ то обстоятельство, что въ Германіи „сильнѣйшая, наиболѣе имперіалистически-мыслящая буржуазія стоитъ лицомъ къ лицу съ наиболѣе соціалистичнымъ пролетаріатомъ". Мы уже видѣли, какъ избавляется онъ отъ необходимости „пріять" подобную германофильскую оріентацію. Она на его взглядъ, *была бы* неизбѣжнымъ выводомъ изъ *старыхъ* критеріевъ соціальдемократической политики, критеріевъ, законныхъ для до-имперіалистической эпохи. *Теперь*, отнынѣ, съ пришествіемъ имперіализма старые критеріи недѣйствительны.

Конечно, при этомъ встаетъ вопросъ: гдѣ же граница между „вчера" и „сегодня"? Съ какого момента тактическіе критеріи прошлаго потеряли значеніе и должны смѣниться новыми? Съ одной стороны, Гертеръ довольствуется сплошь и рядомъ простымъ утвержденіемъ, что *отнынѣ* („von heute an) должны вступить въ силу новые тактическіе принципы. Съ другой стороны, изъ его же словъ вытекаетъ, что эта „смѣна" запоздала, и что изъ-за такого запозданія и произошелъ современный кризисъ соціализма. Противорѣчіе остается непримиреннымъ и расплывается въ неопредѣленности.

Встаетъ и другой вопросъ. Понятно, что тактика соціализма должна мѣняться въ зависимости отъ обстоятельствъ. Но почему же должны мѣняться тактическіе принципы или

критеріи? Перемѣна тактики, чтобы не превращаться въ капризный „курсъ зигзаговъ“, и должна состоять въ примѣненіи однихъ и тѣхъ же тактическихъ *принциповъ* къ мѣняющимся политическимъ *условіямъ*. Если же тактическій принципъ въ примѣненіи къ какимъ бы то ни было условіямъ себя не оправдываетъ, то это значитъ, что онъ требуетъ пересмотра, что онъ невѣренъ, односторонъ, или неправильно выраженъ, что его методическое значеніе несовершенно.

Вспомнимъ знаменитыя слова Бебеля, что въ буржуазномъ обществѣ пріемлемость всякаго мѣропріятія опредѣляется двумя моментами—тѣмъ, что оно *не должно* возмущать естественнаго хода развитія капитализма и въ этихъ рамкахъ должно охранять физическое и моральное здоровье пролетаріата. Если этотъ двойной критерій недостаточный компасъ въ эпоху имперіализма, то вполнѣ ли достаточенъ онъ для предъидущей эпохи? Особенно, если принять во вниманіе, что наша эпоха не какимъ-то „прыжкомъ“ очутилась на исторической сценѣ и столкнула съ нея предъидущую, а, наоборотъ, развилась изъ нея лишь очень медленно и постепенно.

Совершенно ясно, что при такихъ условіяхъ будетъ слишкомъ искусственнымъ и произвольнымъ провести гдѣ-то пограничную черту, чтобы отдать все „по ту сторону“ въ монопольную собственность стараго марксизма, а все „по сю сторону“ захватить въ столь же монопольную собственность марксизма новаго. Совершенно ясно, что идея такого „полюбовнаго размежеванія“ продиктована не столько логическими, сколько психологическими потребностями. Новый марксизмъ былъ бы очень не прочь вступить во владѣніе имущественнымъ стараго, такъ сказать, по дарственной записи отъ его нынѣшняго держателя, безъ всякой юридической тяжбы съ нимъ, и потому готовъ безъ спора признать правильными всѣ его методы управленія имуществомъ въ прошломъ, лишь бы онъ не ставилъ никакихъ препятствій „вводу во владѣніе“ новаго собственника въ настоящемъ...

„Въ старомъ, предъидущемъ періодѣ, теоретикомъ котораго былъ Каутскій, все было очень ясно и просто... Въ то время хозяйственныя условія сами собою легко указывали рабочему его работу. Хозяйственныя условія принудительно двигали его; ему оставалось лишь предоставить своимъ ногамъ идти. Хозяйственныя условія сильнѣе человѣка. Для этого времени Каутскій былъ прекраснымъ теоретикомъ, и тогдашніе вожди пролетаріата—прекрасными вождями“.

Но вотъ приходитъ имперіалистическая фаза, и все мѣняется: „изъ стадіи пассивной борьбы пролетаріатъ долженъ подняться на высшую ступень борьбы активной". Вмѣсто терминовъ Гортера „пассивный" и „активный", мы предпочли бы термины: „тактика выжидательно-оборонительная" и „тактика наступательная". Пока мы, готовясь въ неопредѣленномъ будущемъ къ катастрофическому „прыжку изъ царства необходимости въ царство свободы", практически *даемъ дорогу* капитализма, воздерживаемся отъ перегораживанія ему его путей и довольствуемся тѣмъ, что оберегаемъ отъ его вредныхъ вліяній „физическое и моральное здоровье пролетаріата", какимъ словомъ можно характеризовать болѣе мѣтко эту тактику, какъ не словами „выжидательно-оборонительная"? И, наоборотъ, для тактики, которая сняла „табу" съ самыхъ основъ капитализма, которая готова пробивать бреши въ буржуазномъ правѣ, прорывать его „линія фронта" и врѣзаться въ него траншеями и редутами новаго, трудового права—какой эпитетъ будетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ „наступательная"? Противоположеніе активнаго и пассивнаго здѣсь слишкомъ сильно. И оборона, чтобы быть дѣйствительной, должна быть „активной". Пассивная оборона есть оборона, заранѣе обреченная на фіаско.

Съ наступленіемъ эры борьбы наступательной, или, по Гортеровской терминологіи, активной, оставшійся по инерціи на старыхъ позиціяхъ ортодоксальный марксистскій радикализмъ пришелъ въ противорѣчіе съ духомъ времени. „И вмѣстѣ съ этимъ Каутскій, въ своемъ новомъ видѣ, какъ теоретикъ такого радикализма, пересталъ быть истиннымъ теоретикомъ пролетарской практики, практической борьбы пролетаріата".

То же, буквально то же, произошло и съ „пріятіемъ войны".

„Было время—въ XIX вѣкѣ—когда рабочіе должны были вести войны вмѣстѣ съ буржуазіей. Національныя войны XIX вѣка, цѣлью которыхъ было основаніе или укрѣпленіе національныхъ государствъ—Бельгіи, Италіи, Германіи—были необходимы для капиталистическаго развитія, а вслѣдствіе этого и для пролетаріата. Ибо этотъ послѣдній могъ развить свою организацію и свою борьбу противъ національной буржуазіи, лишь на фундаментѣ такихъ національныхъ государствъ. Было естественно, что пролетаріатъ принималъ участіе въ такихъ войнахъ (solche Kriege mitachte)... Второй случай, когда война велась, какъ напр., Наполеономъ III,

изъ династическихъ методовъ: противъ такого династическаго военнаго предпріятія пролетаріату также приходилось сражаться съ оружіемъ въ рукахъ. И третій случай—когда войною нужно было подорвать какое нибудь реакціонное правительство, напр. русское. Таковы бывали важнѣйшія причины, по которымъ пролетаріату приходилось пріять войну".

Съ приходомъ имперіализма и тутъ все измѣнилось.

„Изъ причинъ, которыя могли толкать пролетаріатъ къ войнѣ въ Марксовскія времена, не оставалось нынѣ ни одной... Положеніе дѣлъ съ временъ Маркса совершенно измѣнилось. Противъ имперіализма намъ нужна новая тактика. Нынѣ для развитія пролетаріата необходима не война за свою національную буржуазію, а борьба противъ интернаціональной буржуазіи".

Словомъ, и здѣсь тотъ же пріемъ: „Примиренчеству" съ войной уступается прошлое; но do ut des, уступка за уступку: отъ „примиренчества" взамѣнъ амнистіи за прошлое требуется актъ отреченія въ пользу „непримиримости" для настоящаго и будущаго.

Сомнительно, однако, чтобы „старое" такъ же охотно пошло на подобное размежеваніе, какъ охотно его предлагаетъ „новое". И лидеры „стараго", съ удовольствіемъ принявъ индульгенцію для всего своего прошедшаго, съ тѣмъ большей твердостью и увѣренностью продложатъ пролетаріату держаться испытанныхъ, оправдавшихъ себя въ исторіи тактическихъ принциповъ, вмѣсто того, чтобы идти на предлагаемый ему „скачокъ въ неизвѣстность". Что же касается до рубежа двухъ эпохъ, то намѣтить его по отношенію къ войнамъ будетъ еще труднѣе. Развѣ національный вопросъ весь цѣликомъ разрѣшенъ въ предѣлахъ нынѣшней Европы? Развѣ на нашихъ глазахъ не воскресаетъ Польское государство? Развѣ югославяне объединены? Развѣ Европою исчерпаны націи, а съ ними и вопросы объ ихъ самостоятельномъ, національномъ бытіи? Развѣ династическіе элементы не продолжаютъ давить на чашки вѣсовъ, взвѣшивающія жребіи войны и мира? Развѣ нѣтъ сейчасъ въ Европѣ такихъ особенно-реакціонныхъ странъ, чья мощь можетъ быть подорвана войною? А, съ другой стороны, развѣ въ войнахъ прошлыхъ вѣковъ уже не сказывались имперіалистическіе интересы? И если тогда не было современнаго имперіализма, какъ аттрибута *финансоваго* капитала дирижирующаго производства, то не было ли вполнѣ развитаго имперіализма

торговаго капитала, съ тѣми же планами овладѣнія міромъ и съ колоніальными войнами Англіи съ Испаніей, Англіи съ Голландіей, Англіи съ Франціей? Развѣ не тогда уже сложились самыя обширныя колоніальныя имперіи?

Очевидно, оправдать всецѣло для прошлаго „пріятіе войны“ пролетаріатомъ въ полномъ гармоніи и союзѣ съ монархіей и классовымъ государствомъ,—значитъ оставить лазейку для такого же „пріятія“ и въ настоящемъ И значитъ допустить въ принципѣ „Burgfrieden“, „union sacré“ и всѣ прочіе аттрибуты „національнаго единенія“ буржуазіи и даже монархіи съ пролетаріатомъ передъ лицомъ „внѣшняго врага“. А потомъ сколько угодно можно говорить, что „von heute ab“ ничего этого больше не нужно. Компромиссъ остается компромиссомъ со всѣми его опасностями. Ясно, что вопросъ объ историческомъ мирномъ размежеваніи со старымъ марксизмомъ новому марксизму еще придется пересмотрѣть и „передумать“.

III. Національное сознаніе пролетаріата и революція.

„Пролетаріатъ не имѣетъ отечества“ — писалъ когда-то Марксъ. Эта формула сохраняетъ для Гортера всю свою силу, какъ лозунгъ, какъ формула „практическаго разума“. Но, конечно, онъ далекъ отъ того, чтобы поддерживать ее, какъ формулу объективную, констатирующую дѣйствительное положеніе вещей. Для „теоретическаго разума“, смѣло глядящаго въ глаза суровой, неприкрашенной прозѣ жизни, ясно, что ко всѣмъ извѣстнымъ доселѣ видамъ націонализма приходится прибавить, особенно послѣ нагляднаго свидѣтельства этой войны, новый видъ *рабочаго* націонализма — „der Nationalismus des Arbeiters“.

Причины, источники этого „рабочаго націонализма“ разобрать не трудно.

Вся сила, вся глубина противорѣчія интересовъ капитала и труда давно анализированы. Но пропасть между ними не абсолютна. Экономически они тѣсно связаны. Прямая противоположность интересовъ у нихъ дополняется косвенною ихъ солидарностью. Гортеръ не можетъ этого не видѣть, не можетъ этого не признать:

„Рабочій все же въ подавляющемъ большинствѣ живетъ отъ національнаго капитала. Конечно, національный капиталъ — его врагъ, но врагъ, отъ котораго онъ кормится,

который ему „дастъ ѣсть“. Рабочій, поэтому, лишь пассивно-націоналистиченъ; однако, онъ все же націоналистиченъ, и пока онъ не сдѣлался соціалистомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, онъ по необходимости долженъ быть... націоналистичнымъ! Ибо нація, еще точнѣе — національный капиталъ, есть основа его существованія“.

„Націонализмъ рабочаго состоитъ изъ цѣлаго ряда по большей части мелочныхъ ощущеній и инстинктовъ, которые примыкаютъ къ инстинкту самоподдержанія и вокругъ него группируются. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ чувство самосохраненія, потребность поддерживать жизнь свою работой и заработной платой. На номъ покоясь и за него цѣпляясь, слѣдуютъ мелкія повседневныя переживанія, исходящія отъ родного очага, родительскаго дома, семейной кровли, традиціоннаго, привычнаго быта, товарищества, ближайшей среды, въ которой родился и выросъ, своего народа, своего класса въ составѣ этого народа, своей партіи — инстинктъ сохраненія всего этого, какъ совокупности вещей, непосредственно окружающихъ его „я“ и потому тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ инстинктомъ личнаго самосохраненія. Чувства эти, дремлющія въ закоулкахъ души въ обычное время, вдругъ пробуждаются, когда имъ начинаютъ грозить дѣйствительная или мнимая опасность, — и, благодаря этой связи съ чуствомъ самосохраненія, пробуждаются съ силой элементарной стихіи. Они вспыхиваютъ со всѣмъ жаромъ страсти, загораются ненавистью къ врагу, фанатической любовью къ собственной землѣ, ибо элементарный инстинктъ самоподдержанія сливаотся здѣсь съ тяготѣніемъ къ ближному, съ чувствомъ единства съ себѣ равными — съ земляками, съ собратьями по классу одной и той же націи“.

Наиболѣо опаснаго развитія тенденціи „рабочаго націонализма“ могутъ достигнуть, конечно, въ имперіалистической фазѣ капитализма.

„Колоніальная политика, а, стало быть, и имперіализмъ, можетъ приносить непосредственныя выгоды также и рабочему классу“, — вынужденъ признать Гортеръ. Наряду съ колоніями, изъ которыхъ сколько-нибудь замѣтныя выгоды извлекаютъ лишь немногіо торговцы, чиновники и офицера, есть колоніи, на которыхъ базируется подъемъ многообразныхъ отраслей народнаго хозяйства. Типичнымъ образцомъ такихъ колоній Гортеръ считаетъ Британскую и Нидорландскую Индію. „Когда мы говоримъ, что, напр., Голландія экспортируотъ въ Нидерландскую Индію капиталъ, то этимъ

уже сказано объ экспортѣ стальныхъ и чугунныхъ издѣлій, машинъ и инструментовъ, производимыхъ въ Голландіи. Голландская индустрія, голландскій капиталъ водворяются въ колоніяхъ и, при равенствѣ качества и цѣнъ товаровъ, всегда отдаютъ предпочтеніе метрополіи передъ другими странами; а отсюда вытекаетъ прямая выгода и для голландскаго рабочаго. Затѣмъ, производство для экспорта въ колоніи, въ „сферы вліянія" и въ отсталыя страны (какъ, напр., Китай) занимаетъ много рабочихъ рукъ: примѣромъ можетъ служить голландское текстильное производство... Затѣмъ, въ метрополіи не мало приходится предпринимать сооруженій для удобства транспортированія въ колоніи и въ „сферы вліянія": такъ, напр., въ области корабельнаго дѣла. И отсюда вытекаютъ новые заработки для рабочихъ. Ростъ каждой изъ такихъ отраслей промышленности, въ свою очередь, даетъ почувствовать свое отраженное вліяніе и въ другихъ сферахъ индустріи. Далѣе, торговля съ Нидерландской Остъ-Индіей и Вестъ-Индіей прямо вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ новыхъ индустрій. Рабочіе такъ же, какъ и верхи и низы средняго класса, имѣютъ свою долю отъ гигантскихъ барышей, текущихъ изъ Индіи въ метрополію. Изъ нихъ частью черпаютъ источники своего существованія цѣлые города и провинціи, отъ нихъ же живетъ часть рабочаго класса, какъ, напр., въ строительномъ дѣлѣ, въ производствахъ предметовъ роскоши. Далѣе слѣдуетъ домашняя прислуга, лакеи и пр. И всѣ эти виды рабочихъ уже въ Голландіи вмѣстѣ составляютъ достаточно большую цифру, въ Англіи же — очень большую. И поскольку рабочіе сосредоточиваютъ свои мысли на непосредственныхъ выгодахъ и потому въ выигрышахъ отечественной буржуазіи усматриваютъ свой собственный выигрышъ — они естественно считаютъ колоніальную политику для себя полезной; имперіализмъ же во много разъ увеличиваетъ ея прямыя и косвенныя выгоды".

Всѣ эти выгоды не только дороги для узко-эгоистическаго сознанія рабочаго, не только отвѣчаютъ тысячью голосовъ его „голосу желудка". Нѣтъ, онѣ не мало говорятъ и его ограниченно-идеалистическому, національно-пролетарскому сознанію. Всѣ эти выгоды — источники завоеваній рабочаго класса въ его борьбѣ съ буржуазіей. Всякая благопріятная хозяйственная ситуація бываетъ использована рабочимъ классомъ для укрѣпленія его классовыхъ позицій. Растутъ его организаціи, растетъ культурный уровень класса, растутъ всевозможныя рабочія учрежденія, фонды и кассы, коопера-

тивы и синдикаты, учрежденія профессіональнаго страхованія, кредита, самообразованія, растетъ рабочая пресса. Всѣ дальнѣйшіе горизонты пролетарской борьбы въ предѣлахъ данной страны рисуются въ зависимости отъ продолженія благопріятной хозяйственной коньюнктуры...

Въ каждой странѣ можно подмѣтить слой „рабочей аристократіи", настроенной, сравнительно съ остальной массой рабочихъ, болѣе умѣренно, болѣе консервативно, болѣе оппортунистически. Они пользуются болѣе привилегированнымъ экономическимъ положеніемъ и не такъ охотно идутъ на рискъ, какъ это дѣлаетъ рабочій плебсъ или охлосъ, которому нечего или почти нечего терять. Но для цѣлой страны, обезпечившей за собою широкую колоніальную базу расцвѣта промышленности, можетъ наступить такое же „привилегированное" состояніе, и вся совокупность рабочаго класса этой страны можетъ почувствовать себя въ положеніи какъ бы „рабочей аристократіи" по отношенію къ пролетаріату странъ-плебеекъ. У рабочаго класса такихъ экономически-привилегированныхъ странъ съ особенною легкостью можетъ развиться психологія своеобразнаго рабочаго консерватизма, сказывающагося въ стремленіи сохранить для себя какою бы то ни было цѣною свое благопріятное экономическое положеніе. Психологія и идеологія рабочихъ при этомъ, повидимому, остается насквозь пропитанной „пролетарскими" элементами. На первомъ планѣ ставится высокая оцѣнка своей передовой, можетъ быть, даже авангардной роли въ международномъ рабочемъ движеніи. Самое развитіе имперіализма, самая война въ интересахъ безпрепятственнаго экономическаго развитія страны пріемлются, какъ pis aller, какъ неизбѣжное зло, діалектически имѣющее перейти въ свою противоположность...

Иными словами, здѣсь мы сталкиваемся со своеобразною органическою слабостью современнаго пролетарскаго движенія, слабостью, которую нужно понять до конца, чтобы съ нею бороться и ее преодолѣть. „Здѣсь — говоритъ Гортеръ про эту слабость — заключается истинный корень *реформизма*... Здѣсь же и корень слабости Интернаціонала, равно какъ и солидарности съ буржуазіей во время этой войны".

Реформизмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ всю побѣду рабочаго класса слѣпить изъ „завоеваній" этого сорта: добытыхъ не путемъ *обузданія* аппетитовъ буржуазіи непримиримою борьбою рабочаго класса, а путемъ сдѣлки съ этими аппетитами, при помощи иной — „внѣшней", а не

„внутренней“ ихъ оріентаціи, иными словами — путемъ *дѣтежа*, путемъ получонія рабочимъ классомъ своей *доли* въ новомъ ростѣ доходовъ буржуазіи за счетъ колоній, и вообще странъ и земель, являющихся объектами чужого имперіализма. Конечно, и эта „доля“ получалась рабочимъ классомъ но безъ борьбы. Но такая борьба заранѣе входила въ опредѣленное узкое и безопасное русло, заранѣе бывала „локализирована“ и не исключала хотя бы *пассивнаго* соучастія рабочаго класса въ дѣлѣ расширенія арены дѣятельности и власти національнаго капитализма. Въ этой борьбѣ не было настоящей *агрессивности*, она не покушалась на „устои“ буржуазнаго строя, она лишь въ рамкахъ этихъ устоевъ расширяла, такъ сказать, политическій, соціальный и культурный комфортъ пролетаріата.

Реформизмъ пытался доказать, что такого рода оріентація пролетарской борьбы годится не только для какой-нибудь исключительной, временной или мѣстной исторической обстановки, но и для всего пути пролетаріата, вплоть до его полной побѣды. Ортодоксальный марксистскій радикализмъ школы Каутскаго ополчился за это на реформизмъ и одержалъ надъ нимъ полную словесную и литературную побѣду. Но побѣда эта такъ и осталась чисто теоретической, она произошла только на бумагѣ. Практически, въ жизни, радикалы „покуда-что“ не сходили съ рельсовъ той же самой „локализированной“ борьбы, которую „въ перлъ созданія“ возводили реформисты. И потому они развивали въ массахъ тѣ же навыки, тѣ же привычки, тѣ же настроенія. Болѣе того: они какъ бы разукрашивали мирно-логалистскую, постепенческую, парламентско-профессіоналистскую *прозу* рабочаго движенія какой-то *поэзіей*, устремленной къ неопредѣленному будущему. Радикалы были реформистами плюсъ революціонная фразеологія.

Особенность Гортера при объясненіи этого факта — давно уже бросавшагося въ глаза и отмѣченнаго многими — заключается вотъ въ чемъ: Съ точки зрѣнія Гортера реформистское грѣхопаденіе, откровенное или прикрытое революціонно настроенной партіей, совершенно неизбѣжно, пока пролетарская борьба борется въ *національномъ* масштабѣ, пока *интернаціонализмъ* рабочаго движенія является чѣмъ-то головнымъ, проявляющимся лишь въ декларацiяхъ и засѣданіяхъ конгрессовъ, пока этотъ интернаціонализмъ не спустился съ заоблачныхъ высотъ чистой принципіальности на грѣшную землю, пока онъ не пресуществился въ *практику*.

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же самый Марксъ, который провозгласилъ, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества, объявилъ, однако, что „хотя и не по содержанію, но по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть вначалѣ національная борьба". Это невинное словечко „вначалѣ", однако, благодаря дальнѣйшимъ комментаріямъ, получало распространительное значеніе: „пролетаріатъ каждой страны должонъ естественно прежде всего справиться со своей собственной буржуазіей". Тѣмъ самымъ явилась возможность толкованія, что борьба каждаго пролетаріата въ предѣлахъ своей націи есть замкнутый, самодовлѣющій циклъ. Интернаціональной должна быть не самая борьба, по масштабу ея организаціи: интернаціоналенъ долженъ быть лишь ея результатъ, да еще общая, принципіально-теоретическая ея идеологія.

Гортеръ убѣжденъ, что въ этомъ-то и заключается основная ошибка. Нѣтъ, побѣдоносная борьба пролетаріата не можетъ вестись иначе, какъ въ интернаціональныхъ размѣрахъ. Пролетаріатъ каждой отдѣльной страны долженъ не только идейно сознавать себя однимъ изъ отрядовъ международной арміи. Нѣтъ, онъ фактически долженъ себя вести, какъ такой отрядъ. А это значитъ, что его „движенія", его дѣйствія должны быть сообразованы съ общимъ планомъ, изъ него вытекать, быть частицей реальнаго совокупно-международнаго пролетарскаго дѣйствія. Пока этого нѣтъ, пока международные конгрессы говорятъ лишь о теоріяхъ и принципахъ, но не родятъ никакого непосредственнаго, единовременнаго международнаго дѣйствія — до тѣхъ поръ настоящаго соціализма не существуетъ. Дѣйствующіе абсолютно-самостоятельно, національные соціализмы вовсе не пресуществляются въ дѣйствія, между которыми „сама собой" воцарится какая-то „предустановленная гармонія". Напротивъ: соціализмъ экономически-привилегированныхъ странъ и соціализмъ странъ отсталыхъ неизбѣжно будутъ тянуть въ разныя стороны. Это уже не разъ сказывалось при обсужденіи на интернаціональныхъ конгрессахъ вопросовъ колоніальной политики. Наступленіе имперіалистической эры усилило эту дисгармонію и обострила ее до степени соціалистическаго кризиса и раскола въ Интернаціоналѣ. Съ этой поры „поведеніе и тенденціи, которыхъ придерживается извѣстная національная соціальдемократическая партія, перестали представлять *только теоретическій* интересъ для остальныхъ соціальдемократическихъ партій; отнынѣ это — ихъ жизненный интересъ, а потому и объектъ не только ея, но и ихъ кри-

тики и борьбы". Общѣе говоря, „слова Маркса въ коммунистическомъ манифестѣ, что рабочіе каждой страны сначала должны порознь покончить со своей собственной буржуазіей — эти слова пущены имперіализмомъ на смарку, превращены въ ложь" [1]).

Интернаціональная акція рабочаго класса не можетъ быть болѣе простою механическою суммою самодовлѣющихъ слагаемыхъ дѣйствій отдѣльныхъ національныхъ пролетарскихъ армій. Отнынѣ должно быть скорѣе наоборотъ: дѣйствія каждой изъ этихъ армій должны быть *производнымъ*, вытекающимъ изъ плана совокупной ихъ акціи.

„Въ практической политикѣ, въ соціальдемократической борьбѣ противъ буржуазныхъ правительствъ, пролетаріатъ каждой отдѣльной страны противостоялъ доселѣ лишь одной своей собственной буржуазіи. Совершенно такъ же точно и въ борьбѣ профессіональныхъ союзовъ мѣрились силами только національный капиталъ и національный трудъ. Интернаціональные конгрессы соціальдемократическихъ партій были совѣщаніями для выставленія общихъ принциповъ, а не собраніями для выработки общаго плана военныхъ дѣйствій. Такіе же конгрессы профессіональныхъ союзовъ постановляли оказывать другъ другу взаимную поддержку, изрѣдка — сообща дѣйствовать; но и въ лучшемъ случаѣ это все касалось лишь отдѣльныхъ исключительныхъ случаевъ и небольшихъ слоевъ рабочихъ въ ихъ отношеніяхъ къ небольшой части капиталистовъ. Бороться же интернаціонально почти или даже совсѣмъ не приходилось" [2]).

Таково прошлое. Въ порядкѣ дня настоящаго стоитъ das Internazionalisieren des Kampfes, интернаціонализація борьбы. „Національная эпоха, время, когда бытіе и дѣйствія пролетаріата были національными и только рѣчи — интернаціональными, эпоха интернаціональнаго слова и національнаго дѣла — осталась позади насъ". [3])

Борьба пролетаріата, ведомая въ національныхъ границахъ и оріентируемая въ предѣлахъ національнаго кругозора, неизбѣжно ведетъ въ странахъ-экономически-привилегированныхъ — къ сотрудничеству съ отечественнымъ имперіализмомъ, а въ странахъ-плебейкахъ — къ сотрудничеству съ проповѣдующимъ экономическое „оборончество" отече-

---

[1]) Ibid., s. 17.
[2]) Ibid., s. 16.
[3]) Ibid., s, 33

ственнымъ протекціонизмомъ. И тамъ, и здѣсь она сопровождается неизбѣжно измельчаніемъ борьбы пролетаріата и разрывомъ его международной солидарности. И тамъ, и здѣсь она выдыхается, теряетъ всякій революціонный идеализмъ, становится мелочно-дѣловитой, примиренческой, приспособляющейся къ легальности. Въ ней все меньше и меньше оказывается надобности въ грандіозныхъ и бурныхъ выступленіяхъ массъ; они все съ большимъ и большимъ успѣхомъ замѣняются посредничествомъ и переговорами „представителей".

Понятно отсюда, какая разница между тактикой прошлаго и тактикой будущаго.

„Отъ пассивной борьбы пролетаріатъ долженъ подняться до активной; отъ мелкой борьбы черезъ посредство представителей протетаріатъ долженъ сдѣлать — самъ, одинъ, безъ вождей или съ вождями на второмъ планѣ — гигантскій шагъ къ всеединому дѣйствію противъ сильнѣйшей капиталистической силы, когда-либо существовавшей—противъ имперіалистическаго мірового капитала.

„Изъ мелкой національной борьбы черезъ представительство — пролетаріатъ одинъ, опираясь лишь на самого себя, долженъ подняться до великой международной борьбы" [1]).

Отъ action indirecte nationale—къ action directe internationale, сказали бы французскіе лѣвые синдикалисты. Мы не станемъ здѣсь критиковать *аполитическаго* уклона этой формулы, обычнаго для синдикалистовъ. Уклонъ этотъ не новъ, не новы и тѣ критическія замѣчанія, которыя онъ естественно вызываетъ. Но кромѣ этого уклона, въ формулѣ Гортера есть и здоровое зерно: это — требованіе, чтобы международная организація рабочаго класса была организаціей *дѣйственной*. Интернаціоналъ долженъ быть не Интернаціоналомъ словъ, парадовъ и резолюцій: онъ будетъ Интернаціоналомъ дѣйствія, или его не будетъ вовсе — какъ заявилъ я на Циммервальдской конференціи, чьи резолюціи не дали мнѣ достаточнаго удовлетворенія...

Въ вопросахъ тактики Гортеръ не даетъ ничего, или почти ничего новаго. Здѣсь онъ идетъ рука объ руку съ извѣстнымъ Антономъ Паннекукомъ, чьи воззрѣнія во время войны претерпѣли также извѣстную эволюцію.

„Новый характеръ современнаго капитализма" — рѣшительно заявляетъ Паннекукъ — дѣлаетъ необходимымъ новый соціализмъ, новое рабочее движеніе съ новымъ характеромъ".

---

[1]) Ibid., s. 102.

Рѣшительность этаго вывода смягчается лишь тѣмъ, что отребность въ новомъ соціализмѣ признается недавней: она ричинно связывается съ наступленіомъ новой фазы капиталистическаго развитія. Такимъ образомъ, для всего прежде рожитого періода жизни и развитія соціальдемократіи и рабочаго движенія заднимъ числомъ получаетъ оправданіе режній типъ движенія, съ его прежнимъ темпомъ и прежней идеологіей. О, да, конечно, прошлая фаза движенія — ричинно обусловленная обстоятельствами мѣста и времени, аходилась съ ними въ извѣстномъ „соотвѣтствіи". Но развѣ сякое „соотвѣтствіе" равняется „оправданію? Нисколько. Іознаніе неизбѣжности совершившагося переходитъ въ его нологію лишь у „недостаточно подкованныхъ умственно" Іанглоссовъ, вѣчно скользящихъ по наклонной плоскости ровращенія исторической обусловленности, въ незаконный ›аталистическій оптимизмъ.

Не можетъ быть нормальнымъ состояніе партіи, которая о такой степени полно приспособляется къ временнымъ словіямъ нѣкотораго органическаго періода, что всякая ѣзкая и значительная перемѣна въ этихъ условіяхъ затаетъ ее врасплохъ, безсильной и растерянной. Какъ въ ірѣ біологическомъ, такъ и въ мірѣ политическомъ можно спомнить о разницѣ двухъ типовъ организмовъ. Одни— практическіе типы", какъ называлъ ихъ когда-то Агассицъ, сѣ пластическія силы организма направляютъ къ стойкой ристаллизаціи въ формы, наиболѣе соотвѣтствующія извѣстой конкретной комбинаціи жизненныхъ условій. Другіе— гассицъ называлъ ихъ „идеальными" или „универсальыми"—но отличаются такою полнотою статическаго приспообленія, но обладаютъ бо́льшимъ запасомъ динамической илы, потенціальной энергіи, которая даетъ больше тренія ъ средою, но и представляютъ гораздо больше возможности ктивнаго приспособленія самой среды къ организму, а поэму даетъ и больше данныхъ для перемѣны среды или для ротивоборствованія мѣняющимся условіямъ среды.

Большинство западно-европейскихъ соціалистическихъ артій, стоя подъ флагомъ марксистской соціальдемократіи, ринадлежали къ „коллективнымъ организмамъ" именно ого *практическаго* типа. Типичныхъ признаковъ этого ыло не мало, и самъ Паннекукъ не можетъ ихъ не замѣіть „въ самомъ существѣ большой, хорошо построенной артіи, образцомъ которой является нѣмецкая соціальдеморатія". „Она представляетъ крѣпко-сложенную гигантскую

организацію, которая является какъ бы государствомъ въ государствѣ, со своими собственными чиновниками, собственными финансами, собственной прессой, съ особымъ духовнымъ міромъ и особенной идеологіей (марксизмъ). Весь характеръ этой организаціи приспособленъ къ спокойной до-имперіалистической эпохи, носителемъ его являются чиновники, секретари, агитаторы, парламентаріи, теоретики, писатели, которые представляютъ касту, группу во много тысячъ человѣкъ, со своими особенными интересами и всецѣло господствуютъ въ организаціи духовно и матеріально. Не случайность, что всѣ они, съ Каутскимъ во главѣ, не хотятъ ничего слышать о настоящей острой борьбѣ съ имперіализмомъ. Всѣ ихъ жизненные интересы находятся въ противорѣчіи съ новой тактикой, которая подвергаетъ опасности ихъ существованіе, какъ чиновниковъ. Ихъ спокойной работѣ въ бюро и редакціяхъ, на конференціяхъ и засѣданіяхъ комиссій, ихъ писанію ученыхъ и неученыхъ статей противъ буржуазіи и противъ другъ друга—этой чисто-литературной мирной дѣятельности угрожаютъ бури имперіалистической эпохи... Поэтому инстинктъ самосохраненія и групповые интересы цеха должны были принудить ихъ къ тактикѣ отступленія и капитуляціи передъ имперіализмомъ".

Здѣсь прекрасно иллюстрированъ весь „статизмъ", весь цѣпкій консерватизмъ организаціи, видѣвшей свой идеалъ въ максимальной полнотѣ приспособленія къ хозяйственнымъ условіямъ своей эпохи. И не случайно Паннекукъ долженъ былъ упомянуть „особый духовный міръ и собственную идеологію" этой организаціи; не случайно такою „душою" организаціи даннаго типа былъ марксизмъ. Ибо своеобразный amor fati марксизма, его „категорическій императивъ"—не становиться поперекъ дороги естественнымъ тенденціямъ экономическаго развитія, но въ каждой новой его фазѣ искать точки опоры для своего существованія и дѣятельности; весь этотъ духъ „заранѣе обдуманнаго", принципіальнаго „пріятія" каждой послѣдовательной ступени внѣшне-данной „лѣстницы" развитія; вся эта боязнь какъ-нибудь „потревожить". естественный ходъ вещей; словомъ, весь этотъ обостренный трезвый практицизмъ—все это неотмѣнныя черты опредѣленнаго типа организмовъ—какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ. Да, дѣло именно въ типахъ эволюціоннаго приспособленія и органической жизнедѣятельности. Паннекукъ недостаточно разглядѣлъ и осозналъ это, ибо преждевременно сошелъ съ настоящаго логическаго пути по

боковой тропинкѣ нѣсколько вульгарной махаевщины, взваливши все—на партійную интеллигенцію, эту „особую касту“, съ „особенными интересами“, съ тенденціями къ „диктатурѣ надъ пролетаріатомъ“.

Опредѣляя „групповые интересы“ этого особаго „цеха“, какъ прежде всего стремленіе къ спокойствію кабинетнаго существованія и бюрократическому застою, оно явно говоритъ не о типическихъ чертахъ интеллигенціи вообще: мы знаемъ и прямо-противоположеный типъ романтически-рыцарской, безпокойной, полной исканій интеллигенціи, живщей только перипотіями революціонной борьбы и кромѣ такой борьбы не знающей никакой „профессіи“.

Дѣло, стало быть, не во внутренней природѣ интеллигенціи, какъ таковой, а лишь въ особой разновидности интеллигенціи, на которую предъявляла спросъ и которую вырабатывала организація и движеніе опредѣленнаго соціально-историческаго типа.

Паннекукъ правъ: „необходимъ новый соціализмъ, новое рабочее движеніе съ новымъ характеромъ“; но необходимы они вовсе не потому, или во всякомъ случаѣ прежде всего не потому, что наступила новая фаза капитализма, къ которой необходимо „приспособиться“ съ такой же мѣрой полноты, съ какой къ старой фазѣ былъ приспособленъ старый соціализмъ. А потому, что соціализмъ вообще долженъ гораздо болѣе, чѣмъ это имѣло мѣсто раньше, приспособлять, и гораздо менѣе—приспособляться; потому что въ погонѣ за „соотвѣтствіемъ фазамъ капиталистическаго развитія“ соціализмъ развиваетъ свои статическіе элементы въ ущербъ динамическимъ; потому, что этимъ онъ измѣняетъ всему своему назначенію, какъ носителя будущаго, какъ великаго бродильнаго начала исторіи...

И потому, начавши „за упокой“ интеллигенціи, онъ немедленно же вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, кончая „за здравіе“ ея. Послушайте, напримѣръ, это заключеніе:

„Элементы, желающіе вести рѣшительную борьбу противъ имперіализма, вначалѣ будутъ повсюду въ меньшинствѣ. Они будутъ закваской новаго будущаго, но они не создадутъ хорошо сложенныхъ гигантскихъ организацій. Они будутъ выступать, какъ небольшія группы революціонеровъ, которыя, прежде всего, будутъ учить и просвѣщать путемъ своей прессы и такимъ образомъ создавать кадры, которые выступятъ въ качествѣ руководителей во времена великаго

народнаго движенія. Ибо, если даже большія рабочія партіи и не захотятъ ничего знать о массовыхъ выступленіяхъ, какъ о системѣ и тактикѣ, эти выступленія все-таки наступятъ, прорываясь стихійно изъ нѣдръ самихъ массъ, если нужда и возмущеніе будутъ слишкомъ велики. Эти массовыя выступленія не будутъ тогда подготовляться и проводиться, какъ сознательный методъ борьбы большихъ организованныхъ партій, но, если время отъ времени волны этихъ выступленій будутъ вздыматься слишкомъ высоко, они окажутся въ состояніи увлечь за собою партіи и профессіональные союзы и принудятъ ихъ къ временнымъ союзнымъ дѣйствіямъ съ революціонными элементами.

„Задача революціонныхъ группъ будетъ тогда состоять въ поддержкѣ и руководствѣ этими выступленіями, теоретической защитѣ ихъ и постановкѣ ясныхъ цѣлей движенія".

Во всей этой концепціи содержится очень опасный организаціонный дуализмъ. Съ одной стороны—„большія рабочія партіи", обросшія множествомъ учрежденій, настоящія арміи, обремененныя тяжелымъ обозомъ и громоздкой организаціей. Съ другой—легкіе партизанскіе отряды сверхъ-революціонеровъ. Массовый пролетаріатъ въ обычное время повинуется руководству „большихъ партій" съ ихъ тактической инертностью, и „небольшія революціонныя группы" въ это время изолированы и посвящаютъ себя лишь платоническому „учительству", не претендуя на руководство. Но вотъ стихійный ходъ вещей, преодолѣвая организаціонную инерцію „большихъ партій", вызываетъ бурныя „волны" катастрофическихъ событій, и роли мѣняются: группы революціоннаго инициативнаго меньшинства изъ „народныхъ учителей" соціализма превращаются въ предводителей; и когда, подъ аккомпаниментъ стихійныхъ порывовъ соціальной непогоды, „божественный глаголъ до слуха чуткаго" наэлектризованныхъ массъ „коснется", когда въ отвѣтъ ему „душа" пролетаріата „встрепенется, какъ пробудившійся орелъ",—тогда группы „инициативнаго меньшинства" окажутся „въ состояніи увлечь за собой партіи и профессіональные союзы"...

Перспектива въ одно и то же время и оптимистическая, и пессимистическая. Она черезчуръ оптимистична—ибо гораздо вѣроятнѣе при такомъ организаціонномъ дуализмѣ перманентная борьба на жизнь и смерть между „большими рабочими партіями" и организаціями „инициативнаго меньшинства". Она черезчуръ пессимистична—ибо не надѣется перестроить въ ежедневной практикѣ массовыя организаціи

рабочаго класса „по образу и подобію“ новаго соціализма. Она какъ бы говоритъ о массахъ—„побралъ бы ихъ чортъ и статистика“, т. е. старый догматическій марксизмъ и старая тревожная соціальдемократія. Это—на время историческихъ будней, изъ которыхъ ихъ будетъ вырывать „наитіе революціоннаго вдохновленія“ въ „праздничные“ моменты крупныхъ историческихъ потрясеній.

Заранѣе можно сказать, что на практикѣ будетъ иное: инициативное меньшинство сверхъ-революціонеровъ, въ своемъ „блестящемъ“ и „гордомъ“ одиночествѣ, обособленіи отъ массовыхъ организацій, оторвется отъ массовой психологіи и въ эпохи кризиса будетъ лишь нетерпѣливо *срывать* подготовленныя массовыя движенія непродуманными бунтарскими вспышками, внося разстройство въ марширующія колонны рабочей арміи, выскакивая изъ рядовъ и порою своими выступленіями всаживая кинжалъ въ спину всему движенію...

Намъ скажутъ, быть можетъ, что мы черезчуръ „логически заостряемъ“ концепцію Паннекука. Возможно, что это и такъ, возможно, что отдѣльныя выраженія его, тяготѣющія въ эту сторону, заходятъ нѣсколько дальше его собственныхъ мыслей. Но логическое заостреніе этихъ уклоновъ мысли Паннекука является лучшимъ методомъ, чтобы, въ противовѣсъ этимъ уклонамъ, подчеркнуть то, что у него недостаточно осознано. А именно: старый соціализмъ нуждается не столько въ спорадическихъ вспрыскиваніяхъ революціонной броунскаровской жидкости, сколько въ органической переработкѣ всей своей идеологіи и всей повседневной тактики рабочаго движенія; въ переработкѣ, цѣль которой—огромный сдвигъ съ позицій чрезмѣрнаго приспособленчества къ „естественнымъ фазамъ стихійной хозяйственной эволюціи“ на позиціи перманентной борьбы противъ самыхъ устоевъ буржуазной эксплуатаціи и перманентнаго *творчества снизу* эмбріоновъ новаго трудового права и соціализированнаго труда. Въ области „идеологическихъ надстроекъ“ этому будетъ соотвѣтствовать эволюція отъ экономико-матеріалистическаго преклоненія передъ стихійной эволюціей въ сторону „активно-динамической“ соціологіи.

Теоретическій кризисъ.

I. На теоретическомъ перепутьи.

„Entweder Imperialismus—oder Socialismus!“ Или имперіализмъ, или соціализмъ! Такъ гласитъ новѣйшая „крылатая фраза“ Розы Люксембургъ, звучащая, какъ рѣзкій вызовъ, брошенный въ лицо тѣмъ, кого она называетъ „теоретиками болота“: признаннымъ идейнымъ лидерамъ нѣмецкаго соціалъ-демократическаго движенія, дающимъ „научное обоснованіе“ политикѣ большинства, политикѣ центральныхъ „партійныхъ инстанцій“. И глава этихъ теоретиковъ, Карлъ Каутскій, поднялъ брошенную ему перчатку.

Но теоретическая война, которую ему приходится вести, не простая война. Это—война „на два фронта“. Партійному „болоту“ угрожаютъ не только *справа*, но и *слѣва*.

„Любопытно, до какой степени въ этомъ вопросѣ „крайности сходятся!“—восклицаетъ Каутскій въ своей послѣдней книжкѣ [1]). „Крайнее правое, какъ и крайнее лѣвое, крыло нашей партіи заявляетъ, что для существующаго способа производства имперіализмъ есть необходимость. Отсюда, конечно, только первые заключаютъ, что мы должны оказывать имперіализму поддержку. Другіе же говорятъ, что въ предѣлахъ капиталистической системы имперіализмъ неизбѣженъ, неотвратимъ; но такъ какъ мы его не хотимъ, то мы должны противопоставить ему соціализмъ: т. е. не ту простую проповѣдь соціализма, которую мы втеченіе полувѣка противопоставляемъ всѣмъ формамъ капиталистическаго господства, но его непосредственное, немедленное осуществленіе“.

Итакъ, германская соціалъ-демократія на распутьи. Съ одной стороны, ей указываютъ дорогу, которая имѣетъ вы-

---

[1]) K. Kautsky. Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund. 1916.

разительное названіе — соціалистическій *имперіализмъ*. Съ другой стороны, дорогу, которая означаетъ—соціалистическій *максимализмъ*.

Точка зрѣнія первыхъ совершенно ясна. Въ своемъ законченномъ и послѣдовательномъ видѣ она гласитъ такъ. Наша тактика, тактика соціалъ-демократіи, построенная на критеріяхъ научнаго марксизма, никогда не становится поперекъ дороги естественнымъ тенденціямъ капиталистической эволюціи. Мы слѣдуемъ за различными фазами этой эволюціи, какъ тѣнь. Мы знаемъ, что подготовленіе капитализмомъ краеугольныхъ камней „государства будущаго" есть процессъ, глубоко прогрессивный. Вопреки самому себѣ, капитализмъ роетъ себѣ могилу и готовитъ новый строй—и готовитъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ безпрепятственнѣе, свободнѣе, быстрѣе идетъ его развитіе. Поэтому мы не можемъ и не должны вставлять ему палки въ колеса. Нѣтъ, мы должны давать дорогу его поступательному ходу, даже ускорять его: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе". Ускорить подъемъ капитализма по лѣстницѣ естественныхъ стадій его развитія—въ концѣ концовъ, есть единственный способъ уменьшить и ту сумму страданій и бѣдствій, которыя онъ несетъ съ собою массамъ. Мы, конечно, стремимся непосредственно защищать интересы трудящихся, оберегая физическое и моральное здоровье пролетаріата отъ ударовъ капитализма; но мы должны это дѣлать исключительно въ формахъ, не препятствующихъ капитализму достигать все высшихъ и высшихъ ступеней своей естественной эволюціи. Мы чужды мечтаній объ утопическомъ скачкѣ черезъ всѣ эти фазы прямо къ нашей цѣли. Намъ чуждо стремленіе какими бы то ни было декретами *отдѣлаться* отъ той или другой „непріятной" намъ фазы. Наша задача, напротивъ, приспособлять свою дѣятельность къ каждой новой его фазѣ и въ этой послѣдней находить каждый разъ новую опорную точку для новой, еще болѣе продуктивной, дѣятельности. Имперіализмъ—одна изъ такихъ фазъ, наивысшая, какая намъ только извѣстна,—быть можетъ, *послѣдняя*. Быть можетъ, это „увѣнчаніе зданія" капиталистической системы,—„увѣнчаніе", выше котораго ей прыгнуть будетъ некуда. Неужели же именно теперь, въ этотъ рѣшительный моментъ, теоретическое мужество насъ покинетъ, и мы измѣнимъ своему постоянному, испытанному руководящему принципу? Неужели мы не рѣшимся пойти на встрѣчу жизни, не будемъ *ускорять* движеніе капиталистическихъ странъ къ вершинамъ

имперіалистской системы, чтобы въ свойственныхъ ей новыхъ пріобрѣтеніяхъ, въ смыслѣ матеріальной культуры, обрѣсти новыя рычаги для революціонизированія жизни, для толчковъ въ сторону соціализма? Неужели вмѣсто этого мы станемъ пугливо и безсильно упираться передъ неотвратимыми тенденціями эволюціи, будемъ цѣпляться за колеса исторіи и лишь замедлять ихъ—все же въ концѣ концовъ побѣдоносное—вращеніе? Неужели на этотъ разъ мы примемъ тактику, которая будетъ революціонной лишь въ собственномъ воображеніи, на дѣлѣ же, по послѣдствіямъ своимъ, окажется лишь реакціонными потугами помѣшать капитализму исполнить до конца свою историческую миссію? И помѣшать, быть можетъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда эта миссія наканунѣ своего завершенія, когда она—правда, при посредствѣ такого колоссальнаго и страшнаго рычага, какъ всемірныя войны,—готовится поднять человѣческую культуру на новую высоту, гдѣ всѣ рессурсы капиталистическаго способа производства развернутся въ максимальныхъ размѣрахъ и въ такихъ же небывало колоссальныхъ размѣрахъ развернутся и его—движущія исторію впередъ—противорѣчія?

Таково это построеніе. Оно не лишено своеобразной послѣдовательности и внутренней логической стройности. Оно не предлагаетъ никакихъ теоретическихъ ересей и новшествъ. Напротивъ, оно рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, взываетъ къ „старымъ", „испытаннымъ" принципамъ и критеріямъ марксизма, какъ единственно-адекватной формѣ современнаго научнаго соціализма. Оно претендуетъ на безупречно-правильное его истолкованіе и требуетъ лишь одного: логическаго безстрашія. Безстрашія, необходимаго для того, чтобы, исходя изъ принятыхъ отправныхъ положеній, дойти до самыхъ послѣднихъ выводовъ и слѣдствій.

Такъ разсуждаетъ правое крыло нѣмецкой соціалъ-демократіи. Оно щеголяетъ своимъ идейнымъ безстрашіемъ. Ему кидаютъ позорную кличку „соціалистическаго имперіализма". Пускай! Его приверженцы не боятся словъ. Подражая древнимъ „гезамъ", правые соціалъ-демократы типа Вольфганга Гейне, Виннига и др. изъявляютъ вызывающую готовность называть себя „соціалистическими имперіалистами". И почему нѣтъ, если они вѣрятъ, что исторія за нихъ, что на ихъ долю выпадетъ слава указать соціализму единственно-надежный, хотя и богатый извилинами, путь, въ концѣ концовъ ведущій къ побѣдѣ?

Существенно то, что они въ самомъ дѣлѣ пытаются лишь приложить къ текущей дѣйствительности тотъ самый тактическій критерій, къ которому не разъ прибѣгала марксистская соціалъ-демократія для отысканія своего настоящаго, наукою предопредѣленнаго, пути. Имперіализмъ безобразенъ? Войны ужасны? Мало ли что! И рабство было ужасно и безобразно. И однако оно было этапомъ по пути поступательнаго развитія человѣчества, а всѣ вздохи и возгласы негодованія противъ „подобныхъ гнусностей" были лишь благонамѣренной, но жалко-безсильной сантиментальностью. Всѣ эти субъективныя морализирующія оцѣнки ни къ чему не нужны. Ихъ произносить не трудно. Труднѣе объективно отнестись къ элементу неустранимаго въ событіяхъ и рѣшительно повернуть руль въ такую сторону, чтобы корабль соціализма поплылъ *по теченію исторіи.*

Съ такой точки зрѣнія положеніе Каутскаго является особенно труднымъ. Логика соціалистическаго имперіализма для него представляется гораздо болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ логика соціалистическаго максимализма.

Соціалистическій максимализмъ, со своей стороны, пытается разсматривать построеніе своихъ противниковъ, какъ самою жизнью произведенное reductio ad absurdum изжившаго свой вѣкъ „минимализма". Да, была пора „пріятія капиталистическаго строя"—пріятія временнаго и условнаго. Теперь пора эта кончилась. Въ самомъ дѣлѣ: не ясно ли, что борьба за минимальныя требованія программы, основанныя на „эволюціонномъ" примиреніи съ существованіемъ капитализма, отжила свой вѣкъ? Это видно уже изъ того, что отъ самыхъ этихъ требованій, въ сущности, не остается камня на камнѣ, если прилагать тѣ же принципы, которыми руководились раньше. Капитализмъ вступилъ въ имперіалистическую фазу. Его—хотя бы условное—пріятіе означаетъ нынѣ „примиренчество" по отношенію къ имперіализму, а, слѣдовательно, и „пріятіе войны". Отношеніе соціалъ-демократіи къ миру, къ вооруженіямъ, къ захватамъ чужихъ территорій, къ праву національностей на самоопредѣленіе—все это должно быть принесено въ жертву на алтарѣ имперіализма. Въ томъ-то и бѣда, что новая стадія капитализма для своего процвѣтанія выставляетъ совершенно особыя требованія. Соціалисту невозможно болѣе встать по отношенію къ нимъ въ позицію, аналогичную прежнимъ. Нельзя участвовать въ ихъ созданіи, нельзя даже пассивно „не мѣшать" этому созданію, не измѣняя своей собственной при-

родъ, не вступая въ рѣзкое противорѣчіе съ самой внутренней сущностью соціализма—въ особенности, съ интернаціонализмомъ его. Но другого критерія построенія минимальныхъ задачъ, при которомъ можно было бы избѣгнуть приспособленія къ естественнымъ стадіямъ развитія капитализма, для марксизма—нѣтъ и быть не можетъ. Слѣдовательно, остается *элиминировать* минимальныя задачи и замѣнить ихъ непосредственно максимальными.

Слѣдовательно? Но вѣдь такъ говоритъ лишь формальная логика во имя избавленія отъ терзающаго, невыносимаго внутренняго противорѣчія. А кромѣ формальной логики есть еще высшая, діалектическая логика, для которой движеніе путемъ противорѣчій есть признакъ глубочайшей правильности избраннаго пути!

Кромѣ того, соціалъ-демократическіе имперіалисты имѣютъ для своихъ противниковъ въ запасѣ еще одинъ, совершенно сокрушительный, аргументъ. „Вы разсуждаете, въ сущности, совершенно, какъ прежніе „народники"—могутъ они отвѣтить. Видимость противорѣчія съ высшими нравственными требованіями соціализма была въ нашемъ поведеніи и раньше. Вся эпоха первоначальнаго накопленія состояла въ насильственномъ отдираніи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства. Оборотною стороною этого процесса было цѣлое море страданій, лишеній, бѣдствій, даже вырожденія и вымиранія. Однако, когда отъ насъ народники требовали, чтобы мы не мирились съ экспропріаціей крестьянства и нашли или создали какой-то особый, непосредственный путь для перехода трудовыхъ земледѣльческихъ единицъ къ высшимъ соціализированнымъ формамъ хозяйства,—мы только пожимали плечами по поводу всѣхъ этихъ филантропическихъ утопій. Мы шли на встрѣчу чисто-буржуазнымъ проектамъ освобожденія отъ общинныхъ связей. Наши русскіе товарищи, соціалъ-демократическіе депутаты Думы, голосовали даже за цѣлый рядъ пунктовъ Столыпинскаго аграрнаго законопроекта. Не было недостатка въ людяхъ, усматривавшихъ въ этой нашей тактикѣ рѣжущее противорѣчіе съ нашими соціалистическими принципами. Какъ? Соціалисты—замѣняющіе общественную собственность единоличной? Соціалисты — готовые пустить землю въ товарный оборотъ, насаждающіе въ деревнѣ понятіе о свободѣ распоряженія каждаго сельчанина своей землей, какъ полной, неограниченной частной собственностью? Соціалисты, нечувствительные къ тому, что землю начнутъ прибирать

къ рукамъ кулаческіе элементы, пуская бывшихъ пахарей по бѣлу свѣту, куда глаза глядятъ? Соціалисты, не желающіе шевельнуть пальцемъ для того, чтобы помѣшать обезземеленію большинства,—обезземеленію, которое не можетъ не быть источникомъ горя, слезъ, нищеты и всяческихъ ужасовъ, отъ которыхъ не можетъ не сжиматься сколько-нибудь способное къ состраданію сердце? Народники спохватились раньше васъ, вы опоздали проснуться, господа марксистскіе максималисты! То противорѣчіе, которое васъ испугало, есть лишь продолженіе и развитіе первоначальнаго противорѣчія, отпугнувшаго народниковъ! Но это противорѣчіе страшно лишь для непривычныхъ къ діалектикѣ умовъ, — оно есть одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми — хотимъ мы этого или не хотимъ — движется исторія!

Итакъ, соціалъ-демократическій максимализмъ противъ соціалъ-демократическаго имперіализма безсиленъ. Неизмѣнно бьетъ мимо цѣли все, что онъ говоритъ,—или, по крайней мѣрѣ, долженъ говорить (такъ какъ доводятъ ли всегда до конца логику своего разсужденія его нынѣшніе сторонники,—это другой вопросъ). Ибо все это, по мнѣнію Каутскаго, „выглядитъ очень радикально, но способно лишь привести всякаго, кто не вѣритъ въ немедленное практическое осуществленіе соціализма,—прямымъ путемъ въ лагерь имперіалистовъ. Это—вода на мольницу тѣхъ соціалистовъ, которые говорятъ: да, мы хотимъ соціализма, но, покуда мы его не имѣемъ, мы должны практически быть имперіалистами, ибо всякій добрый марксистъ долженъ не вступать въ противорѣчіе съ „общими тенденціями развитія". При данныхъ условіяхъ имперіализмъ является экономической необходимостью для капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для пролетаріата, для котораго тѣмъ лучше, чѣмъ быстрѣе развивается капитализмъ, и который болѣе всего страдаетъ отъ остановки капиталистическаго производственнаго процесса".

Таковъ приговоръ Каутскаго. Итакъ, и соціалъ-имперіализмъ, и соціалъ-максимализмъ одинаково являются признаками глубокаго внутренняго кризиса, переживаемаго теоретической мыслью марксистскаго соціализма. По отношенію къ этому идеологическому кризису внѣшній политическій кризисъ является лишь поверхностнымъ процессомъ, явленіемъ вторичнымъ и производнымъ. Мы — на теоретическомъ перепутьи, съ котораго Каутскій долженъ насъ вывести на вѣрную дорогу.

Соціалъ-демократическій имперіализмъ для него непріемлемъ. Въ немъ—капитуляція и моральная гибель соціализма. Оно подкапывается подъ самые основы рабочаго движенія, подъ его *международный* характеръ. Но въ борьбѣ противъ этого врага соціалъ-демократической максимализмъ—плохой союзникъ. Всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ увѣровать въ осуществимость соціалистической революціи съ сегодняшняго дня на завтрашній,—онъ отталкиваетъ въ противоположный лагерь. Если сказать, что третьяго выхода нѣтъ—либо осуществленіе максимальной программы соціализма, либо приспособленіе къ имперіализму,—громадное большинство критически мыслящихъ людей, волей-неволей, должны будутъ избрать послѣднее. Итакъ, нужно найти *третій путь*...

Но какъ найти его? Въ какомъ пунктѣ аргументаціи „соціалъ-имперіалистовъ" открыть πρῶτον ψεῦδος, первородный грѣхъ ихъ построенія?

Отрицать ли, что имперіализмъ—есть естественная и неизбѣжная фаза развитія капитализма? Доказывать ли, что для капитализма это поверхностный наростъ, который можно устранить оперативнымъ путемъ, не вредя всему организму и даже, напротивъ, облегчая его положеніе?

Пойти ли еще дальше? Отвергать ли вообще существованіе послѣдовательной градаціи фазъ, „естественной лѣстницы развитія", по ступенямъ которой долженъ послѣдовательно восходить капитализмъ, чтобы привести насъ къ соціалистической трансформаціи общества?

Отвергнуть ли, въ связи съ этимъ, положеніе, что тактика соціализма должна избѣгать противодѣйствія естественной эволюціи капитализма", что онъ долженъ „плыть по теченію исторіи?" Поставить ли передъ этою тактикой болѣе широкія и смѣлыя задачи, раньше слывшія за „утопическія?" Перенести ли, иными словами, центръ тяжести съ безличной экономической эволюціи на коллективную человѣческую активность? Поставить ли вопросъ о судьбахъ имперіализма въ зависимость не столько отъ Evolutionsfrage, сколько отъ Machtfrage?

Таковы встающіе передъ нами „проклятые вопросы" соціалистической теоріи. И таковы пути, по которымъ можно свернуть въ сторону съ предательской наклонной дорожки, ведущей къ „соціалистическому имперіализму".

II. Въ поискахъ выхода.

Какой же изъ этихъ путей рѣшается выбрать Карлъ Каутскій? — Всѣ понемножку и ни одного, какъ слѣдуетъ.

Въ чемъ сущность имперіалистической политики? Въ томъ, что для высоко развитой капиталистической индустріи передовыхъ странъ рамки національнаго государства становятся слишкомъ узкими. Является потребность въ обеспеченіи ей гораздо болѣе широкаго внутренняго рынка путемъ подчиненія или полуподчиненія цѣлаго ряда болѣе отсталыхъ, въ индустріальномъ смыслѣ, аграрныхъ странъ. Такъ, вмѣсто прежняго типа — демократически самоуправляющагося національнаго государства — создается новый типъ: сложнаго государства національностей, въ которомъ лишь одной, индустріально болѣе развитой и милитарно-господствующей, національности принадлежитъ гегемонія надъ всѣми другими. Эта послѣдняя со своей національной территоріей играетъ роль метрополіи; остальныя — роль колоній. Цѣлая сложная соціальная система, въ которой одна страна играетъ, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, роль центральнаго свѣтила, всѣ же остальныя — роль „спутниковъ".

„Необходимая ли это фаза развитія капитализма? Нѣтъ,— отвѣчаетъ Каутскій. Въ ней нужно различать *содержаніе* и *форму*. Да, рамки національнаго государства на извѣстной ступени развитія капитализма становятся ему слишкомъ тѣсны. Да, *расширеніе* арены его дѣятельности, политика территоріальной „экспансіи", есть для капитализма историческая необходимость, и бороться съ нею было бы реакціонно. Но единственно ли возможную форму выхода капитализма изъ узкихъ національныхъ рамокъ имѣемъ мы въ имперіалистической системѣ? Не только не единственную, а самую грубую и дорого стоющую. Есть другая, высшая форма. Вмѣсто превращенія демократическаго національнаго государства въ имперіалистически управляемое государство національностей мыслимо объединеніе нѣсколькихъ національныхъ государствъ въ одинъ равноправный союзъ государствъ.

„Союзъ государствъ", а вовсе не „государство національностей" или „колоніальная держава" — вотъ форма для огромныхъ имперій, въ которыхъ нуждается капитализмъ, чтобы достигнуть своей высшей, окончательной формы — онъ можетъ быть „союзомъ союзовъ". Въ такомъ видѣ онъ яв-

ляется самой эластичной государственной формой, способной къ безконечному расширенію — вплоть до заключительной формы „всемірнаго союза“.

Вотъ они „Соединенные Штаты Европы и всего міра“, какъ программа высоко развитаго индустріальнаго капитализма! Превращеніе міра въ свободный и равноправный союзъ націй, — какъ дѣтище нормально развивающейся буржуазіи!

Выводъ — довольно неожиданный. Спрашивается, — на чемъ онъ построенъ? На крайней ли идеализаціи буржуазнаго общества? На розово-оптимистической переоцѣнкѣ творческихъ способностей капитализма? Или же на своеобразномъ „приспособленіи“ къ буржуазнымъ интересамъ и аппетитамъ понятія о „союзѣ государствъ“? Или на томъ и другомъ одновременно?

Отвѣтъ на это дается дальнѣйшими разсужденіями Каутскаго, изъ которыхъ слѣдуетъ, что „первый приступъ къ построенію Соединенныхъ Штатовъ Европы будетъ данъ образованіемъ таможеннаго союза между Германской имперіей и ея сосѣдями“. При этомъ Каутскій вспоминаетъ о таможенномъ союзѣ, изъ котораго выросло когда-то союзное германское государство, и о той роли, которую сыграла въ его образованіи готовность Пруссіи положить въ основу „союза“ начала свободной торговли и всеобщаго избирательнаго права. Каутскій опускаетъ лишь прибавить, что не меньшую роль въ образованіи этого „союзнаго государства“ сыграла аранжированная тогда Бисмаркомъ „союзная“ война противъ Франціи

Аналогія характерная и много говорящая! Мы, въ самомъ дѣлѣ, отлично знаемъ, что въ нынѣшней Германіи есть не мало буржуазно-имперіалистическихъ элементовъ, которые, не рѣшаясь прямо выступать за грубую форму захватовъ и аннексій, предпочитаютъ формы замаскированныя. Такъ, Бельгія принуждена будетъ заключить съ Германіей таможенный союзъ, принять германскій гражданскій кодексъ и слить свою желѣзно-дорожную сѣть съ общегерманской. Такимъ же образомъ — предполагается — съ сѣвера будутъ примкнуты къ Германіи Голландія и Скандинавія, а съ юга — къ Австріи, играющей роль „придунайскаго союза націй“ — сосѣдній „балканскій союзъ націй“, и къ Германіи — Швейцарія. Наконецъ, ко всему этому сложному „союзу союзовъ“ можно присоединить отторгнутыя отъ Россіи и объявленныя самостоятельными — Финляндію, Прибалтійскій край, русскую Польшу и, быть можетъ, даже Украйну. Германія въ этомъ „союзѣ“ будетъ играть ту же самую роль какую

Пруссія — въ Германіи. А нынѣшняя война — роль войны 1870 года.

Все это довольно понятно. Но туда ли ведетъ вся эта аналогія, куда хочется Каутскому? Мы съ нимъ собирались противопоставить имперіализму идею „союза государствъ". Но чуть только онъ началъ обтекать эту идею въ конкретную форму, имѣющую цѣлью показать, что рѣчь идетъ не о пустой фантазіи, а совершенно реальной вещи,—какъ мы незамѣтно, по наклонной плоскости, докатились до самой *отъ-ломной формы* имперіализа и тѣмъ болѣе опасной, что въ ней имперіализмъ заноситъ руку не только на полудикія племена или полукультурныя области Азіи или Африки, а и на сравнительно высоко развитыя второстепенныя государства Европы. Всеевропейская гегемонія Германіи въ промышленномъ и общеполитическомъ отношеніи, скрѣпленная ея таможенной уніей съ родственными германской расѣ націями и вовлеченными въ австрійскую орбиту не окрѣпшими мелкими славянскими народами, — вотъ къ чему сводится этотъ типически-имперіалистскій планъ, который Каутскому, въ духѣ его разсужденій, долженъ рисоваться, какъ переходъ къ новой эрѣ международной жизни, къ „Соединеннымъ Штатамъ Европы и всего міра"... Нечего сказать, хорошій „переходъ"—этотъ континентальный союзъ, остріемъ своимъ явно обращенный противъ мірового положенія Англія на всемірномъ рынкѣ, и уже по одному этому явно-агрессивный и грозящій новыми жесточайшими міровыми конфликтами!

Идея „Соединенныхъ Штатовъ Европы и всего міра",— это великая, вѣчная идея, и, можно смѣло сказать, идея чисто-соціалистическая. Это — идея государственнаго интернаціонала, идея, которая должна *національную* идею подчинить всеобщей правовой организаціи человѣчества. И ее то Карлъ Каутскій хочетъ навязать буржуазіи и капитализму! Поистинѣ, это значитъ, либо слишкомъ низко цѣнить эту великую идею, либо слишкомъ высоко на пьедесталъ исторіи возносить буржуазію и капитализмъ. О, что и говорить, служители буржуазіи, — недурные практики. Они не прочь эксплуатировать любую великую идею, которой принадлежитъ будущее, — но они ее эксплуатируютъ, предварительно фальсифицируя ее и мистифицируя легковѣрныхъ. „Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ". Когда буржуазный имперіализмъ какой-нибудь великой державы облюбовываетъ себѣ въ качествѣ объекта болѣе слабаго *культурнаго* сосѣда, — онъ, лишь изрѣдка оскаливая волчьи зубы, дѣй-

ствуетъ главнымъ образомъ при помощи лисьяго хвоста. Когда же онъ мѣтитъ на болѣе „элементарную“ добычу, онъ дѣйствуетъ прямо и откровенно — зубами и когтями. А Каутскій подходитъ къ нему и начинаетъ планировать макіавелистическіе планы: какъ бы заставить имперіалистическаго „королевскаго тигра“ питаться исключительно травкой и овощами, какъ бы „пригласить“ капитализмъ избрать, вмѣсто „рискованной и дорого стоющей“ дорожки имперіалистическихъ захватовъ, идиллическую дорожку федерированія въ „Соединенные Штаты Европы и всего міра“...

Кромѣ всего прочаго, этотъ взглядъ еще и *не историченъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если бы буржуазія могла превосходно замѣнить политику колоніальнаго распространенія и захватовъ — политикой федерированія въ „Соединенные Штаты Европы и всего міра“; если не „имперіалистическая міровая держава“, а „свободный союзъ государствъ“, есть настоящая политическая форма для современнаго капитализма, развитого капитализма послѣдней формаціи, — то, спрашивается, почему же капитализмъ ждалъ Каутскаго, чтобы при помощи его осознать, наконецъ, свои настоящіе интересы? Съ этой точки зрѣнія, имперіализмъ современнаго капитализма оказался бы какимъ-то роковымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Съ капитализмомъ Каутскаго происходитъ то же, что съ Грибоѣдовскимъ Молчалинымъ: „шелъ въ комнату, попалъ въ другую“. Несчастная случайность, не болѣе... Почему бы ее не исправить?

III. Мнимый выходъ.

„Не нужно давать вводить себя въ заблужденіе тѣмъ видимымъ противорѣчіемъ, которое заключаетъ въ себѣ историческая задача соціалъ-демократіи. Ей приходится защищать интересы пролетаріата противъ капитализма и бороться съ послѣднимъ; но одновременно съ этимъ ей приходится содѣйствовать экономическому развитію, которое, однако до тѣхъ поръ, пока общество не перестроено на соціалистическихъ началахъ, неизбѣжно превращается въ содѣйствіе капитализму. Итакъ, одновременно намъ приходится и бороться съ нимъ, и содѣйствовать ему. Какъ это возможно?“

Вотъ вопросъ — старый вопросъ, — который снова ставитъ на очередь Карлъ Каутскій, чтобы изъ правильнаго его рѣшенія добыть отвѣтъ и на новый вопросъ — о так-

тикѣ соціалъ-демократіи по отношенію къ современному капиталистическому *имперіализму*. Мы видѣли, что одни соціалисты, взывая къ основнымъ принципамъ марксистской теоріи, требуютъ непримиримой борьбы съ нимъ; другіе, взывая къ тѣмъ же принципамъ, требуютъ, чтобы его признали необходимой фазой экономическаго развитія и содѣйствовали ему. Каутскій понимаетъ, что вопросъ о противодѣйствіи или содѣйствіи капиталистическому имперіализму есть лишь частный случай общаго вопроса: о томъ, поскольку пролетаріату приходится содѣйствовать и поскольку противодѣйствовать капитализму вообще.

Какъ же рѣшаетъ этотъ вопросъ Каутскій? До изумительности просто...

Весь секретъ рѣшенія, по его мнѣнію, въ томъ, что „есть разные способы содѣйствія капитализму". Движущій мотивъ капитала — прибыль. Но есть два разныхъ пути повышенія прибыли: во-первыхъ, — увеличивать норму эксплуатаціи рабочаго, и во-вторыхъ, — увеличивать производительность труда. Къ одному способу относится введеніе новыхъ машинъ, замѣна низшихъ хозяйственныхъ формъ высшими, все большая и большая концентрація производства, улучшеніе путей сообщенія, техническое образованіе и воспитаніе рабочаго, научно-техническое совершенствованіе производственнаго процесса. Къ другому — уменьшеніе рабочей платы, увеличеніе рабочаго дня, замѣна мужского труда женскимъ и дѣтскимъ, удорожаніе жизни и т. п. Второй способъ — самый легкій, удобный, дешевый и доступный. Первый способъ — болѣе сложный, требующій напряженія, изобрѣтательности, инициативы. И второй способъ можетъ временно благопріятствовать экономическому развитію; но à la longue, подкапываясь подъ такой важный факторъ производства, какъ рабочая сила, онъ изъ рычага хозяйственнаго развитія превращается рано или поздно въ препятствіе для него. Что же дѣлаетъ соціалъ-демократія? Она стремится загородить для капитала этотъ *второй* путь, тѣмъ самымъ заставляя его съ удвоенною энергіей направиться по первому. Вотъ и все. Въ этомъ — весь секретъ ея одновременнаго „содѣйствія-противодѣйствія" капитализму. Въ этомъ — разрѣшеніе видимой противорѣчивости и двойственности ея линіи поведенія.

„И въ вопросѣ объ имперіализмѣ можно найти примѣненіе, исходя изъ этихъ началъ... Нѣтъ болѣе сомнѣній, что имперіализмъ принадлежитъ къ числу методовъ второго рода,

поскольку онъ стремится подчинить себѣ и эксплуатировать рабочее движеніе аграрныхъ странъ при помощи насильственныхъ средствъ. Этотъ способъ поведенія временно можетъ содѣйствовать экономическому развитію, но въ концѣ концовъ становится для него препятствіемъ".

Каутскій полагаетъ такимъ образомъ, что онъ *преодолѣваетъ* противорѣчивость своей позиціи по отношенію къ капиталистическому имперіализму, ссылаясь на *примиренное* уже противорѣчіе по отношенію къ болѣе общимъ „вопросамъ жизни" капиталистическаго строя. Но возможно еще спросить: дѣйствительно ли примирено это основное противорѣчіе?

Каутскій намъ напомнилъ, что соціалъ-демократическая программа - minimum по способу своего построенія, по критеріямъ, на которыхъ она зиждется, не монистична, а дуалистична. *Два* принципа положено въ ея основу, *два* интереса равно должна она защищать: интересъ капиталистическаго развитія и интересъ пролетаріата.

Одно изъ двухъ. Или при этомъ рѣшаешься спуститься на плоскость эклектическаго компромисса въ примиреніи двухъ этихъ принциповъ; или же оба принципа по самой своей сущности не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, а гармонируются въ какомъ-то „высшемъ синтезѣ".

Правые реформисты высказываются въ смыслѣ *второго* выхода. Да, — говорятъ они, — интересы капиталистической культуры и пролетарскіе интересы, въ концѣ-концовъ, едино суть. Не *покрывая* другъ друга, они другъ друга дополняютъ. И это взаимодополненіе есть элементъ, органически присущій современному хозяйственному укладу. Капитализмъ есть базисъ существованія пролетаріата. Пролетаріатъ можетъ развиваться лишь одновременно со своимъ базисомъ. Нельзя охранять интересовъ пролетаріата, не помогая дѣйственно развитію капиталистическихъ отношеній. Кто хочетъ цѣли,— хочетъ средствъ!

Да, — отвѣчаютъ имъ лѣвые ортодоксы, — эта взаимозависимость пролетаріата и капиталистической культуры существуетъ. Но ревизіонисты, ожидающіе „органическаго врастанія" нынѣшняго общества въ будущее, полагаютъ, что взаимозависимость эта непреходяща. А между тѣмъ она является закономъ лишь до тѣхъ поръ, пока капитализмъ не достигъ своего апогея. За этимъ моментомъ все ставится кверху ногами: изъ оболочки развитія производительныхъ силъ капитализмъ становится ихъ узами. Тенденціи капита-

листической культуры и тенденціи пролетаріата рѣзко расходятся въ противоположныя стороны.

Но это возвращаетъ насъ опять къ той же постановкѣ вопроса, отъ которой Каутскій хотѣлъ уйти. Это возвращаетъ насъ къ максимализму, какъ единственному прибѣжищу отъ буржуазнаго грѣхопаденія, идущаго вплоть до соціалистическаго имперіализма.

Если корень отличія ортодоксіи отъ оппортунизма заключается въ томъ, что ортодоксы ждутъ какого-то мистическаго „момента", когда относительная гармонія историческихъ тенденцій капиталистическаго развитія и пролетаріата смѣнится абсолютнымъ ихъ противорѣчіемъ, — то мы были правы, когда говорили, что *въ настоящемъ* ревизіонисты и ортодоксы на практикѣ почти ничѣмъ не отличаются существеннымъ и принципіальнымъ. „Оговорка для будущаго", покуда что, является въ достаточной мѣрѣ платонической. Болѣе того. Чѣмъ рѣзче ортодоксія всю свою „революціонность" фиксировала въ одной точкѣ, — моментѣ, когда *максимальное* развитіе всѣхъ капиталистическихъ потенцій перейдетъ въ свое „самоотрицаніе", — чѣмъ „катастрофичнѣе" представляла она себѣ этотъ будущій „моментъ", тѣмъ полнѣе она отдавала себя во власть повседневной реформистской, мирной, выжидательно-легалистской практики въ настоящемъ. Со взоромъ, гипнотизированнымъ свѣтлой революціонной точкой въ будущемъ, она сама не замѣтила, какому перерожденію подвергалась ежедневно. Громъ всемірной войны разрушилъ гипнозъ самообольщенія. Германская соціалъ-демократія предстала на глазахъ у всѣхъ тѣмъ, во что она все время превращалась. Изумленіе и растерянность, въ которыя она повергла всѣхъ своихъ заграничныхъ учениковъ и почитателей, ярче всего показываютъ, какъ безконечно далеки были они отъ пониманія внутренней лигики ея эволюціи.

Гдѣ выходъ? Гдѣ выходъ — если мы хотимъ остаться въ плоскости старой идеологіи, если мы не хотимъ ничего въ ней перестраивать? Онъ очень простъ. Почему не признать, что мистическій „пунктъ" именно теперь и достигнутъ, что вступленіе капитализма въ имперіалистическую фазу и есть признакъ того, что онъ достигъ максимальнаго развитія, переходящаго въ самоотрицаніе?

Тогда все остается на своихъ полочкахъ. Да, имперіализмъ есть „экономическая необходимость" для капитализма. Но „пріять" его пролетаріатъ не обязанъ, ибо уже „про-

билъ часъ" смерти для былой естественной гармоніи тенденцій капиталистической культуры и пролетарскихъ интересовъ. Борьба за обоснованную на этой относительной гармоніи программу-минимумъ уступаетъ мѣсто борьбѣ за программу-максимумъ, и эта борьба становится единственно возможнымъ видомъ борьбы съ момента, когда „относительная гармонія" тенденцій смѣняется ихъ „абсолютнымъ противорѣчіемъ".

Бѣда лишь въ томъ, что *доказать* пришествіе естественной смерти капиталистическаго строя гораздо труднѣе, чѣмъ его прокламировать. А кромѣ того уже такъ часто предрекали это пришествіе и такъ систематически всѣ такія пророчества оказывались ударомъ шпаги по водѣ, что охотниковъ повторять ихъ теперь немного. И вотъ почему нынѣшніе соціалъ-демократическіе максималисты никакъ не могутъ рѣшиться пойти въ своемъ максимализмѣ до конца. Они то и дѣло *сбиваются* на максимализмъ — и каждый разъ упираются передъ заключительнымъ шагомъ.

Остается выходъ Каутскаго. Это—эклектика. Вопросъ о двойственности критеріевъ, на которыхъ строится программа-минимумъ, вопросъ о гармоніи или противорѣчивости этихъ критеріевъ затушевывается открытіемъ „двухъ путей" содѣйствія капиталистическому развитію: „хорошаго" и „дурного" пути. Будемъ заставлять капитализмъ сворачивать съ „дурного" пути на „хорошій"!

Хорошо, будемъ заставлять сворачивать! Но выяснимъ себѣ сначала, лишенъ-ли „хорошій путь" всякаго внутренняго противорѣчія между интересами капиталистической культуры и интересами труда?

Каутскій самъ призналъ, что „дурной" путь „можетъ временно и преходяще благопріятствовать экономическому развитію". Временно и преходяще! Но вѣдь все въ мірѣ „временно и преходяще", и капитализму нужны не универсальныя средства, а такія, которыя годны при данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Но гдѣ же сказано, что въ любой моментъ къ услугамъ капитализма есть налицо *выборъ* между рѣшеніемъ того или иного хозяйственнаго затрудненія средствами какъ „дурного", такъ и „хорошаго" пути?

„Первоначальное накопленіе" капитализма по самой природѣ своей требуетъ „брутальныхъ средствъ". Оно—база, исходный пунктъ всего дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія. Лишь впослѣдствіи капитализму становится достаточной „естественная" зависимость „свободнаго работника" отъ ка-

питала. То же и въ вопросѣ объ „имперіализмѣ". Требуется политическое „первоначальное накопленіе". И лишь впослѣдствіи страны, раньше другихъ успѣвшія его произвести (классическій примѣръ—Англія), могутъ начать медленно реформировать свою огромную колоніальную имперію на началахъ демократіи, свободы, автономіи, такъ что математическимъ предѣломъ этого реформированія является превращеніе Великобританіи какъ бы въ огромный „союзъ государствъ". Но если бы Каутскій предложилъ Англіи съ самаго начала *составлять* всю колоссальную Великобританію „хорошимъ" путемъ вмѣсто „дурного", путемъ „свободнаго договора" Жана-Жака Руссо, то наивный утопизмъ этого проекта ставилъ бы его внѣ всякаго серьезнаго обсужденія.

„Относительная гармонія" интересовъ пролетаріата и капиталистической культуры выражается, между прочимъ, въ томъ, что развитіе обоихъ за счетъ „третьихъ лицъ" признается благомъ. На этомъ основаніи одни „ортодоксы" полагаютъ, что партія не можетъ пальцемъ о палецъ ударить въ интересахъ обезземеливаемаго трудового крестьянства, а другіе думаютъ, что она могла бы даже „руку приложить" къ дѣлу законодательнаго ускоренія этого процесса пролетаризаціи крестьянъ и разрушенія общины. Вѣдь это переноситъ центръ тяжести развитія изъ деревни въ городъ, дѣлаетъ индустрію центральнымъ свѣтиломъ, по отношенію къ которому все остальное должно играть роль зависимыхъ „спутниковъ". Это—прогрессивно и въ соціальномъ, и въ политическомъ отношеніи.

Но что же такое политика капиталистическаго имперіализма, какъ не та же политика одновременнаго роста капиталистической культуры и съ нею пролетаріата за счетъ „третьихъ лицъ", примѣненная въ большомъ масштабѣ—не къ отдѣльнымъ людямъ, а къ цѣлымъ странамъ?

Ибо какъ самъ Каутскій опредѣляетъ имперіализмъ? „Имперіализмъ есть продуктъ высоко развитаго индустріальнаго капитализма. Онъ состоитъ въ стремленіи всякой индустріальной капиталистической націи подчинять и присоединять къ себѣ все большую аграрную область, все равно, къ какимъ бы національностямъ ни принадлежало ея населеніе".

Развитіе капиталистическихъ отношеній вездѣ ведетъ къ подчиненію деревни городу и эксплуатаціи первой послѣднимъ. Это процессъ прогрессивный, ему соціалъ-демократія не препятствуетъ, ибо считаетъ его „экономической необхо-

димостью". Подчиненіе аграрныхъ націй индустріальным есть тотъ же процессъ, но вынесенный на міровую, между народную арену. Почему же бы и по отношенію къ нем, соціалъ-демократіи не усвоить тактики „laissez faire, laissez passer"?

Логика здѣсь—на сторонѣ соціалистическихъ имперіалистовъ. Имъ выпала на долю—malgré eux—прогрессивная миссія: произвести reductio ad absurdum старой теоріи. И они это съ успѣхомъ выполнили. Что же касается Каутскаго, то онъ лишь углубилъ этотъ теоретическій кризисъ, показавъ, что *двойственность* и *противорѣчивость* старой теоріи по отношенію къ соціалистическому имперіализму есть лишь частичное проявленіе болѣе общей, можно сказать, и значительно присущей этой теоріи, двойственности. Онъ воленъ, конечно, не видѣть въ этой двойственности никакого вреда и порождаемыя ею противорѣчія считать „не плоскими, а гегелевскими". Блаженъ, кто вѣруетъ! Да,

Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ духовной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ...

Но мы не можемъ „угомонить хладный умъ" успокоительными разсужденіями Карла Каутскаго. Наоборотъ, вопреки ихъ автору, они способны лишь расширить и укрѣпить „умственную тревогу" всякаго, кто въ школѣ догматически-шаблонныхъ путей не разучился самостоятельно мыслить.

IV. На перевалѣ.

„Либо имперіалистическая фаза капитализма обусловлена жизненными условіями и, главное, концентраціоннымъ процессомъ окристаллизовавшагося финансоваго капитализма и съ неизбѣжностью наступаетъ тамъ, гдѣ капитализмъ достигъ опредѣленной степени развитія, а слѣдовательно, является исторической предпосылкой осуществленія соціализма, либо это явленіе выросло изъ опредѣленныхъ мѣстныхъ условій, имѣетъ исключительно мѣстное значеніе, не носитъ на себѣ печати исторически эволюціоннаго процесса".

Такова дилемма, которую передъ Каутскимъ поставилъ его теоретическій единомышленникъ, едва-ли не самый крупный изъ изслѣдователей исторіи и этнографіи съ точки зрѣ-

нія экономическаго матеріализма—Генрихъ Куновъ. Что выбираетъ Каутскій? Выборъ не легокъ. Ибо въ первомъ случаѣ, въ качествѣ марксиста, онъ долженъ признать, что абсурдно „подкапываться" подъ имперіализмъ и пытаться его вычеркнуть изъ скалы капиталистической эволюціи. Во-второмъ случаѣ, правда, этого рокового логическаго послѣдствія не имѣется. Но тутъ новая бѣда: „остается совершенно непонятной та послѣдовательность, съ которой имперіализмъ выступаетъ на авансцену во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ"—это разъ; и приходится признать „совершенно необоснованнымъ практикующійся у насъ такъ часто пріемъ—всю новѣйшую исторію государствъ объяснять имперіализмомъ",—это два.

Не имѣя *третьяго* выхода, Каутскій предпочелъ, чтобы только не склонять соціалистическаго знамени передъ имперіализмомъ, пуститься въ рискованную теоретическую авантюру—уменьшить въ исторіи роль и значеніе имперіалистическаго фактора до размѣровъ явленія почти „мѣстнаго"...

„Значеніе его часто безмѣрно переоцѣнивается. Можно, во-первыхъ, показать, что онъ не является единственной движущей силой въ стремленіи государствъ къ территоріальному расширенію. Можно показать, во-вторыхъ, что и самая колоніальная политика, какъ разъ въ своихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ, имѣетъ не имперіалистическое происхожденіе. И, наконецъ, въ третьихъ,—что насильственная политика имперіализма, далекая отъ того, чтобы быть безусловно необходимой для экономическаго развитія капитализма, даже нынѣ среди методовъ капиталистическаго расширенія является самымъ дорогимъ и опаснымъ, но отнюдь не самымъ дѣйствительнымъ; что кромѣ него уже примѣняется и другой, имѣющій гораздо большее экономическое значеніе"...

Въ этихъ соображеніяхъ Каутскаго ость доля правды—только не къ мѣсту пристроенной. Въ основѣ стремленія народовъ къ расширенію по земной территоріи, конечно, лежитъ не имперіализмъ,—это лишь временная форма, которую принимаетъ—если угодно, въ которой *вырождается*—болѣе общее и элементарное явленіе всемірно-историческаго значенія. И до всякихъ имперіализмовъ сталкивались изъ-за территорій народности. Естественный приростъ населенія, этотъ элементарнѣйшій біологическій факторъ, насыщалъ извѣстную территорію людьми. Территорія становилась какъ бы сосудомъ, переполненнымъ до краевъ. Налицо было два пути. Первый путь состоялъ въ увеличеніи емкости терри-

торіи по отношенію къ населенію. Это было достижимо путемъ развитія хозяйственной культуры, роста производительныхъ силъ, власти человѣка надъ природой, дозволяющей черпать изъ единицы пространства больше средствъ къ существованію. Когда этотъ путь совокупностью какихъ-либо неблагопріятныхъ условій бывалъ закрытъ или только полуоткрытъ и ростъ населенія систематически начиналъ обгонять ростъ интенсивности хозяйства, вступала въ силу другая возможность, открывался другой путь: путь эмиграціи, выселенія. Эмиграція могла идти въ розницу, индивидуально или оптомъ, коллективно. Часто первая была преддверіемъ ко второй: индивидуальные переселенцы бывали какъ бы развѣдчиками, по стопамъ которыхъ устремлялись группы и даже орды. Объектомъ колонизаціи чаще всего являлись страны болѣе слабой культуры, болѣе разрѣженнаго населенія; иммигранты, принося съ собою болѣе высокіе способы производства, давали возможность сгущенію населенія и гдѣ мирно, гдѣ силой, находили себѣ мѣсто среди аборигеновъ, заставляя послѣднихъ потѣсниться, и либо приспособить свой хозяйственный бытъ къ высшему укладу хозяйственной жизни пришельцевъ, либо просто превратиться въ загнанное, забитое, вырождающееся и вымирающее племя. На этомъ основномъ фонѣ *народной* колонизаціи принимались вышивать тѣ или другіе государственно-политическіе узоры дирижирующіе слои человѣческихъ обществъ, „держатели общественной власти". Для правящихъ, для династій, для бюрократіи естественные колонизаціонные процессы служили орудіемъ расширенія территоріальныхъ границъ ихъ власти, а тѣмъ самымъ—ихъ военной мощи, ихъ внѣшняго престижа. Съ другой стороны, для экономически-господствующихъ, для эксплуататорскихъ классовъ эти народные колонизаціонные процессы также бывали канвой для расширенія ихъ предпріимчивости. Колоніальная политика развитыхъ государствъ тоже является производнымъ этихъ двухъ факторовъ: *политическихъ* цѣлей дирижирующаго слоя и хозяйственныхъ цѣлей экономически наиболѣе сильнаго слоя; причемъ между двумя этими слоями существуютъ болѣе или менѣе сложныя взаимоотношенія, складывающіяся изъ элементовъ соперничества и солидарности, причемъ-то оба слоя, при помощи процессовъ эндосмоса и экзосмоса, достигаютъ взаимоприспособленія, граничащаго со сліяніемъ, то одинъ слой подчиняетъ себѣ другой или, наоборотъ,—самъ превращается въ его послушное орудіе.

Капиталистическій имперіализмъ является „послѣднимъ словомъ“ этого процесса. Разселеніе человѣчества по территоріи земного шара въ настоящій моментъ идетъ все болѣе и болѣе подъ руководствомъ *капитала*. Онъ начинаетъ съ того, что дѣлаетъ рѣдко заселенныя и отсталыя области *доступными* для проникновенія высшей культуры, строитъ желѣзныя дороги, морскіе порты, предпринимаетъ грандіозныя работы по осушенію, обводненію, дѣлаетъ разысканія естественныхъ богатствъ, образовываетъ огромныя акціонерныя компаніи для ихъ разработки и т. д., и т. д. Перенасыщенность культурныхъ государствъ людьми принимаетъ одновременно форму ихъ перенасыщенности товарами, ищущими рынковъ для сбыта, и перенасыщенности капиталами, ищущими прибыльнаго приложенія. Вовлеченныя въ сферу вліянія страны одновременно являются поставщицами сырья и средствъ существованія, рынками для сбыта и ареною для помѣщенія капиталовъ. Національному капиталу становятся тѣсными всякія историческія территоріальныя границы. Его организаціонный размахъ принимаетъ грандіозныя формы, измѣряемыя лишь масштабами *всемірнаго* характера.

Но постепенное „мирное проникновеніе“ капитализма влечетъ за собою неизбѣжно тенденціи къ политическому подчиненію новыхъ территорій и, по возможности, къ ихъ полному включенію въ составъ государства-метрополіи. Самостоятельность страны, въ которой орудуетъ чужой капиталъ, представляетъ для послѣдняго цѣлый рядъ неудобствъ. Во-первыхъ, во всякихъ правовыхъ столкновеніяхъ съ туземцами онъ подлежитъ чужой юрисдикціи, не склонной выдавать „своихъ“ какимъ-то „пришлецамъ“. Во-вторыхъ, мытарства по чужимъ странамъ предполагаютъ слишкомъ большое разнообразіе всего: нормъ, регулирующихъ гражданскій оборотъ, системъ мѣры, вѣса, монетной системы, пограничныхъ и таможенныхъ заставъ, государственнаго языка. Для него имѣетъ громадное значеніе объединеніе и нивеллированіе всего этого и притомъ—нивеллированіе примѣнительно къ тому уровню, который, какъ наиболѣе для него удобный, уже выработанъ въ его странѣ-метрополіи. И хотя существуетъ не мало смягченныхъ формъ приспособленія чужой страны къ потребностямъ эксплуатирующаго ее иностраннаго капитала, начиная отъ всякаго рода торговыхъ договоровъ, соглашеній и союзовъ, продолжая признаніемъ извѣстной территоріи „сферой вліянія“ соотвѣтственнаго государства и кончая установленіемъ его „протектората“, но все это для

него имѣетъ лишь цѣнность переходныхъ формъ, которыя тѣмъ лучше, чѣмъ больше приближаются къ идеалу—включенію въ границы своего государства. При этомъ страна-колонія на первыхъ порахъ должна управляться сверху, и лишь впослѣдствіи, по мѣрѣ ея достаточнаго заселенія и ассимилированія, ей можетъ быть дано самоуправленіе и, наконецъ, она можетъ превратиться въ равноправную интегральную часть всего государства.

Такимъ образомъ имперіалистическія тенденціи современнаго капитала ведутъ къ оживленію старой великодержавной политики и династической мегаломаніи. Буржуазія, которая когда-то, на зарѣ своей туманной юности, выступала противъ абсолютизма и воинственныхъ осколковъ дворянскаго феодализма, а затѣмъ, подъ вліяніемъ „краснаго призрака" рабочаго движенія, поспѣшно измѣнила всѣмъ былымъ освободительнымъ лозунгамъ, чтобы пойти на компромиссъ съ дворянско-монархическими силами прошлаго—теперь завершаетъ дѣло этой измѣны. Ея имперіалистическіе планы даютъ ей возможность дать старой власти, знати, юнкерству, военной и бюрократической кастѣ въ государствѣ почетное мѣсто и полный просторъ въ дѣлѣ созданія крѣпкой власти. Для великодержавной политики нужна военная диктатура. Единственное условіе, которое она ставитъ,—держать курсъ этой политики по линіи наибольшаго результата въ смыслѣ эксплуатаціи міра національнымъ капитализмомъ данной страны. Вильгельмъ II получилъ когда-то остроумную кличку „перваго коммивояжера германской индустріи". И съ извѣстной долей правоты про него можно сказать: er glaubt zu schieben und er wird geschoben.

Каутскій правъ, когда говоритъ, что капиталистическій имперіализмъ не является единственной движущей силой въ стремленіи государствъ къ территоріальному расширенію. Онъ только *самая современная* изъ этихъ силъ, все больше и больше задающая тонъ. Но рядомъ съ нимъ и въ союзѣ съ нимъ существуютъ силы прошлаго. Ихъ мегаломанія съ успѣхомъ утилизируется буржуазнымъ имперіализмомъ для своихъ задачъ, и наоборотъ: представители стараго режима съ большой благосклонностью относятся къ стремленію національнаго капитала расширять территоріальную арену своей дѣятельности. Они справедливо усматриваютъ въ этомъ попутное теченіе для своихъ старыхъ тенденцій, духъ которыхъ былъ съ геніальной простотой выраженъ однимъ изъ многочисленныхъ Людовиковъ въ знаменитой фразѣ: расши-

рять свои владѣнія есть занятіе самое пріятное для государей. Что и говорить, эти союзники являются соучастниками— и часто далеко немаловажными—въ преступленіяхъ капитализма, когда этотъ послѣдній, притягиваемый, какъ магнитомъ, незаконченной задачей имперіалистическаго „чернаго передѣла“ міра и радикальнаго перемежеванія политико-географическихъ картъ Азіи, Африки и даже Европы, подводитъ человѣчество на край пропасти всемірной войны. Требуется еще чей-то „волевой импульсъ“, чтобы съ этого края пропасти окончательно броситься, очертя голову, внизъ. Та или другая личная воля легче всего разрѣшаетъ эту задачу. Но что этимъ мѣняется въ вопросѣ объ отвѣтственности капитализма за военную катастрофу? Смягчается-ли сколько-нибудь эта отвѣтственность? Ни мало. Какъ разъ наоборотъ. Даже усугубляется. Ибо здѣсь мы подходимъ къ другой сторонѣ политической роли современнаго капитализма: чѣмъ полнѣе входитъ онъ въ имперіалистическую фазу своего существованія, тѣмъ примирительнѣе онъ начинаетъ настраиваться по отношенію къ реакціоннымъ силамъ прошлаго. Когда-то, въ медовый мѣсяцъ своего историческаго торжества, буржуазія щеголяла свободолюбіемъ и свободомысліемъ. Теперь она все больше и больше научается цѣнить духовныхъ и свѣтскихъ, штатскихъ и военныхъ носителей авторитета. У буржуазіи атрофируется еще одна изъ ея былыхъ „положительныхъ“ сторонъ. Ея десница превращается въ рудиментарный органъ, шуйца разростается сверхъ всякой мѣры...

V. Индустріоцентризмъ и индустріоморфизмъ.

Итакъ, что же такое имперіализмъ? Есть ли это одинъ изъ многихъ возможныхъ методовъ капиталистической политики, которымъ онъ воленъ пользоваться и воленъ не пользоваться, сохраняя свободу выбора и въ любой моментъ имѣя къ своимъ услугамъ средства замѣнить его чѣмъ-либо инымъ, не менѣе дѣйствительнымъ, или же имперіализмъ связанъ съ капитализмомъ гораздо болѣе тѣсной, гораздо болѣе глубокой органической связью и есть не что иное, какъ самый капитализмъ въ извѣстной фазѣ его развитія? Внѣшнее ли это средство для капитализма,—или же одна изъ формъ развитія самой его внутренней сущности?

Вопросъ этотъ, какъ мы видѣли, не только интересенъ теоретически, но и глубоко важенъ практически для всѣхъ

судебъ соціалистической программы и тактики. Въ самомъ дѣлѣ, если имперіализмъ—не болѣе, какъ „частность", какъ явленіе, для капитализма постороннее, лишь имъ иногда используемое, то и борьба съ нимъ, естественно, должна принять такой же частичный и „сепаратный" видъ, и значеніе этой борьбы будетъ строго „локализированнымъ". Иное дѣло, если анализъ показалъ намъ, что въ имперіализмѣ, какъ въ опредѣленной, рано или поздно развертывающейся, формѣ, проявляется самая сущность капитализма. Тогда характеръ нашего отношенія къ имперіализму будетъ непосредственно зависѣть отъ характера нашего отношенія къ капитализму вообще. Если мы по отношенію къ капитализму эволюціонисты, если мы хотимъ во что бы то ни стало „не препятствовать" его развитію или даже ускорять его, лишь оберегая въ въ то же время жизненные интересы пролетаріата,—то мы примемъ и по отношенію къ имперіализму тактику „laissez faire, laissez passer". И если наступитъ война, которая явится могучимъ, хотя и страшнымъ, рычагомъ имперіалистическаго преобразованія міра,—мы, скрѣпя сердце, вопреки своимъ мирнымъ тенденціямъ, примемъ участіе въ этой войнѣ.

Избѣгнуть этого неотвратимо-логическаго вывода, не отказываясь отъ эволюціонистскаго „пріятія капитализма" („капиталистической выучки" или „вывариванія въ фабричномъ котлѣ"), при этомъ можно лишь однимъ путемъ: заявивъ, что капитализмъ именно теперь, къ переживаемой нами эпохѣ, окончательно изжилъ все свое прогрессивное историческое содержаніе, подготовилъ все, что могъ, для соціалистическаго преобразованія общества и лишился такимъ образомъ всякой дальнѣйшей исторической миссіи, *пересталъ* быть *формой развитія* производительныхъ силъ и превратился исключительно въ *узы* этого развитія. Это означало бы конецъ борьбы за минимальныя требованія соціализма и переходъ къ борьбѣ—всецѣло и исключительно—за интегральную программу-максимумъ. Робкія, недоговоренныя до конца построенія этого рода, дѣйствительно, существуютъ. Но онѣ вызваны къ жизни не предшествующимъ объективнымъ анализомъ цифръ, фактовъ и тенденцій капиталистической эволюціи, а родились въ передрягахъ военнаго кризиса изъ субъективной потребности какъ-нибудь „связать концы съ концами" въ дезорганизованномъ, расшатанномъ событіями міросозерцаніи и совершенно искаженной націоналистическимъ грѣхопаденіемъ тактикѣ. Подобіе фактической опоры это построеніе, конечно, находитъ въ томъ массовомъ уничтоженіи культуры, которое

вызвано войной. Но войны сплошь и рядомъ отмѣчали собой то нарожденіе, то окончательное утвержденіе новыхъ соціальныхъ укладовъ и сами по себѣ суть событія слишкомъ экстраординарнаго порядка, чтобы быть показателями нормальнаго соотношенія положительныхъ и отрицательныхъ, творческихъ и разрушительныхъ сторонъ или функцій даннаго уклада въ данный періодъ. Въ своей полемикѣ съ Куновымъ Каутскій признаетъ, напр., теоретическую возможность, что имперіалистической фазой исторія капитализма не кончается, что за нею можетъ воспослѣдовать еще новая фаза—онъ называетъ ее „гиперъ-имперіалистической",—которая по отношенію къ имперіализму будетъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ былъ самъ имперіализмъ по отношенію къ до-имперіалистической фазѣ относительно замкнутаго національнаго капитализма. Совершенно мыслимо себѣ представить „Соединенные Штаты Европы", установившія въ своихъ предѣлахъ идиллію незыблемаго господства началъ международнаго права, гарантирующихъ справедливость, уваженіе къ чужимъ правамъ и свободу личнаго развитія. Но такое внутреннее „замиреніе" можетъ обратиться въ оружіе еще болѣе полнаго господства консолидированнаго „Стараго Свѣта" надъ всѣми остальными материками, морями и народами. И кто доказалъ, что въ эту „гиперъ-имперіалистическую" эру капитализмъ не изумитъ насъ новыми чудесами техники и новыми блестящими примѣрами промышленнаго организаціоннаго генія? Кто доказалъ, что въ этомъ направленіи у капитализма „крылья связаны и пути ему всѣ заказаны?" Кто—до войны—хотя бы просто помышлялъ о возможности такого доказательства по отношенію къ капитализму нынѣшняго дня? Никто или почти никто. Въ тупикъ импровизированнаго максимализма марксистская мысль бросилась въ паникѣ, ища какого-нибудь убѣжища отъ „патріотическаго" грѣхопаденія. Его происхожденіе—не индуктивное, даже болѣе того—не логическое, а субъективно-психологическое. И въ этомъ заключается смертный приговоръ всему этому безпомощному, недоношенному плоду соціалъ-демократической мысли.

Послѣдній остающійся выходъ—это отрицать внутреннюю неразрывность связи имперіализма съ капитализмомъ. Его испробовалъ самый осторожный и „маститый" изъ всѣхъ защитниковъ марксистской ортодоксіи—Карлъ Каутскій. Въ его лицѣ передъ нами испытанный „теоретикъ болота", пытающійся выступать и противъ правыхъ, и противъ лѣвыхъ, и по-своему свести концы съ концами въ потрясенной догмѣ.

Но и этотъ выходъ менѣе всего можетъ считаться дѣйствительнымъ, подлиннымъ выходомъ. Ибо для того, чтобы отрицать внутреннюю органическую связь имперіализма съ капитализмомъ, нужно поистинѣ игнорировать природу и того, и другого.

Индустріоцентризмъ! Вотъ какою чертою болѣе всего характеризуется капиталистическая система. Отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія и, соотвѣтственно этому, все болѣе и болѣе рѣзкая дифференціація города и деревни—вотъ исходная точка всего капиталистическаго преобразованія общества. Первоначально соціалистическая мысль готова была считать это явленіемъ временнымъ и преходящимъ даже въ предѣлахъ капиталистическаго строя. Полагали, что капитализмъ, постепенно овладѣвая разными отраслями производства, лишь на первыхъ порахъ, развивая въ индустріи всѣ свои положительныя, творческія стороны, въ деревнѣ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, какъ внѣшній эксплуататоръ. Вся система національнаго производства въ цѣломъ рисовалась, какъ нѣкая огромная хозяйственная пирамида. Въ основаніи пирамиды лежитъ добываніе сырья и средствъ существованія. Далѣе идутъ разные роды обрабатывающей промышленности, этажъ надъ этажемъ, причемъ готовые „продукты" одной, низшей отрасли производства, служатъ, въ свою очередь, „сырьемъ" для другой, высшей. Всю пирамиду увѣнчиваетъ машиностроеніе. Тамъ, гдѣ *машинами* производятся *машины*,—тамъ шпиль, остріе капитализма, гдѣ—естественно—всѣ его свойства должны обостряться до nec plus ultra. При этомъ казалось, что капитализмъ, такъ сказать, ведетъ свою работу проникновенія въ народное хозяйство страны *сверху внизъ*. Съ этой точки зрѣнія было понятно, что лежащія въ основаніи пирамиды разныя отрасли *добывающей* промышленности, въ особенности же сельское хозяйство, и еще спеціальнѣе—земледѣліе, дольше всѣхъ оставались внѣ прямого преобразованія по индустріальному „образу и подобію". Но думалось, что все это не болѣе, какъ вопросъ времени. Вѣдь капиталъ вездѣ дебютировалъ съ грубыхъ и примитивныхъ формъ „первоначальнаго накопленія" и поверхностной, элементарной эксплуатаціи труда. Въ деревнѣ онѣ тоже со временемъ уступятъ мѣсто высшимъ формамъ, въ которыхъ капитализмъ развернетъ свою настоящую творческую мощь. Это только произойдетъ позже—вотъ и все. Но *будущее* деревни при капитализмѣ таково же, каково *настоящее* городской индустріи.

Таковъ былъ первоначальный—нынѣ всѣми оставленный, сданный въ архивъ—прогнозъ первыхъ соціалистическихъ теоретиковъ, изслѣдовавшихъ законы эволюціи капиталистическаго способа производства.

Въ этомъ соціальномъ прогнозѣ вполнѣ проявилась соціально-бытовая природа самихъ теоретиковъ капитализма. Коренные, истые горожане, ближе всего наблюдавшіе роль капитала въ городѣ, они, переходя къ вопросамъ объ эволюціи деревни, слишкомъ легко поддавались соблазну судить о неизвѣстномъ по извѣстному. Эта естественная склонность къ сужденіямъ по аналогіи и создала умонастроеніе, которое можно было бы охарактеризовать словомъ „индустріоморфизмъ". Всѣ отрасли производства, однѣ раньше, другія позже, будутъ развиваться такъ, какъ развиваются сейчасъ высшія отрасли индустріи...

Читатель, естественно, вспомнитъ о періодѣ „антропоморфизма" во всемъ человѣческомъ міросозерцаніи. Одухотвореніе всей природы, объясненіе всѣхъ явленій „по образу и подобію" внутренней, психической жизни самого человѣка, имѣло своимъ источникомъ ту же тенденцію—о неизвѣстномъ судить по извѣстному, вѣрнѣе—о *незнакомомъ* по *знакомому*... Дальнѣйшее непосредственное *ознакомленіе* съ тѣмъ, что раньше было незнакомымъ, устраняетъ слишкомъ грубыя аналогіи, открывая черты различія и своеобразія. Прямой антропоморфизмъ все болѣе и болѣе отживаетъ свой вѣкъ. На его мѣстѣ остается *антропоцентризмъ*,—нѣчто, гораздо болѣе смягченное...

Человѣкъ перестаетъ быть принципомъ объясненія всего, что происходитъ во вселенной; но онъ дѣлается центромъ и средоточіемъ вселенной. Все существуетъ отнынѣ для него и получаетъ весь свой смыслъ отъ того значенія, которое имѣетъ для него. Примитивное равенство, въ которомъ человѣкъ *сливалъ* себя съ природой, исчезаетъ; онъ выдѣляетъ себя, ставитъ на привилегированное, обезцѣниваетъ сравнительно съ собою остальную природу, отводя себѣ роль активнаго агента и превращая остальное—въ „сырье", въ пассивную *матерію*.

Тотъ же процессъ, mutatis mutandis, имѣлъ мѣсто и въ эволюціи экономическихъ воззрѣній. *Индустріоморфизмъ* старой соціалистической теоріи, подъ вліяніемъ непосредственнаго изученія фактовъ, тенденцій и законовъ аграрной эволюціи, постепенно отмиралъ. Въ лицѣ того же самаго Карла Каутскаго—вспомните его „Аграрный вопросъ"—марксистская

теорія пришла къ признанію несомнѣннаго своеобразія аграрной эволюціи, не допускающаго заключеній по аналогіи. Оказалось, что въ деревнѣ капитализмъ дѣйствуетъ иначе, чѣмъ въ городѣ. Въ городѣ онъ концентрируетъ и организуетъ людей,—въ деревнѣ разсѣиваетъ, разрѣжаетъ, дезорганизуетъ населеніе. Происходитъ „обезлюженіе" деревень. Въ нихъ остаются слабѣйшіе и пассивнѣйшіе. Все болѣе энергичное и живое притягиваютъ къ себѣ дѣйствующіе, какъ магнитъ, „les villes tentaculaires". Города - спруты простираютъ вокругъ себя мощные, усаженные присосками, щупальцы и все захватываютъ въ свою власть. Деревня, земледѣліе развивается иначе, чѣмъ городъ. Но тѣмъ хуже для нихъ. Именно поэтому имъ не стать въ уровень съ индустріей. Именно поэтому ихъ судьба—все болѣе и болѣе подпадать подъ внѣшнюю гегемонію послѣдней. Деревня становится вассаломъ города, его данницею. На ея долю выпадаетъ пассивная роль, на долю города, индустріи—активная. Главнымъ двигателемъ развитія—какъ развитія вообще, такъ даже и развитія въ аграрной области—становится городская индустрія. Она—какъ центральное свѣтило въ соціальной системѣ. Деревня—какъ зависимый отъ него спутникъ... Такова эта теорія, духъ которой—это соціалистическій *индустріоцентризмъ*. Естественно, она скидываетъ со счетовъ трудовое крестьянство, какъ опору соціализма. Достаточно „нейтрализировать" его—вотъ тактическій лозунгъ, предложенный въ свое время Каутскимъ. „Нейтрализировать"—но это вѣдь и значитъ превратить въ пассивную матерію для исходящихъ изъ города опытовъ. Въ лоно соціалистическаго строя крестьянство, упираясь, будетъ вовлечено извнѣ. Лишь индустрія, въ лицѣ пролетаріата, будетъ субъектомъ соціальнаго переворота, все остальное будетъ объектомъ послѣдняго. Лишь индустрія выработаетъ—въ лицѣ пролетаріата—тѣ активныя силы, которыя преобразуютъ въ соціалистическомъ смыслѣ и ее самое, и—вслѣдъ за нею—деревню...

И нельзя не видѣть, что идейный, *субъективный* индустріоцентризмъ старой соціалистической теоріи былъ навѣянъ другимъ, *фактическимъ*, объективнымъ индустріоцентризмомъ, какъ основной тенденціей капиталистическаго строя.

„Отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія" и, какъ результатъ этого процесса, капиталистическій „индустріоцентризмъ". Эти немногія слова въ условіяхъ современнаго буржуазнаго строя пріобрѣтаютъ огромный смыслъ, а для деревни, для земледѣлія—зловѣщій смыслъ. Особенно

тогда, когда въ имперіалистической системѣ индустріоцентризмъ капитала достигаетъ своего апогея.

Въ самомъ дѣлѣ, что же такое имперіализмъ? Мы уже упоминали, что, по собственному опредѣленію Каутскаго, онъ состоитъ „въ стремленіи каждой индустріальной націи подчинять и присоединять къ себѣ все большую и большую область аграрнаго характера". Но вѣдь это и означаетъ, что только въ имперіализмѣ капиталистическій „индустріоцентризмъ" развертывается во всю свою широту. Лежащее въ его основѣ отдѣленіе „обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія" изъ базиса *внутринаціональнаго* раздѣленія труда становится базисомъ еще болѣе грандіознаго раздѣленія труда—*международнаго*.

Это—высшая фаза развитія капитализма, соотвѣтствующая эпохѣ, когда національный рынокъ обнаружилъ тенденцію расшириться и путемъ хозяйственнаго эндосмоза и экзосмоза между отдѣльными странами постепенно превратиться во всемірный рынокъ. „Индустріоцентризмъ" капитала здѣсь воспроизводится въ колоссально-увеличенномъ масштабѣ и международныхъ предѣлахъ.

Цѣлыя страны обнаруживаютъ претензіи, въ качествѣ метрополій, стать какъ бы сплошными „городами-спрутами" по отношенію къ другимъ странамъ—„колоніямъ" и „сферамъ вліянія".

Первыя въ своемъ внутреннемъ строѣ приходятъ къ гипертрофіи индустріи за счетъ атрофіи земледѣлія и сельскаго хозяйства. Онѣ становятся какъ бы капиталистическими индустріальными „солнцами" цѣлыхъ огромныхъ государственныхъ системъ—сложныхъ „имперій", окружая себя рядомъ хозяйственныхъ dépendances—странъ, служащихъ имъ рынками, поставляющихъ имъ сырье для переработки и пищевые продукты.

Какъ въ отдѣльной странѣ индустрія претендуетъ притянуть къ себѣ все лучшее изъ деревень; какъ она въ старой соціалистической теоріи претендуетъ монополизировать въ городѣ всѣ преобразующія силы и потомъ извнѣ „обработать" соціалистически человѣческое „сырье" косной деревни,—такъ теперь цѣлыя капиталистическія страны, съ ихъ гипертрофіей индустріи, претендуютъ возродить, въ исправленномъ и дополненномъ изданіи, старое дѣленіе народовъ на „историческіе" и „неисторическіе". Является новая, соціалистическая версія старой-престарой теоріи—ученіе о своеобразныхъ „избранныхъ народахъ соціализма", кото-

рымъ и Богъ велѣлъ взять подъ свою высокую руку, взять въ опеку страны и народности неисторическія... т. е. землецѣльческія.

Старая соціалистическая теорія обрекала крестьянство, деревню каждой отдѣльной страны на роль чего-то „нейтрализованнаго", въ лучшемъ случаѣ—ни Богу свѣчки, ни черту кочерги, и обѣщала извнѣ, силами индустріальнаго пролетаріата, втащить ихъ въ Элизіумъ соціалистическаго строя. Соціализмъ терялъ свою универсальность, общеприложимость. Онъ становился чѣмъ-то „локализированнымъ". Въ цѣлой области—аграрной—онъ не давалъ точекъ опоры для дѣятельности. Онъ самъ становился однобокимъ индустріально-пролетарскимъ соціализмомъ. Въ имперіалистическомъ фазисѣ капитализма эта однобокость соціализма усугубляется. Цѣлыя страны, въ хозяйственномъ смыслѣ являющіяся „колоніями", должны быть принесены въ жертву интересамъ „соціалистическаго имперіализма" метрополій и ожидать, въ качествѣ „сырья", пока „тамъ" не созрѣетъ соціализмъ и не потянетъ за собою свои колоніальные „придатки". Онѣ—какъ раньше трудовыя массы деревни—перестаютъ быть „цѣлью къ себѣ" и становятся лишь средствами по отношенію къ индустріальнымъ „странамъ-солнцамъ"...

Да, только имперіализмъ развертываетъ во всю широту „индустріоцентрическую" тенденцію, въ которой состоитъ самая сущность, самая душа капитализма. И послѣ этого намъ еще говорятъ, будто имперіализмъ—есть что-то постороннее ему, какой-то не то злокачественный наростъ, не то одно изъ многихъ возможныхъ средствъ работы капитализма! И будто именно поэтому можно вести локализированную „сепаратную" войну на жизнь и смерть противъ имперіализма, сохраняя старое „эволюціонистское, слишкомъ эволюціонистское" отношеніе къ капитализму! Какая иллюзія! И какой безпочвенный утопизмъ!

VI. Вопросъ силы.

Неудивительно, что въ концѣ концовъ самому Каутскому не могла доставить серьезнаго внутренняго удовлетворенія его попытка „свергнуть папу, не трогая католицизма"—придти къ революціонному отрицанію имперіализма, сохраняя „пріятіе" всего естественнаго процесса капитали-

стической эволюціи. И онъ попытался, со своеобразнымъ теоретическимъ „героизмомъ отчаянія“, произвести болѣе глубокій ремонтъ общаго міросозерцанія.

„Когда оперируютъ съ понятіемъ „экономической необходимости“, то нужно прежде всего предостеречь самого себя отъ представленія объ историческомъ процессѣ, какъ о какомъ-то застывшемъ механизмѣ. Общество не механизмъ, а организмъ. Тѣмъ самымъ съизначала уже даны понятія эластичности и способности къ приспособленію. Общественный организмъ обладаетъ этими свойствами еще въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ организмъ животный, ибо его элементы—уже не клѣточки, безсознательно реагирующія на всякое раздраженіе, но мыслящіе люди, у которыхъ между раздраженіемъ и вызванной имъ дѣйственной реакціей, можетъ неоднократно занять свое мѣсто раздумье, причемъ въ этомъ раздумьѣ, частью сознательно, частью безсознательно, играетъ опредѣленную роль не только личный жизненный опытъ, но и вѣковой опытъ всего общества, оставившій свои слѣды въ видѣ неяснаго отпечатка въ мозгу каждаго отдѣльнаго человѣка“ [1]).

Такова отправная точка зрѣнія, изъ которой нынѣ желаетъ исходить Карлъ Каутскій въ своихъ разсужденіяхъ о капитализмѣ и имперіализмѣ.

Органическая теорія общества,—эта злосчастная псевдотеорія, которую такъ немилосердно треплютъ всѣ вульгарные соціологи, хотя серьезная критика уже столько разъ не оставляла въ ней камня на камнѣ,—припутана здѣсь, конечно, ни къ селу, ни къ городу. И для чего она потребовалась здѣсь? Для понятій „эластичности“ и „способности приспособленія“. Для того, чтобы не покидая „естественно-научной“ важности тона, избавиться отъ гнетущаго представленія о какомъ-то процессѣ общественнаго развитія, механически предопредѣленномъ во всѣхъ своихъ основныхъ „фазахъ“, „черезъ которыя нельзя ни перепрыгнуть, ни отдѣлаться отъ нихъ путемъ декретовъ“, какъ выразился еще Марксъ въ предисловіи къ своему „Капиталу“. И—все хорошо, что хорошо кончается! Цѣль достигнута: механическая строгость и устойчивая необходимая послѣдовательность расплылись въ туманѣ „эластичности“, а единообразіе общихъ нормъ эволюціи растворилось въ „способ-

---

[1]) „Natonalstaat, Imperialistischer Staat und Staatenbund“ von K. Kautsky. Nürnberg, 1915. S. 17—18.

ности къ приспособленію". Справедливо, конечно, указаніе на коренное отличіе элементовъ или „атомовъ" общества—индивидовъ—отъ клѣточныхъ элементовъ организма. Но оно лишь подтверждаетъ нелѣпость выраженія: „общество не механизмъ, а организмъ". Общественный процессъ не является ни механическимъ, ни органическимъ процессомъ. Это—процессъ надъ-органическій или сверхъ-органическій, существеннымъ отличительнымъ признакомъ котораго является новый видъ связи между элементами или атомами процесса: именно, связь не физіологическая, а коллективно-психологическая.

Какъ бы то ни было, но, даже и слѣдуя за Каутскимъ, мы изъ объективной эволюціи чисто-матеріальной структуры общества перенесены однимъ рѣшительнымъ скачкомъ въ существенно-иную плоскость. Осью процесса становится уже не „безличная эволюція", а сознательное вмѣшательство людей, ихъ многообразныхъ общественныхъ группировокъ. Къ услугамъ этихъ коллективныхъ силъ—„эластичность" и „способность къ приспособленію" общественныхъ формъ. Нѣтъ болѣе внѣшно-необходимыхъ „естественныхъ фазъ развитія" въ ихъ опредѣленной чередѣ. „Nous avous changé tout cela". Можно повернуть эволюцію въ ту или иную сторону,—если только есть налицо достаточныя коллективныя силы...

Вотъ какія огромныя послѣдствія имѣетъ такая, казалось бы, невинная вещь, какъ замѣна одного отвлеченнаго естественно-научнаго понятія другимъ—„механизма" „организмомъ". Изъ „экономики" центръ тяжести рѣшенія переносится въ „политику".

Если вполнѣ оцѣнить уже нынѣ достаточно развернувшуюся „эластичность и приспособляемость" капитализма, то больше нельзя будетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей выводить изъ того факта, что имперіализмъ черпаетъ свои могучіе движущіе стимулы въ капитализмѣ, непреоборимость имперіалистической фазы въ предѣлахъ существованія капиталистическаго строя, нельзя говорить, будто противостоять ей въ рамкахъ нынѣшняго способа производства было бы безуміемъ.

„Быть или не быть" имперіализму—становится простымъ *вопросомъ силы*. Все рѣшатъ „Machtverhältnisse". „Теперь спрашивается, нѣтъ ли такихъ общественныхъ слоевъ и классовъ, въ чьихъ интересахъ было бы вынудить, чтобы капитализмъ для своего расширенія теперь же пріискалъ

иныя средства и пути, чѣмъ расширеніе колоніальныхъ владѣній, которое, при современномъ положеніи вещей, для каждой отдѣльной націи возможно лишь посредствомъ новой міровой войны". Отвѣтъ на вопросъ очень простъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія—и это даже не требуетъ доказательства,—что есть налицо такіе слои, которые имѣютъ повелительный интересъ въ установленіи всеобщаго мира и въ разоруженіи. Мелкіе крестьяне и мелкіе мѣщане, даже многіе капиталисты и лица изъ интеллигенціи не имѣютъ въ имперіализмѣ никакого своего интереса, который былъ бы сильнѣе, чѣмъ опустошенія и потери, приносимыя войной и политикой вооруженій". „Въ пролетаріатѣ къ этимъ мотивамъ борьбы противъ имперіализма присоединяются еще интересы демократіи и интернаціональности".

Какъ видите, на первый взглядъ дѣло обстоитъ какъ будто недурно. И совершенно непонятно, почему же всѣ эти силы сейчасъ плывутъ по теченію общаго шовинистическаго настроенія, вмѣсто того, чтобы рѣшительно встать ему поперекъ дороги? И почему утѣшительный діагнозъ Каутскаго такъ похожъ по своему противорѣчію съ фактами жизни на стереотипно-казенное „все обстоитъ благополучно"?

Благополучіе среднее! Ибо эта война прежде всего показала, что непосредственные матеріальные интересы самого пролетаріата нѣсколько черезчуръ тѣсно связаны съ интересами національнаго капитализма; такъ тѣсно, что, когда имперіалистическая политика повелительно диктуется интересами этого капитализма, сейчасъ же появляются на свѣтъ своеобразные „соціалистическіе имперіалисты", являющіеся рупоромъ обширныхъ слоевъ въ самомъ пролетаріатѣ. Глубокая трещина раскалываетъ самый пролетаріатъ, этотъ краеугольный камень соціализма, про который марксистская ортодоксія говорила: „на семъ камени созижду церковь мою". Взамѣнъ этого Каутскій хочетъ устроить какой-то политическій винегретъ, прибавивъ къ пролетаріату безъ разбора, въ поэтическомъ безпорядкѣ, мелкихъ крестьянъ и мелкихъ мѣщанъ, интеллигентовъ и даже капиталистовъ! Архимедъ, правда, говорилъ: „дайте мнѣ точку опоры, и я переверну землю". А Каутскій въ свой безпорядочной мѣшанинѣ самыхъ гетерогенныхъ соціальныхъ элементовъ воображаетъ найти точку опоры, чтобы повернуть рычагъ капиталистической эволюціи—пользуясь ея „эластичностью и приспособляемостью"—отъ имперіализма къ свободному федерированію націй на началахъ равноправія!

Не мы станемъ оспаривать идею расширенія базиса соціалистическаго движенія. Не мы будемъ упрямо замыкать его въ „узко-пролетарскія“ рамки. Тѣмъ болѣе теперь, когда прирожденный соціалистическій интернаціонализмъ пролетаріата крупной промышленности оказался благочестивой легендой, когда рядомъ съ сильными сторонами этого класса выяснились нагляднѣе, чѣмъ когда-либо, и слабыя, рядомъ съ казовою стороною—изнанка. Возрожденіе соціализма начнется съ самокритики пролетаріата. Въ процессѣ этой самокритики онъ утратитъ претензіи на званіе единственнаго истиннаго революціоннаго класса и среди другихъ исконно-трудовыхъ слоевъ займетъ мѣсто лишь „перваго среди равныхъ“. Онъ будетъ авангардомъ трудовой демократіи, но безъ претензіи замѣнить авангардомъ всю армію. Познавъ на горькомъ опытѣ и сознавъ идейно свои собственныя слабыя стороны, онъ справедливѣе отнесется къ своеобразнымъ слабостямъ другихъ трудовыхъ слоевъ и не будетъ отталкивать ихъ отъ себя надуманнымъ, искусственнымъ, привитымъ теоріей, высокомѣріемъ, вродѣ пресловутой ходячей фразы объ „антиколлективистскомъ мужицкомъ черенѣ“. Ибо чѣмъ хуже особая, специфически-крестьянская слабость—слишкомъ тѣсной зависимости отъ даннаго клочка земли,—чѣмъ она хуже особой, специфически-пролетарской слабости—слишкомъ тѣсной зависимости отъ даннаго національнаго капитализма? Всѣ трудовые слои, поскольку они живутъ въ рамкахъ *современнаго* буржуазнаго строя и превращаются экономически въ *его* подчиненныя *категоріи*,—въ той или другой мѣрѣ принимаютъ на себя отпечатокъ буржуазно-мѣщанской современности. Въ нынѣшнихъ *условіяхъ приложенія* ихъ труда—корень ихъ слабостей. Въ самомъ трудовомъ началѣ, проникающемъ ихъ жизнь,—корень ихъ сильныхъ сторонъ. Сущность соціализма практически и состоитъ въ умѣньи базироваться на этихъ сильныхъ сторонахъ и развивать изъ этихъ корней, развѣтвленное, стройное дерево рабочей идеологіи и тактики,—и одновременно въ умѣньѣ бороться со слабыми сторонами, не идти съ ними на сдѣлки и компромиссы, грубо говоря—не *потакать* имъ. Современный однобокій „индустріоцентрическій“ соціализмъ исполнялъ эту задачу неполно и односторонне. Онъ теоретически закрывалъ глаза на *слабыя стороны* пролетаріата—и поэтому практически нерѣдко проявлялъ по отношенію къ нимъ недопустимый оппортунизмъ. По отношенію къ крестьянству онъ дѣлалъ обратную ошибку:

онъ не доощѣнивалъ сильную сторону мужицкой трудовой психологіи и трудового правосознанія и не умѣлъ отъ нея перекинуть мостикъ къ соціалистическому міровоззрѣнію. Поэтому когда онъ практически, въ политической борьбѣ даннаго дня, нуждался въ помощи крестьянства,—онъ начиналъ съ нимъ, вмѣсто принципіальной политики, претендующее на „тактическую ловкость“ политиканство...

Осозналъ ли это Карлъ Каутскій? Ни мало. Онъ понялъ лишь повелительную необходимость момента—расширить базу соціалистическаго движенія. И, въ погонѣ за союзниками, бросился впередъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, перешелъ всѣ границы, отдѣляющія трудовую демократію отъ нетрудовой. И вотъ, въ поискахъ совокупной силы для отдѣленія капиталистическаго „здороваго ядра“ отъ мѣшающей дѣлу имперіалистической „скорлупы“, нашъ соціалъ-демократическій Иванъ Калита насовалъ въ свой мѣшокъ всего понемножку. Всего—вплоть до коренныхъ капиталистовъ. Вопросъ только въ томъ, что съ такой богатой политической добычей онъ будетъ дѣлать, и не окажется ли, что, какъ въ одной простонародной побасенкѣ, онъ такого „медвѣдя поймалъ“, который не только „не идетъ, упирается“, но и самого „поймавшаго“ никуда „не пускаетъ“...

И, быть можетъ, не совсѣмъ случайно, что возглавляемая Каутскимъ новая германская соціалъ-демократія доселѣ безсильно топчется на одномъ мѣстѣ со своимъ слишкомъ платоническимъ и слишкомъ теоретическимъ протестомъ противъ политики того соціалъ-шовинистической части прежде единой партіи, которая возглавляется Шейдеманомъ и покорно прислуживаетъ кайзеру Вильгельму.